САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

РУКА КРОМА

Джон Маддокс Робертс

Annotation

Ещё мальчишкой Конан покинул родную Киммерию — далёкий горный край благородных, мужественных воителей. Он не знал, суждено ли ему когда-нибудь вернуться к могилам предков. Но безжалостные боги ведут свою бесконечную, непостижимую игру, где люди — всего лишь пешки. Лукавство честолюбивых колдунов вовлекает простодушного киммерийца в жестокую схватку чародейских сил. Но могучему варвару не по нраву служить жалкой пешкой в зловещей игре! С верным клинком в руке Конан идёт тропой тяжёлых испытаний и кровавых битв и в конце концов попадает... в чертог Крома, обитель сурового бога Киммерии.

Азбука, Терра, 1996 год Сага о великом воителе "Рука Крома"
Джон Маддокс Робертс. В чертоге Крома (роман, перевод Т. Трубицыной), стр. 5-260

- Робертс Джон Маддокс
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая

Робертс Джон Маддокс
Конан в Чертогах Крома

Глава первая
ГОРОД СРЕДИ РАВНИН

Окошко было высокое и узкое, с остроконечной аркой наверху и замысловатой лепкой кругом. Сквозь него доносились удары большого барабана, висевшего на бронзовых столбах над Великими Вратами Хоршемиша. Низким, гулким ударам немедленно вторили другие барабаны, подвешенные над одиннадцатью менее значительными воротами города. Их бой означал, что тяжелые дубовые створки вскоре должны были сомкнуться на ночь. Всякий, кто, задержавшись снаружи, не успеет прошмыгнуть вовнутрь, вынужден будет заночевать вне стен, на травянистых лугах. За попытку проникнуть в город до наступления утра грозила смертная казнь.

Женщина, сидевшая у массивного стола, оторвала взгляд от листа тонкого пергамента, на котором она выводила змеящиеся стигийские иероглифы. Последние алые лучи закатного солнца вливались сквозь стрельчатое окно. Они играли на браслетах в форме змей, украшавших обнаженные руки женщины, и на золотой диадеме в виде кобры, что охватывала ее лоб повыше прямых черных бровей. Женщина сделала жест рукой, и высокий мужчина, неподвижно стоявший в углу комнаты, шевельнулся и подошел. Он был одет так, как одеваются жители пустынь восточного Шема.

- Время пришло, Мулэй, - сказала женщина. - Ступай разыщи того человека, о котором нам говорили, и приведи его сюда. Да не забудь, вели хозяину прислать еще светильников. Я хочу как следует разглядеть того человека, когда он придет.

Мулэй прижал руку к груди и поклонился:

- Как прикажешь, моя госпожа.

Широкая лестница вывела его во внутренний дворик, мозаичные плитки которого окружали мраморный бассейн посередине. Передав распоряжение насчет ламп, Мулэй прошел под островерхой аркой и оказался на узкой улочке.

В это время суток на улицах оставались одни только пешеходы. Животных, принадлежавших караванщикам и селянам, устраивали на ночь в загонах и стойлах вне городских стен. Мелкие купцы, весь день торговавшие на ковриках и под навесами, сворачивали свои пожитки.

Время от времени Мулэй обращался к местным жителям, спрашивая дорогу, и постепенно забрался в самую старую часть города. Улочки здесь были еще более узкими, здания - еще более ободранными и неприглядными, а населял их еще более шумный народ. Если в других местах все уже закрывалось до наступления утра, то здесь, наоборот, с наступлением темноты жизнь только начиналась. Размалеванные женщины в весьма откровенных нарядах зазывно окликали Мулэя. Он не обращал на них внимания. Его походка и осанка свидетельствовали, что это был не какой-нибудь досужий бабник, а гордый житель пустыни, отпрыск знатного старинного рода. Хватало на улочках и ворья, но смуглое, украшенное шрамами лицо и свирепый взгляд мгновенно отрезвляли любого, взлелеявшего крамольную мысль покуситься на его кошелек.

Гостиница, которую он разыскивал, оказалась сущим клоповником. Штукатурка, когда-то белая, пластами отваливалась от стен, обнажая неприглядные, грязно-бурые глиняные

кирпичи. Мулэю пришлось низко пригнуться, чтобы проникнуть сквозь дверь в плохо освещенную, задымленную общую комнату. К нему, вытирая руки о грязный фартук, тотчас подошел пузатый коротышка.

- Добро пожаловать, господин мой! - сказал хозяин гостиницы, перекрывая жалобное пиликанье инструментов немногочисленных музыкантов, начисто лишенных слуха. - Что прикажешь подать? Еды, вина? Может быть, тебе комнату? У нас есть все, что только душеньке угодно...

Мулэй показал ему серебряную монетку и шепнул на ухо несколько слов. На лице хозяина отразилось несказанное изумление.

- Киммериец?

- Да, господин, он здесь, но что тебе до этого негодяя?..

- А вот это уж не твое дело, - ответил Мулэй. - Просто проводи меня к нему.

И он оглядел комнату, высматривая человека, который подходил бы под описание, данное его хозяйкой.

"Этим киммерийцам присуща особая порода, - сказала она Мулэю. - Тот человек будет высокого роста, темноволосый. Возможно, с голубыми глазами. Кожа - белая либо загорелая, в зависимости от того, много ли он торчал последнее время на солнце. Кроме того, он почти наверняка окажется быстрее и сильнее большинства обычных мужчин. И еще он, как все эти северные варвары, скорее всего, обладает непредсказуемым нравом и ужасающей вспыльчивостью. Так что держи с ним ухо востро!"

В общей комнате не обнаружилось никого, к кому могли бы относиться эти слова. За столиками сидели небольшие компании горожан и приезжих, в большинстве своем караванщиков. Кое-где медленно, лениво постукивали игральные кости: уже по одному этому можно было сказать, что час еще не поздний. В дальнейшем, после нескольких кувшинов вина, здесь станет куда как шумно и, чего доброго, дойдет до потасовки с неизбежным вмешательством городской стражи.

Хозяин гостиницы проследил взгляд Мулэя и сказал ему:

- Нет, твой парень не здесь... хотя весь этот месяц от него здесь было не продохнуть. Идем со мной, я тебе покажу, где он.

Следом за ним Мулэй пересек комнату и поднялся наверх по раздолбанным деревянным ступеням. Верхний этаж был разделен тонкими перегородками на множество узеньких полутемных клетушек. Хозяин снял с крючка на стене фонарь и, подойдя к самой дальней и самой маленькой комнатке, поднял фонарь повыше. Вход не был закрыт не то что дверью - даже занавеской, и Мулэй без помех заглянул внутрь.

Один взгляд - и тонкие губы жителя пустыни скривила презрительная улыбка:

- Вот это и есть великий воин из Киммерии?.. - спросил он недоверчиво.

Обитатель комнаты полулежал, приткнувшись спиной к дальней стене, и чуть слышно посапывал во сне. Крупные руки были скрещены на животе, косматая всклокоченная голова свесилась на грудь. Единственной одеждой ему служила белая набедренная повязка, а на ногах красовались сандалии с дырами на подошвах. Все убранство комнаты составлял тонкий коврик.

- Он сказал, что его зовут Конан, - принялся объяснять хозяин гостиницы. Месяц назад он явился сюда, разодетый, точно туранский полководец. У него был великолепный конь, богатое седло, меч, лук, доспехи - словом, все как полагается. И деньги были... Он и давай тратить их направо и налево. Каждый вечер он играл в кости со своими приятелями и поил

их вином. Когда деньги кончились, он проиграл и оружие, и коня, и все остальное. Теперь у него из имущества остались только жалкие лохмотья. Нынче утром я попытался было выкинуть его вон, но он отказался съезжать и еще пригрозил, что свернет мне шею. Вот я и решил - подожду-ка до вечера, пока явится стража с обходом: пускай его заберут!

- Значит, он просто воришка, - сказал Мулэй. - И притом глупый. Наверняка все то, с чем он прибыл сюда, было краденым. Какой из него воин?.. Ну, да я всяко должен его доставить... Ступай, хозяин, только оставь мне фонарь.

Коротышка выразительно передернул плечами и сделал как ему было сказано.

Мулэй повесил фонарь на деревянный гвоздь, присел на корточки подле спящего киммерийца и протянул руку, намереваясь тряхнуть его за плечо. И тут произошло неожиданное. В тот миг, когда его пальцы коснулись бронзовой кожи, снизу вверх выстрелила мускулистая рука и ухватила его за шею. Мулэй потянулся к кинжалу, но на рукояти оружия уже сомкнулась вторая рука киммерийца. Это была здоровенная мосластая лапа силищи невероятной. Одновременно варвар открыл глаза, и Мулэй невольно отметил про себя, что глаза были ясными и трезвыми. Обычный человек, пожалуй, еще долго моргал бы на свет, тяжело соображая, что к чему. А этот... Мулэй знал, что парень не хитрил, прикидываясь спящим. Он действительно спал.

- Ты полагаешь, пес, меня так просто ограбить? - прорычал киммериец. Голос у него был низкий, и говорил он с резким акцентом.

Его рука сдавливала Мулэю горло, но тот умудрился выдавить даже с некоторым достоинством:

- А ты воображаешь, будто мне так уж нужна твоя засаленная набедренная повязка или прохудившиеся сандалии?..

Пальцы на его горле слегка ослабили хватку.

- Тогда какого рожна ты, собака, мне спать не даешь?

- Я пришел сюда, - сказал Мулэй, - чтобы отвести тебя к моей госпоже. Она хочет, чтобы ты исполнил для нее некоторое поручение, и обещает щедро заплатить за работу.

Киммериец выпустил его и поднялся на ноги. Он оказался выше ростом, чем ожидал житель пустыни.

- Что за поручение? Я согласен драться за деньги, но учти: я тебе не какой-нибудь там наемный убийца. И не дурак, которого легко провести...

Мулэй оправил одежду. Он был возмущен поведением киммерийца и в особенности тем, как тот позволил себе обращаться с его персоной. Он ответил:

- Моя госпожа сама скажет тебе, что ей надо. Идем.

Киммериец потянулся, разминая суставы.

- Я двое суток не ел, - сказал он. - У меня брюхо к спине прилипло. Какая служба с меня, если я от голода свалюсь по дороге?

- Я куплю тебе ужин, варвар, - проговорил Мулэй, весь содрогаясь внутри от ярости. - Пойдем вниз, и можешь есть, пока не треснешь.

- Не тресну, - ухмыляясь, успокоил его Конан. - Побеспокойся лучше, хватит ли у тебя денег заплатить за все, что я в себя запихну!

... Мулэй осторожно поскребся в двери покоев своей госпожи. Конан-киммериец сполна сдержал обещание: слопал столько, что хватило бы наесться троим, и по ходу обильного ужина значительно повеселел. Вот только вином его поить прежде разговора с госпожой Мулэй категорически отказался.

Когда они вернулись вдвоем в самую дорогую гостиницу Хоршемиша, ее хозяин воззрился на высоченного, практически голого варвара с изумлением, переходившим в откровенный ужас. Конану на мнение какого-то там горожанина было глубоко наплевать. Другое дело, его внешность могла произвести неблагоприятное впечатление на возможную нанимательницу...

На осторожный стук Мулэя отозвался женский голос:

- Войди.

Двое мужчин шагнули через порог.

- Госпожа, вот киммериец, которого ты пожелала видеть. Его зовут Конан,

С этими словами Мулэй отодвинулся в сторонку, и Конан уставился на женщину. Она была прекрасна. Черные волосы, ровно подстриженные над бровями, смуглая кожа, точеные черты аристократки. Большие черные глаза, густо обведенные сурьмой. Эта сурьма, украшения в виде змей и аскетические черные одеяния яснее ясного говорили, что перед Конаном была стигийка. Стигию киммериец не любил. Уж больно много там было колдунов и всякого древнего зла!

- Я - Хатор-Ка, - представилась женщина. - Подойди ближе.

Конан неохотно повиновался. Женщина обвела его неторопливым, внимательным взглядом, не пропустив ни единого дюйма плоти, начиная с пальцев ног и далее вверх. Чувствовалось, что она по достоинству оценила мускулистые бедра, поджарую талию, широкую грудь, сильные руки с широкими, жилистыми запястьями фехтовальщика.

- Повернись кругом, - приказала Хатор-Ка. Конан повиновался, не особенно понимая, с какой бы радости ему ее слушаться. Стигийка вновь подвергла его столь же тщательному осмотру, на сей раз со спины. Затем проговорила: Кажется, ты подходишь.

Конан вновь повернулся к ней лицом. Он попытался оценить ее возраст, но поди пойми что-нибудь по неподвижной, бесстрастной стигийской физиономии. К тому же совершенно лишенной признаков возраста. Сколько ей лет?.. Все что угодно, от двадцати до сорока. И еще. Он вполне отдавал себе отчет в том, что женщина была прекрасна. Вот только красота эта почему-то нисколько не вдохновляла его как мужчину.

- Стало быть, ты киммериец, - сказала она. - Мне как раз требуется именно киммериец.

- А зачем тебе именно киммериец? - спросил он. - Прежде меня нанимали за то, что я неплохо дерусь, а временами - даже за то, что я опытный вор. Но еще ни единого разу - за то, что родом я из Киммерии!

Она слегка откинулась в кресле. Ее глаза были бездонны и непроницаемы.

- Я хочу, чтобы ты выполнил для меня некое поручение, связанное с поездкой на твою родину. Я хочу, чтобы ты отвез кое-что во вполне определенную пещеру в киммерийских горах. В качестве вознаграждения... - Ее рука исчезла в складках одеяний и вынырнула с кожаным мешочком. Мешочек упал на стол, громко зазвенев. - В качестве вознаграждения ты получишь вот это. Открой.

Конан взял мешочек и распустил завязки. Огоньки свечей заиграли на золотых монетах отменной аквилонской чеканки. Душа киммерийца возликовала, но ни на лице, ни в голосе не отразилось ничего, что могло бы выдать его чувства.

- И каковы же, - спросил он, - твои условия? Как обычно - половину сейчас, половину потом, когда сделаю дело?

- Нет. Если согласишься выполнить мое поручение - получишь все прямо сейчас.

- Ты слишком доверчива, - сказал Конан. - Почем тебе знать, что я не выкину твою

посылку в ближайшие кусты, как только выеду отсюда?

- У меня много качеств, киммериец, - ответила Хатор-Ка. - Однако излишняя доверчивость в их число отнюдь не входит. Я слышала, люди твоего племени твердо держат данное слово. Дай клятву, что не подведешь меня и выполнишь поручение.

- Что ж, воля твоя, - сказал Конан. Подбросил мешочек и поймал его обратно в ладонь. - Клянусь доставить эту твою штуковину в Киммерию и отнести ее в горную пещеру, о которой ты говоришь.

- Этого недостаточно, - сказала Хатор-Ка.

- Почему? - спросил он озадаченно. - Я же дал слово! Я от него не отступаюсь!

- Ты должен, - потребовала она, - поклясться именем Крома.

Конан думал только о том, как бы скорее заполучить золото: размышлять ему было некогда.

- Хорошо, - сказал он. - Клянусь Кромом, что выполню твое поручение.

... Он пожалел об этих словах сразу, как только они сорвались у него с языка. Он с радостью отдал бы все золото, только чтобы их вернуть. Что могла эта женщина знать о Кроме?.. И каковы были ее действительные намерения?..

Хатор-Ка вновь поудобнее расположилась в кресле. На ее лице появилась жестокая улыбка.

- Этой клятвы ты не можешь преступить, киммериец, - сказала она. - Мы, стигийцы, многое знаем о самых различных Богах. Твой Кром безжалостен. Он не потерпит, чтобы кто-то всуе произносил Его имя!

- Вот это истинная правда, - нехотя признал Конан.

Женщина кивнула Мулэю, и тот отошел к роскошному сундуку, стоявшему в углу комнаты. Вынув из складок кушака увесистый ключ, житель пустыни отпер сундук и поднял крышку. Из глубины сундука появилась небольшая серебряная бутылочка, запечатанная свинцом. Конан заметил на печати иероглиф удивительно неприятного, смутно беспокоящего вида. Хатор-Ка взяла бутылочку из рук слуги и передала ее Конану. Тот безо всякого энтузиазма взял сосуд и про себя удивился его легкости.

- Судя по весу, - сказал Конан, - бутылка пустая.

- Она не пуста, - заверила его Хатор-Ка. - В том, что тебе предстоит сделать, нет ничего сложного. Когда проникнешь в пещеру, разведи огонь. Потом откупорь бутылочку и вытряхни ее содержимое в пламя. При этом ты должен трижды громким голосом произнести мое имя. Тебе все понятно?

Конан почувствовал, как шевельнулись волосы на затылке. Колдовство!.. С которым он предпочитал по возможности не связываться!.. Но деваться было некуда: он дал свое слово. "Да накажет Кром меня, дурака", - подумал он зло. А вслух спросил:

- И что потом?

- На этом твоя работа будет окончена. Дальше поступай как знаешь, сказала она.

- Ладно, - пробурчал он, - все вроде выглядит просто. Ну и в какой горе твоя пещера? У нас в Киммерии полным-полно гор, и почти в каждой - пещеры...

- Пещеру, которая мне нужна, ты найдешь без труда, - сказала Хатор-Ка. Известна ли тебе гора, именуемая Бен Мор?

Тут-то сердце у Конана не то что просто упало - прямо-таки провалилось в самые сандалии.

- Бен Мор?.. - прошептал он благоговейно.

- Совершенно верно. Бутылочка должна быть опорожнена в огонь на рассвете в день осеннего равноденствия, в огромной пещере восточного склона горы, именуемой Бен Мор. - Хатор-Ка улыбнулась при виде откровенного ужаса, отразившегося на лице варвара. - Что-нибудь не так, Конан? Ты ведь, по-моему, считаешь себя героем. Неужели у тебя кишка тонка предпринять небольшое путешествие, влезть на гору и забраться в пещеру?

- Ах ты сука стигийская!.. - выругался Конан, не обращая ни малейшего внимания на Мулэя, схватившегося за кинжал при этих словах. - Бен Мор... это дом Крома! Твоя пещера называется Обителью Крома!.. Это чертог моего Бога!..

Человек, зависший снаружи, чуть-чуть повыше окна, с большим интересом слушал разговор. Он висел на тонкой веревке, один конец которой был захлестнут за выступ крыши гостиницы, а на другом устроена широкая кожаная петля - опора для ноги. Дождавшись окончания беседы, происходившей в комнате, человек влез обратно на крышу, отвязал свое снаряжение и обернул его вокруг пояса.

Он был невелик ростом, но зато быстр и точен в движениях. Сидя на зубце крыши, он посматривал вниз, на улицу. Было совершенно темно, но глаза человека обладали кошачьей чувствительностью. Он легко узнал киммерийца, который покинул гостиницу и отрешенно побрел в сторону бедняцких кварталов. Тогда человек отправился в путь по крышам, благо крыши были плоские, а дома стояли впритирку друг к дружке. Добравшись до одного из зданий недалеко от квартала златокузнецов, он спустился в люк, что вел из висячего садика собственно внутрь дома. Там, в просторной комнате, восседал на подушках, скрестив ноги, полнотелый мужчина. Руки его лежали на коленях, глаза были закрыты.

- Джаганат?.. - нерешительно окликнул его вошедший. - Я вернулся...

Он говорил так, как говорят представители высшей касты Вендии.

Сидевший открыл глаза и милостиво улыбнулся:

- Разузнал что-нибудь заслуживающее внимания, Гопал? - Тот в нескольких словах передал ему содержание разговора, подслушанного у окошка Хатор-Ка. Толстяк заулыбался шире: - Двойное заклинание Тийи!.. А она вправду умна, эта стигийка. Успешно отвертелась от нелегкого путешествия!..

- Почему же ты, дядя, сам не воспользовался таким заклинанием? поинтересовался Гопал.

Джаганат без большого удовольствия взглянул на своего не в меру любопытного младшего родственника.

- Потому, Гопал, - ответил он, - что для него требуется человек необыкновенно надежный, заслуживающий полного доверия. А я никому не доверяю, кроме себя самого. - Его улыбка снова стала милостивой и доброжелательной. Он добавил: - Даже тебе, Гопал. Даже тебе. - Его взгляд упал на пергамент, разложенный на полу. - Что ж, - сказал он, - теперь, по крайней мере, всякие сомнения отпали. Хатор-Ка натолкнулась на тот же утерянный текст из Книги Скелоса, который я сам обнаружил годы назад. Интересно, многие ли еще пустились нынче в то же самое путешествие?..

- Дядя, - сказал Гопал, - не кажется ли тебе, что теперь самое время наконец рассказать, в чем смысл нашей поездки? Мы преодолели столько утомительных лиг, добираясь из Вендии в эти Богами забытые варварские края. Уж верно, не ради одних только знаний мы столько трудностей перенесли...

- Не ради знаний, - ответил Джаганат. - Ради власти.

- Власти?.. - повторил Гопал, и глаза у него загорелись.

- Вот именно. Когда я был юнцом, чуть постарше, чем ты сейчас, я учился на чужбине, посещая одну страну за другой. И вот однажды, в Аграпуре, городе пурпурных башен, роясь в библиотеке некоего ученого мужа, я натолкнулся на сборничек фривольных стишков. Я уже было отложил его в сторону, но тут заметил, что пергамент, которым была выстлана внутренняя сторона обложки, отклеился и отстал. Я заглянул в щель и увидел, что с изнанки пергамент покрывали странные письмена. Я аккуратно срезал его, а книжку поставил на место. Вот он лежит передо мной, пергамент, найденный в тот далекий день... Можешь ли ты прочитать его?

Гопал присмотрелся, однако письмена оказались совершенно незнакомы ему. Но тем не менее... Кажущаяся бессмыслица сразу начала некоторым образом извращать его мысли, заставляя думать о таком, о чем не хотелось размышлять даже ученику вендийского чародея.

- Нет, дядя, я ничего не могу разобрать, - проговорил Гопал.

- Вот и я в то время не смог, - продолжал Джаганат. - Но, как и ты сейчас, я сразу почувствовал важность, силу и власть этих письмен. Годы спустя, пройдя обучение под началом многих великих мастеров, я постиг этот язык и тогда-то вспомнил о листке, найденном в библиотеке. Оказалось, что это отрывок из утерянной главы Скелоса, причем на языке оригинала. Отрывок сей представляет собой весьма туманные катрены, но общий смысл строк с девятой по двадцатую примерно таков: "Новая звезда вспыхнет между рогами Быка. В тот год на рассвете, когда день сравняется с ночью, когда остынет жар Лета, а холод Зимы не успеет еще воцариться, явится Величайший, тот, кто подчинит себе всех чародеев Земли. И будет он править, не зная ни соперников, ни равных. В тот год на рассвете, когда день сравняется с ночью, а лучи солнца проникнут в пещеру на склоне Бен Мора, что в Киммерии, волшебник, которому предначертано стать Величайшим, пропоет Заклинание Великого Вызывания Сил. Ему будет дана высочайшая власть в колдовстве, а смерть постигнет его не иначе как от Стрелы Индры. Таково предсказание Скелоса..."

Гопал сидел молча некоторое время, и челюсть у него слегка отвисла от ужаса и восторга.

- А что такое "Стрела Индры"? - спросил он наконец.

- Стрелы Индры суть падающие звезды, что раз в тысячелетие прилетают к нам из созвездия, именуемого Колесницею Индры, - ответил Джаганат. - Ходят слухи, будто именно они разрушили дворец короля Валузии восемь тысяч лет тому назад. А последний раз Стрелы Индры падали какое-то жалкое столетие назад. Вот потому-то тот, кто в урочное утро проникнет в пещеру и воспоет Великое Вызывание, станет править волшебниками Земли самое меньшее девятьсот лет!

Маска напускной безмятежности слетела с вендийца при этих словах, оставив ничем не прикрытую жажду власти.

- В тексте, если я правильно понял, написано "Величайший", - сказал Гопал. - То есть в мужском роде. Каким же образом стигийка надеется, что ей удастся?.. Она ведь женщина.

- В этом древнем языке нет мужского и женского рода, - ответил Джаганат. Хатор-Ка по праву называют в числе избранных мастеров, которые способны произвести Великое Вызывание. Таких, как мы с ней, во всем мире не больше десятка. А сколько из этого десятка прослышали о пророчестве?.. Двоих мы уже имеем. Я весьма удивлюсь, если найдутся еще хотя бы двое...

- А что там насчет киммерийца? - спросил Гопал.

- Путь на его родину неблизкий и полон опасностей. Может, с ним еще что-то случится...

То есть я даже уверен, что его непременно постигнет какая-нибудь беда!

Молодой человек понимающе кивнул.

- Но если, - сказал он, - все-таки предположить, что киммериец эту беду некоторым образом переживет? Что тогда?

- Он будет путешествовать по суше, - терпеливо объяснил Джаганат. - Он должен пересечь Офир, потом - Немедию либо Аквилонию и далее - Гандерланд или Пограничное Королевство. Только так он сможет добраться до Киммерии. Да и тогда от границы до Бен Мора отнюдь не рукой подать...

- Но, дядя, - настаивал Гопал, - что помешает варвару достичь побережья и сесть на корабль?

Джаганат довольно улыбнулся:

- Это совсем просто, племянник. Лично я именно так и намерен поступить. Мы поедем на запад, а когда доберемся до реки Тайбор, что протекает через Аргос, - сядем на баржу и спустимся в портовый город Мессантию, и оттуда уже на морском корабле поплывем к северу. Таким образом мы с некоторым даже удобством пропутешествуем в Ванахейм, а там разыщем кого-нибудь, кто проводит нас до Бен Мора. Киммерийцу же этот путь заказан, ибо для того, чтобы добраться на родину со стороны моря, ему пришлось бы пересечь либо Пиктские Дебри, либо все тот же Ванахейм. А пикты, как и ваны, - злейшие враги киммерийцев!

- Тогда, - сказал Гопал, - мы почти наверняка выиграем гонку, и ты станешь величайшим из всех волшебников, когда-либо живших на свете!

В его голосе звучало благоговение, смешанное с предвкушением.

- Я стану могущественным, как Бог, - сказал Джаганат. - Да и над тобой не будет никого, кроме меня.

Конан предавался мрачным раздумьям, сидя в таверне над кружкой вина. Надо сказать, что таверна эта была много опрятней и лучше той, где он обитал совсем недавно. Он уже успел приобрести заплатанную, но крепкую и чистую рубашку у аквилонского наемника, сходного с ним по комплекции. В этой рубашке можно провести время в приличном заведении, пока утром не откроются рынки. Конан сидел в замогильном унынии, не слушая томной музыки и не глядя на то, как извивались и вращали бедрами танцовщицы. Проголодаться он еще не успел, а вино попросту не лезло в глотку. У него не было ни толкового кошелька, ни каких-либо других личных вещей, и потому мешочек с золотом просто висел у него под рубашкой на кожаном ремешке. Он уже разменял один золотой, заплатив хозяину таверны за трехдневный постой. На сдачу тот дал ему целую горсть меди и серебра. Конан не потрудился убрать ее, и она кучкой высилась перед ним на столе.

- Твоя погадать, господин? - раздался голос. Конан поднял глаза и увидел дряхлого оборванного кхитайца, стоявшего возле столика.

Люди из крайних далей Востока были большой редкостью даже на таком вселенском перекрестке, каким с полным на то основанием называли Хоршемиш. Изорванная рубашка старика отнюдь не скрывала тощего тела, а на голове громоздился неописуемый убор, состоявший в основном из перьев и колокольчиков. На шее болтались целые связки каких-то косточек, ракушек и иных предметов, чье название было столь же загадочно, как и назначение. Старик улыбался варвару заискивающе и несколько слабоумно, кивая головой, так что дергалась седая козлиная бородка.

- Моя всю правду говори, счастье предсказывай... очень дешево, господин!

- Тебя небось вот это привлекло? - хмуро спросил Конан, кивая на кучку монет. Потом взял самую маленькую - толстый, плохо отчеканенный шемитский медяк - и бросил денежку старцу: - Вот, возьми. И ступай прочь: не до тебя!

Сказал - и вновь уткнулся в кружку с вином.

Кхитаец поймал денежку на лету и внимательно рассмотрел.

- За это счастье не предсказывай, - заявил он. - За это моя только рассказывай притчу. Вот что однажды говори Правитель Ли: "Каждая фигурка на игральной доске свято уверена, что движется с одной клетки на другую не иначе как по своей собственной воле".

- Чего, чего?.. - заинтригованно переспросил Конан. - Какого рода предсказания ты делаешь?

- Верные, - ответил старик. - Дай моя одна серебряная монетка, моя все тебе как есть расскажи.

Конан усмехнулся. Свихнувшийся дед был все же забавен, а киммерийцу сейчас если что и требовалось, так только развлечься. При всей своей нелюбви к колдовству он нисколько не опасался ничтожной магии гадальщиков и разных прочих факиров.

- Садись, - гостеприимно указал он на скамейку. - Хлебни вина.

Дедуля весело закаркал и плюхнулся тощим задом на табурет против Конана. Взяв с другого стола ничейную кружку, он выплеснул отстой на усыпанный соломой пол, потом налил в кружку из кувшина, стоявшего перед варваром, и спросил:

- Твоя, значит, с Севера?

- Ага, из Киммерии, - проворчал Конан. - И ты учти, дед: коли пьешь мое вино, так будь добр, предскажи что-нибудь хорошее!

Старикашка вдруг омочил пальцы в вине и брызнул в разные стороны, вызвав ругань посетителей, в которых угодили брызги. Кхитаец проворно заглотал вино, оставив на дне всего несколько капель, и, бормоча нечто непонятное, уставился на осадок, крутившийся у дна. Потом ухмыльнулся и поднял глаза.

- Хорошая судьба! - проквакал он довольно. - Очень хорошая! То, что твоя делает, направляют Боги. Твоя думай, что твоя сам решай, как поступать, но на самом деле твоя только повинуйся, а все решай Высшие Силы. Как те фигурки Правителя Ли!

В его речи "твоя-моя" полуграмотного чужеземца странно мешалось с изысканными фразами ученого.

- И это, - сказал Конан, - у тебя называется предсказанием? Сколько себя помню, гадатели всегда несут такую вот чепуху, особенно если они, как и ты, с Востока. Как же, Богам больше делать нечего, только меня направлять!.. Я сам себе голова!

- Да, да, - подтвердил старый кхитаеза, улыбаясь и яростно тряся бородой. - Вот только иногда твоя поступай мало-мало странно, так? Бывает ведь? Твоя делай мало-мало такое, что сам не понимай, а?

Конан хотел отбрить наглеца, но тут же вспомнил не слишком-то обдуманную клятву, только что данную Хатор-Ка.

- Угу, - неохотно согласился он наконец. - Мало-мало бывает.

- Твоя видит? - обрадовался кхитаец, как будто это сразу все объясняло. Твоя скоро уезжай в дальний путь, так?

- Чтобы это угадать, пророком быть необязательно, - проворчал киммериец. Ну конечно, я скоро уеду. Кто вообще будет торчать в Хоршемише, если есть возможность отсюда слинять?..

- Твоя что-то делай сейчас, а что-то делай скоро, - сказал гадальщик. Твоя думай, что это совсем маленькие, незначительные дела. Только все это не просто так: пусть маленькая, но частица большого замысла Богов. И твоя все равно по этому поводу ничего поделать не моги! Так начертано свыше!

И старик налил себе еще кружку.

- Кром бы тебя забрал!.. - пробормотал Конан. Дед успел ему надоесть, а от восточного фатализма его всегда воротило.

- Скоро, скоро! - улыбаясь и кивая головой, повторил кхитаеза...

Глава вторая
СЕВЕРНЫЕ ВРАТА

Народ собирался спозаранку на главный рынок Хоршемиша затем же, зачем приходят люди на рынки в любом уголке мира: купить, продать, обменяться слухами и сплетнями, перемыть косточки властям предержащим. Женщины с пустыми кувшинами для воды охотно выстаивали длиннейшие очереди к фонтану посередине площади, убивая время за болтовней с соседками. А в дальнем конце рынка собирались местные астрологи-звездословы. Они с большим жаром обсуждали небесное явление, занимавшее их умы вот уже несколько последних месяцев. А именно, новую звезду, неожиданно вспыхнувшую между "рогами" Быка - одного из небесных созвездий. Звездословы никак не могли прийти между собой к согласию, выясняя, была ли вспышка звезды знамением, ниспосланным свыше. А если была, то какого рода предзнаменование следовало с ней связать - доброе или недоброе?..

Конан явился на рынок в середине утра, посетив перед этим квартал портных и кожевников. Теперь он красовался в штанах, приличной рубахе и кожаных сапогах. Приоделся он добротно, но без особой роскоши. Отменного качества были лишь сапоги: варвар знал, что по мере продвижения на север ему все равно придется сменить одежду на более подходящую для холодного сурового климата.

Он шагал через площадь, притягивая восхищенные взгляды женщин, толпившихся у фонтана. Думал он, однако, вовсе не о женщинах, а об оружии. Хоршемиш, увы, не славился кузнецами, зато здесь как-никак пересекались караванные тропы. А значит, у торговцев можно было раздобыть оружие практически любого народа.

Заметив лоток торговца оружием, Конан остановился и принялся неторопливо взвешивать на руке выставленные на продажу мечи, окидывая каждый наметанным взглядом. Торговец между тем без устали нахваливал товар.

- Только посмотри, господин, на эту туранскую саблю! Ее благородный клинок напоминает серп месяца, а рукоять щедро усыпана золотом и ясными перлами. Даже принц не устыдился бы носить ее при бедре...

- Ага, - сказал Конан. - Рукоять и впрямь неплохая. Только в бою, знаешь ли, действуют не рукоятью, а лезвием.

- Ты воистину прав, господин, - тотчас согласился купец. - Такому знатоку, как ты, надо непременно взглянуть на этот вендийский клинок. Видишь золотую и серебряную насечку? Это могущественные заклятия, наложенные на меч. Они...

- Я мало верю в заклятия, - проворчал Конан. - Я как-то больше привык доверять собственной руке. Скажи-ка лучше, есть у тебя мечи северной или западной работы? Я люблю широкие прямые клинки, а не эти изогнутые загогулины...

- Стало быть, - промурлыкал торговец, - у меня найдется именно то, что требуется господину. - И стащил мешковину с великолепного прямого меча с короткой крестовиной и тяжелым стальным эфесом, украшенным резьбой. - Из Ванахейма, господин мой!

Глаза Конана разгорелись от удовольствия. Ваны, надо отдать им должное, мечи делали замечательные. Он взял меч в руки и попробовал, хорошо ли тот сбалансирован. Зеркальная полировка лезвия так и вспыхнула на утреннем солнце. А вот с этим что-то было не так.

Ваны никогда не полировали клинки, предпочитая жемчужно-матовую поверхность: по их мнению, такая обработка лучше передавала внутренний узор сложной сварной стали. Исполнившись подозрений, Конан провел большим пальцем вдоль всего лезвия, от крестовины до кончика. Потом перевернул меч и столь же пристально изучил обратную сторону. Примерно посередине клинка его палец ощутил едва заметную неровность металла. Он поднес меч к глазам, повернув его так, чтобы не мешали отблески солнца на полировке. Ага!.. От края до самого срединного желобка тянулась трещина, тонкая как волосок.

Конан разочарованно бросил меч на прилавок:

- Забери обратно эту никчемную железяку! Неужели у тебя нет ничего получше?..

Выведенный из себя упрямством варвара, торговец махнул рукой, указывая внутрь своей лавки:

- Валяются несколько каких-то старых мечей, зайди посмотри, если уж больно охота.

Шагнув через порог, Конан обождал некоторое время, давая глазам привыкнуть к полумраку. Потом принялся рассматривать мечи и кинжалы, грудой сваленные на столе. Облюбовав тяжелый простой тесак с односторонней заточкой и широкой спинкой, он засунул его за кушак. Мечи, лежавшие на столе, ему не понравились, и он уже был готов заплатить за кинжал и пойти дальше, когда внимание привлек здоровенный глиняный кувшин, стоявший в углу. Из кувшина торчали рукояти мечей. Конан вытащил несколько штук. Большинство пребывало в весьма почтенном возрасте и было изрядно трачено ржавчиной. На лезвиях красовались зазубрины, а рукояти были обломаны или просто отгнили.

Вконец разочаровавшись, Конан решил уже поискать другую лавчонку... когда его рука нащупала меч, сразу показавшийся ему непохожим на все остальные. В полутьме он смог только разобрать, что лезвие было прямым и широким, обмотка же рукояти давно развалилась, так что между гардой и эфесом торчал лишь нетолстый стальной штырь. Конан вынес меч наружу, чтобы получше рассмотреть его при солнечном свете. От старости клинок покрылся фиолетово-черной патиной, но ни пятнышка ржавчины на нем так и не завелось. Крестовина и эфес, украшенные странным замысловатым узором, были сработаны из бронзы, давным-давно обросшей зеленью.

Желая проверить баланс, Конан позаимствовал с ближайшего лотка кожаный ремешок, туго обмотал рукоять и несколько раз взмахнул мечом для пробы. Импровизированная рукоять, конечно, оставляла желать лучшего, но, несмотря на это, Конан понял, что лучшей балансировки, пожалуй, еще не встречал. Он размотал ремешок и вернул его владельцу, а потом спросил у торговца, сколько тот хотел за меч и кинжал.

- О, господин мой, это очень старый клинок... - вновь запел торговец свою привычную песню. - Очень старый и, без сомнения, наделенный множеством скрытых свойств...

- Притом скрытых необычайно глубоко. Так, что даже и не видно, - прервал Конан. - Спорю на что угодно: ты купил его за бесценок у какого-нибудь могильного вора!

Конан не первый год жил на Востоке и успел постичь таинства любимой забавы местных жителей - искусства торговаться. Вот и на сей раз последовало ожесточенное препирательство, временами грозившее перерасти в открытый мордобой. Зеваки, проходившие мимо, останавливались поглазеть, а порою и вставить меткое слово. Мало кто пропускал случай поучаствовать в дармовом развлечении и высказать свое мнение. Тем не менее спустя некоторое время Конан ушел прочь, унося с собой завернутый в тряпку меч и заткнутый за кушак кинжал. При этом он был искренне убежден, что заплатил сущую

безделицу за преотличный клинок. Торговец, со своей стороны, был свято уверен, что выгодно сбыл никчемную железяку полуграмотному чужестранцу, содрав с него при этом три шкуры.

Киммериец между тем отправился в квартал ювелиров и разыскал там мастера по правке и снаряжению мечей. Тот сидел перед своей мастерской, перебирая точильные камни разной зернистости, мисочки с песком и полировальными порошками, а также полоски шершавой акульей кожи. Конан вручил ему свое новое приобретение.

- Можешь ты вычистить и наточить его, мастер? Еще не помешала бы рукоять. Мне сойдет самое простое дерево, олений рог или кость...

Мастер принялся тщательно изучать меч. Конан посмотрел, как он держал его в руках, и немедленно убедился: случай привел его именно к тому, к кому требовалось. Этот человек в оружии понимал. Может, не как воин, но как ремесленник - уж точно.

- Отличный клинок, - промолвил наконец мастер. - Весьма необычный, но, полагаю, я с ним управлюсь. Думаю также, что в отчищенном виде он станет гораздо красивее, чем ты предполагаешь. Поэтому ему нужна не простая рукоять, а особенная. Есть у меня кое-что... думается, тебе как раз подойдет...

- Да мне бы без особого изыска, - сказал Конан. - Хватит дерева или кости...

Однако говорил он это уже мастеру в спину: тот проворно скрылся внутри мастерской.

Ожидая его, Конан начал понемногу злиться, полагая, что сейчас тот попытается всучить ему цельный брусок нефрита, или хрусталя, или еще что-нибудь столь же броское, сколь и бесполезное.

Но когда мастер вернулся, киммериец увидел у него в руках плоский ящичек из ароматного сандалового дерева.

- Я купил это у гирканского торговца два года назад, - пояснил ремесленник. - Все ждал, пока подвернется стоящий меч.

Он открыл коробочку. Внутри обнаружился кусок странного материала, смахивавшего на тонкий пергамент. Он был белым, как новенькая слоновая кость, и покрыт беспорядочно рассыпанными бугорками. Невольно заинтересовавшись, Конан пробежал пальцами по шероховатой поверхности. Чутье бывалого воина подсказало: удивительный материал не подведет ни в коем случае. Чем бы он ни был на самом деле, он никогда не даст руке соскользнуть.

- Что хоть это такое? - спросил он заинтригованно. - Какая-нибудь особая кожа?

- Это кожа со спины гигантской луч-рыбы, что водится у островов восточней Кхитая. Говорят, в мире нет лучшего материала для обтягивания рукоятей. Я тебе сделаю рукоять из простого твердого дерева, а сверху обклею этой штукой. Давай-ка прикинем... Черен длинный, хватит места двум рукам, даже таким, как твои... Однако, мне кажется, останется еще достаточный клочок, который можно будет употребить для кинжала.

- Уговорил. Покупаю, - сказал Конан. Он даже не стал спрашивать о цене, заранее зная, что мастер заломит как следует. Хорошее оружие стоило денег. Конан с готовностью шел на подобные траты - точно так же, как и на риск в воровстве, если добыча того стоила. Он только поинтересовался: - А ножны ты делаешь?

- Это можно поручить моим подмастерьям. Какие бы ты хотел?

- Для кинжала - самые простые. Для меча - тонкое дерево, самое прочное, какое найдется, а сверху хорошо бы обклеить промасленной кожей. Наконечник и устьице - бронзовые. Деревянную оболочку нужно обтянуть изнутри коротко обстриженной овчиной, а

бронзовую оковку устья подрезать так, чтобы клинок не попадал на нее, когда стану его вытаскивать или убирать.

- Ты, господин мой, определенно разбираешься в оружии, - кивнул мастер. Приятно иметь дело с такими, как ты. Приходи через два дня: все будет готово.

Распростившись с ним, Конан двинулся дальше, на сей раз туда, где можно было купить коня и седло. Ему предстояло долгое путешествие, и он решительно отверг замечательных боевых и охотничьих коней, хотя при других обстоятельствах, пожалуй, потратил бы целый день, опробуя каждого скакуна. В конце концов он остановил свой выбор на крепком, здоровом гнедом мерине. Он собирался путешествовать налегке, к тому же часть пути наверняка придется проделать пешком. Поэтому вьючного коня Конан покупать не стал.

Его последним приобретением стал просторный плащ, способный послужить и одеждой, и одеялом. Кроме того, в такой плащ удобно завернуть немногочисленные пожитки И приторочить их сзади к седлу. Еще можно было купить латы и шлем, но по здравом размышлении Конан от этой мысли отказался. Незачем тащить с собой лишнюю тяжесть. К тому же он ехал на родину, а его соплеменники-киммерийцы полагали, что рядиться в доспехи - удел женщины, но отнюдь не мужчины. Засмеют ведь!..

Вечером он сидел в уже знакомой таверне, только в гораздо более приподнятом настроении, нежели накануне. Решение принято; теперь следовало действовать. Не таков был Конан, чтобы подолгу заниматься самоедством из-за ошибок или упущенных возможностей. Теперь он даже до некоторой степени предвкушал, как вновь попадет на родной Север. Давненько он не видел родственников, не дышал вольным воздухом гор! Чего доброго, удастся еще и посетить старых друзей-асов, провести какое-то время с ними в походах...

- Твоя не хочет амулета, добрый господин? - прозвучал рядом голос, показавшийся киммерийцу знакомым. Он поднял голову и увидел дряхлого кхитаезу. Старик протягивал ему здоровенную связку неописуемых хреновин, надетых на кожаные ремешки. - Амулета отгоняй порчу, дурной глаз, храни на воде и от змеиного укуса...

Косоглазый приглашающе улыбался. Конан невольно улыбнулся в ответ:

- Никак решил мне накаркать еще чего-нибудь хорошенького, а, ворона облезлая? - Он успел твердо решить, что нипочем не позволит свихнутому предсказателю нарушить его радостное настроение. - Вот, держи! - И он сунул старому шаману полновесный сребреник кофийской чеканки. Кхитаеза ловко поймал его свободной рукой и попробовал на зуб. Потом, хихикнув, спрятал денежку куда-то под свое многослойное рванье и протянул Конану ремешок, на котором болтался кусочек зеленого камня, вырезанный в виде странной фигурки.

- Возьми, - принялся он настойчиво пихать варвару свой амулет. - Она защищай. Очень хорошо защищай!

- От чего? - спросил Конан. - От змей или утопления? Знаешь, я уж лучше своей собственной силой как-нибудь обойдусь...

- Иногда сила не помогай, - резонно заметил старик. - Бывай, даже сильный большой человек мало-мало нужна хороший заклинания и амулета. Этот, она спасай жизнь, когда кончайся вся сила!

Делать нечего, Конан неохотно взял камешек и повесил его на шею, - больше ради того, чтобы старикан от него отвязался. В конце концов, будет что подарить в дороге какой-нибудь смазливой девчонке...

Дед, однако, продолжал хихикать и улыбаться.

- Держи его под рубашка, - посоветовал он киммерийцу. - Плохо, когда много людей его замечай... - И направился было прочь, но потом повернулся, воздел палец и строго напомнил: - Твоя крепко запомни: только пешки на игральной доске Богов!..

- Ты мне вот что скажи, дедуля, - проворчал Конан. - Если мы туда-сюда ходим не иначе как по манию каких-то там Сил, на кой хрен нужны твои амулеты?..

Старец захихикал так, словно услышал нечто невероятно забавное.

- Даже Самим Богам, - ответил он, - иногда мало-мало нужна амулета!

Два дня спустя Конан снова стоял перед мастерской точильщика мечей. Он держал в руках свой клинок, и теперь его было положительно невозможно узнать. Меч так и сиял великолепнейшей полировкой, но не она потрясла Конана, а цвет клинка. Сталь оказалась бледно-голубой: киммериец ни разу еще не видел оружейной стали такого оттенка. Бронзовая крестовина и эфес вычищены до теплого мерцания, и жемчужно-белая шкура луч-рыбы как нельзя лучше оттеняла золотистый блеск бронзы. Но все это не шло ни в какое сравнение с чудесным ощущением от точной балансировки оружия. Казалось, меч сам ходит в руках туда и сюда, взлетая и рубя почти без усилия.

На радостях Конан пошел выписывать им в воздухе замысловатые кренделя, которым некогда обучил его туранский мастер фехтования. Прохожие, оказавшиеся в опасной близости от свистящего лезвия, отреагировали на выходку варвара испуганными вскриками и руганью. Конан, широко улыбаясь, вложил меч в новехонькие ножны. Он был полностью удовлетворен. С правого боку, уравновешивая тяжесть меча, на его поясе висел кинжал. Благодаря переделанной рукояти он выглядел теперь настоящей парой мечу.

- Чтобы заточить этот клинок, мне потребовалось времени вдвое против обычного, - пояснил ремесленник. - Сталь необыкновенно тверда. Зато теперь ты можешь им бриться. Что же касается цвета металла... такой голубой оттенок я видел всего несколько раз, и только на очень старинных мечах. Секрет изготовления подобной стали утерян давным-давно. Присмотрись внимательнее: видишь, клинок несколько светлеет к лезвию? Лезвие сделано из стали другого сорта, наварено на более мягкую сердцевину и отдельно закалено... - Мастер вздохнул. - Увы, тайну изготовления подобных мечей древние унесли с собой... Лучшие туранские по сравнению с ним - сущие гнилушки. Надеюсь, друг мой, он послужит тебе верой и правдой!

Цена оказалась не маленькая, но Конан отсчитал деньги более чем охотно. Что такое, в конце концов, золото?.. К тому же оно всегда утекало у него между пальцев, как вода. Сталь - другое дело. Стали можно довериться. Приятная тяжесть у пояса ободряла киммерийца, вес клинка не только не тяготил его, но как бы даже придавал легкости. Конан отправился в гостиницу, где обитала Хатор-Ка.

На сей раз тамошний хозяин держался с ним прямо-таки подобострастно. Наряд Конана - простая рубашка, сапоги и штаны - был далек от какой-либо роскоши, но теперь молодой киммериец с головы до пят выглядел воином, а такие люди внушают уважение издалека.

Взойдя наверх по ступеням, он постучал в дверь. Мулэй открыл ему и пригласил варвара внутрь. Хатор-Ка сидела за столом, и перед нею была разостлана большая карта.

- Я выезжаю завтра с рассветом, - объявил Конан без каких-либо предисловий. - Давай бутылочку, и я пошел.

- Торопишься, - упрекнула его Хатор-Ка.

Конан огрызнулся:

- А тебе лучше сгодился бы посланник, который ползает, как улитка?..

- Подойди сюда, - приказала она. - Покажи мне, каким путем ты намереваешься следовать.

Конан обошел стол и присмотрелся к карте. Ему и раньше приходилось рассматривать карты, но с реальными странами и краями он соотносил их не без некоторого труда.

- Хрен разберешь эти каракули, - проворчал он недовольно. - На трезвую голову поди пойми...

Хатор-Ка принялась называть и показывать ему основные государства и главнейшие реки. Спустя некоторое время карта перестала быть для Конана кхитайской грамотой. Он увидел, что места обитания так называемых цивилизованных народов были разрисованы в мельчайших подробностях, с многочисленными городами, зато "варварские" страны Юга и Севера отображались лишь в самых общих чертах. Наконец Конан провел пальцем вдоль примерного маршрута, который успел для себя наметить.

- Я поеду прямо на север, пересеку Офир, потом дальше через Немедию. Может, остановлюсь в Бельверусе, если только там не происходит очередная осада. Ну, дальше Пограничное Королевство... Там меня вздернут на первом же суку, если поймают. И на том спасибо, что Королевство тянется узкой полосой... Быстренько проберусь через него, а там и Киммерия.

- А почему ты не хочешь через Аквилонию? - спросила Хатор-Ка. - Там гораздо больше городов и разных поселений. Мог бы проехать на север до Гандерланда и Боссонских Пределов, причем все по обжитой населенной стране...

Конан отрицательно покачал головой.

- Восточный путь, - сказал он, - пролегает большей частью по открытой равнине. Там хватает воды, зато не придется переправляться через крупные реки. Для путешествия верхом лучше не придумаешь. Зато в Аквилонии - река на реке, и все текут к югу. Если взять лодку, все равно получится медленнее, чем на коне. Что же касается поселений... От них сплошные неприятности. И потом, в этом случае пришлось бы въезжать в Киммерию через земли Муррохов. А у клана Муррохов с моими родственниками кровная вражда вот уже пять поколений. Мои предки когда-то увели у них всех лошадей...

- Отлично! - сказала Хатор-Ка. - Твой маршрут меня, собственно, не интересует. Я всего лишь хотела убедиться, что ты действуешь не наобум и способен заранее многое предусмотреть.

Она повернулась к Мулэю и кивнула ему. Слуга вновь подошел к сундуку, открыл крышку и вынул серебряный пузырек. Хатор-Ка подержала его в руках, потом передала киммерийцу.

- Во имя твоей клятвы, - проговорила женщина, - не допусти, чтобы с этой бутылочкой или ее содержимым что-либо произошло, пока не завершишь путешествия.

- Могла бы и не напоминать! - буркнул Конан. - Сказал - значит, сделаю!

И, не попрощавшись, вышел за дверь.

Мулэй проводил его взглядом.

- Госпожа моя, - сказал он, - я, честно говоря, на холодном Севере ничего не забыл. Но, по-моему, лучше было бы нам с тобой самим предпринять это путешествие...

Хатор-Ка подошла к стрельчатому окошку и посмотрела вниз, на улицу. Киммериец шел прочь. У него был широкий, упругий шаг горца.

- Нет, Мулэй, - сказала стигийка, - ты ошибаешься. Даже если бы мы выдержали это странствие, мы нипочем не сумели бы прибыть на место ко дню осеннего равноденствия.

Дабы ускорить наше движение, мне пришлось бы пустить в ход самую могущественную доступную мне волшбу. Я прибыла бы на гору Бен Мор опустошенной, неспособной к борьбе, которая, быть может, там воспоследует. А этот человек, он... он наилучшим образом подходит для нашего дела. Он силен, простодушен и ни за что не отступится от данного слова.

Горбоносый Мулэй в ответ только фыркнул:

- Могут ли у дикаря быть какие-то понятия о чести?..

- Могут, и гораздо более глубокие, чем тебе кажется. Честь - это присущая варварам добродетель, от которой у цивилизованных народов сохранились лишь жалкие воспоминания. Но самое главное - этот человек киммериец и будет действовать у себя дома... - И Хатор-Ка бросила последний взгляд на Конана, чья широкая спина как раз скрывалась за ближайшим углом. - Нет, Мулэй, повторила она. - Лучшего выбора сделать я не могла...

На следующее утро Конан выехал из Северных Врат Хоршемиша. Восходящее солнце только-только окрасило нежным багрянцем восточную стену, а здесь, с северной стороны, еще лежала глубокая тень и властвовала ночная прохлада. Конан направил своего гнедого между створками раскрывавшихся ворот, едва лишь они успели разойтись на достаточную ширину. Стражники, стоявшие наверху, потягивались и зевали, предвкушая, как сейчас явится смена и наконец-то можно будет завалиться спать в казарме.

Несмотря на столь ранний час, стражники Северных Врат были на стене не одни. Рядом с позеленевшими бронзовыми столбами, на которых висел надвратный барабан, стоял, побрякивая снизанными косточками и ракушками, тощий оборванный старичок. Он долго смотрел вслед скакавшему из города киммерийцу и махал ему рукой, хотя Конан того видеть не мог...

Глава третья
ПЯТЕРО ВСАДНИКОВ

Вот уже семь дней длилось путешествие Конана, и шесть дней из семи варвар шкурой чувствовал на себе чье-то неусыпное внимание. Очень трудно незаметно следовать за человеком по открытой равнине, в особенности за человеком опытным, весьма подозрительным и к тому же киммерийцем по национальности. Повинуясь давней привычке, каждые несколько часов Конан поднимался на ближайшую возвышенность и обозревал все окрест, обращая особое внимание на ту сторону, откуда приехал.

Вот так и вышло, что уже на второй день он засек пятерых всадников, следовавших за ним. Покамест они значительно отставали - не вдруг догонишь. Еще он понял, что рано или поздно все-таки придется повернуться к ним лицом и дать бой. Одному человеку от пятерых не удрать, разве только по очень благоприятной для этого местности. Толковые преследователи непременно разделятся одни будут беспощадно гнать жертву, другие - поспевать сзади без большой спешки, чтобы потом сменить своих сотоварищей. Действуя таким образом, рано или поздно они загонят коня преследуемого, а их собственные скакуны останутся относительно свежими.

С другой стороны, Конан был уверен в своем коне, а в себе самом - еще больше. От недостатка уверенности в себе он не страдал никогда. Еще он вполне отдавал себе отчет, что такой выносливостью, как у него, преследователи навряд ли могли похвалиться. И уж он позаботится о том, чтобы выбрать удобное место для боя. Хорошо бы, конечно, занять позицию на возвышенности, да только где ее тут найдешь?..

На рассвете седьмого дня он все-таки обнаружил холмик в несколько шагов высотой и решил, что это-то место и станет тем самым, где он победит или умрет. Коня он привязал у ручья примерно в четверти мили от холмика; там было много сочной травы. Он напоил мерина, потом хорошенько вычистил. И проверил привязь, проследив, чтобы конь смог без большого труда перегрызть ее, если придется. Мало ли, вдруг он сейчас перемочит противников, но и сам Крому душу отдаст? Зачем погибать ни в чем не повинному животному?..

Когда все было готово, Конан подкрепился горсткой сушеных фруктов и вяленой говядиной, а затем отправился на облюбованный холмик. С вершины он разглядел, что пятеро всадников прибудут не ранее чем через час. Конан уселся и стал терпеливо ждать.

Он совсем не хотел, чтобы его заметили издалека. Если его увидят, то приблизятся медленно, успев отдышаться и отдохнуть. Оказавшись в одиночку против пятерых, Конан понимал, что в этом положении даже ему надо было с толком использовать все маломальские преимущества, какие только подворачивались.

Когда всадники приблизились, он вытащил из ножен меч и в который раз залюбовался его красотой. Боя, по-видимому, не избежать; что ж, тем лучше! Судьба дает ему случай проверить новый клинок в решительном деле!.. Да, сказал себе Конан. В самом что ни есть решительном

Когда пятеро оказались в какой-то сотне шагов, он поднялся, взмахнул мечом над головой и заорал во все горло.

- Я - Конан из Киммерии! Если вы приехали убить меня, давайте попробуйте, я не прячусь и не бегу! Смелее, вшивые псы!

Всадники натянули поводья и недоуменно уставились вверх. Чего-чего, а такого приема они ни в коем случае не ожидали. Подобный вызов был воистину достоин Века Героев, а век этот, как все они отлично знали, давно миновал. Последовало короткое препирательство - они выясняли, кто пойдет первым. Принятое решение было разумно. Они постановили ринуться в атаку все разом.

Конан только усмехнулся, глядя, как пять скакунов одновременно берут разбег. Именно на это он и рассчитывал. Только хорошая войсковая выучка позволила бы пятерым действовать слаженно, единой командой. У этих типов ни малейшего признака подобной выучки не наблюдалось. Все пятеро еще и принадлежали к разным народам, так что каждый был вооружен и снаряжен в соответствии с обычаем своего племени.

Они приблизились неровной шеренгой. Конан метнулся влево, чтобы сцепиться с крайним всадником, одновременно прикрываясь им от остальных. То, что его противникам казалось чистым самоубийством - надо же, спешился перед такой схваткой!.. - на самом деле давало ему преимущество. Ему не приходилось управляться с конем, а значит, и отвлекаться от поставленной цели УБИВАТЬ. А Конан в бою обыкновенно об этом только и думал.

Крайний всадник был курчавобородым шемитом, облаченным в просторные шаровары Он обходился без стремян и доспехов, довольствуясь тонкой пикой в правой руке и небольшим круглым щитом - в левой. Издав курлыкающий боевой клич, он опустил пику, вознамерившись проткнуть киммерийца насквозь...

Конан сбежал с холмика и сошелся с шемитом, как раз когда лошадь всадника изготовилась взбираться на склон. При этом она поневоле сменила аллюр, и перебой в ритме движения заставил шемита на какой-то миг потерять равновесие... а большего Конану и не требовалось. Стоило острию пики чуть дрогнуть в воздухе, как варвар отвел его в сторону ударом плашмя, а потом прыгнул вперед и вверх, вытянув руку с мечом и обратив все свое тело в метательное копье. Шемит судорожно попытался заслониться щитом, но "копье" было слишком тяжелым и слишком быстро летело Острие меча угодило воину под подбородок, и он резко откинулся, чуть не вылетев из седла и багряной дугой разбрызгивая щедро хлынувшую кровь.

Не теряя времени даром, киммериец взлетел обратно на холмик. Четверо уцелевших бестолково крутились, силясь понять, что же произошло. Первым заметил Конана туранец в остроконечном шлеме. Он тотчас пришпорил коня, размахивая тяжелым кривым мечом-тульваром и явно имея в виду сбить противника и затоптать его лошадью. Казалось, ему вот-вот это удастся. Но в самое последнее мгновение Конан рванулся в ту сторону, где у туранца висел щит. Взмах меча начисто снес противнику левую ногу Туранец с криками вывалился из седла.

Беда только, сам Конан не успел восстановить равновесия после мощного замаха: тут же подоспели еще двое конников, и Конана сшибли наземь. Он попытался вскочить, но на плечи ему свалился заморiец и стал прижимать к земле, одновременно стараясь пырнуть кривым кинжалом. Конан бросил меч, мешавший ему пустить в ход обе руки, и сгреб заморийца. Кинжал, все-таки полоснувший варвара по правому плечу, показался ему полосой раскаленного железа.

Краем глаза киммериец заметил чей-то меч, готовый раскроить ему спину. Конан развернулся, явив силу и быстроту, неведомые цивилизованным воинам, и подставил под

удар схваченного заморийца. Тот успел тоненько завизжать меч перерубил ему позвоночник. Конан швырнул труп в лицо нападавшему аргосийскому фехтовальщику, не успевшему оправиться от невольного замешательства. Замориец и аргосиец вместе свалились на землю. Конан тотчас подскочил к аргосийцу, ухватил его за шлем и как следует крутанул. Глухой щелчок уведомил, что дальнейших усилий не понадобится. Выпрямившись, Конан без промедления поискал глазами пятого...

Он увидел последнего противника шагах в двадцати от себя. Тот сидел в седле с видом мрачного долготерпения. На нем было нечто вроде кирасы из твердых кожаных ремней, прошитых железными заклепками, а на обоих предплечьях - толстые кожаные наручи. У пояса висел длинный прямой меч с рукоятью, которую берут сразу двумя руками. Из-под черного шлема, снабженного стрелкой, ниспадали пряди рыжевато-русых волос, а глаза оказались синими, как у самого Конана. Если бы не чисто выбритый подбородок, парень сошел бы за аса. Конан, однако, сразу понял, что всадник родился не в Асгарде, а много дальше к югу.

- Неплохо ты нынче повеселился, киммерийский пес, - слезая с коня, сказал Конану воин. - Знай, однако тех, чья родина - Гандерланд, убить гораздо труднее, чем выродков с Востока!

Конан отыскал свой меч и подобрал его, первым долгом проверив, не стала ли рукоять скользкой от крови или утренней росы на траве.

- Гандеры, - сказал он, - умирают точно так же, как и все прочие люди. Помнится, я многих убил при штурме Венариума, а мне тогда было только пятнадцать.

- Венариум!.. - сплюнул гандер. - Я поклялся убить по дюжине киммерийцев за каждого родственника, которого потерял в той резне! Их кровь взывает к отмщению. Сегодня я отправлю еще одного черноволосого раба прислуживать им на небесах!

Двое северян сошлись на самой вершине пригорка. И принялись рубиться безо всякого там тонкого изыска, вовсю размахивая двуручными мечами. Голубая и серая сталь встречались с чудовищным звоном, высекая снопы искр. Прошло время бросать вызовы или хвастаться - соперники лишь рычали от ярости да еще от усилия, которое вкладывали в очередной могучий замах. Удар - защита! Удар защита!.. И снова, и снова без перерыва и отдыха. Оба воителя были великанами и вооружены мечами под стать, но от этого их единоборство не казалось ни медлительным, ни тяжеловесным. Мечи мелькали с такой быстротой, что уследить за ними поспел бы лишь самый опытный глаз.

Конан обливался потом и дышал, как кузнечные мехи. Вот уже несколько лет ему не доводилось сходиться в равной битве с таким же, как он сам, северянином. Между тем уроженцы Гандерланда, этого сурового северного пограничья великой Аквилонии, вырастали ничуть не менее быстрыми и крепкими телом, чем мужчины Киммерии или Северных Стран. Другое дело, что Конан выделялся своей статью даже среди киммерийцев...

Вот гандер, затеяв жуткий удар наотмашь, провел свой меч на какой-то ноготок дальше положенного, тем самым дав Конану время податься в сторону. Меч не встретил сопротивления, гандер сунулся вперед, силясь восстановить равновесие... Слишком поздно! Меч Конана свистнул в горизонтальном размахе и впился гандеру в бок, легко вспоров толстую кожу доспехов. Высвободив клинок, Конан мгновенно послал его по широкой смертоносной дуге. Голубая сталь рассекла кирасу и плоть от плеча до поясного ремня, безжалостно развалив и кости, и внутренности

... Только звериное неприятие смерти еще какой-то миг удерживало гандера на ногах.

Потом он свалился, как подрубленное дерево. Конан и сам дышал точно загнанный конь. Оторвав клочок ткани от одежды одного из убитых, он принялся тщательно чистить меч. Первые четверо были мертвы, тот, которому он отрубил ногу, истек кровью во время его поединка с северянином. Конан вновь подошел к гандеру. Северянин, как ни странно, еще продолжал слабо дышать.

- Кто нанял вас? - спросил его киммериец

- С какой... стати... я буду тебе отвечать? - прошелестел тот одними губами. - Я никогда... не предавал... тех... кто меня нанимал.

- Ладно, - сказал Конан. - Как хоть тебя зовут?

- Тебе... мало, что ты... меня убил? Ты хочешь... еще и захватить в плен... мою душу?

- Не мели чепухи! - огрызнулся варвар. - Ты же отлично знаешь нас, киммерийцев! Мы убиваем своих врагов в честном бою, а посмертной враждой пусть занимаются демоны в Преисподней! Твое имя мне нужно только для песни, которую я сложу в конце своих странствий. Это была славная битва! Пусть женщины упомянут о ней в торжественном плаче, который будет звучать над моим погребальным костром!

- Я - Хаген, - просипел умирающий. - А теперь... отвяжись. Ты мешаешь мне тебя проклинать...

Конан не стал лишать его этого последнего удовольствия. Осмотрев свой меч, он с радостью убедился, что на лезвии не появилось ни малейших зазубрин. Более того: оно нисколько не затупилось. Им по-прежнему можно было бриться. Убрав меч в ножны, Конан переловил всех пятерых лошадей, потом стянул тряпкой кинжальную рану в плече. Обшарив мертвые тела, он обнаружил при каждом по три увесистые прямоугольные золотые монеты с отчеканенными на них странными письменами. Конану уже приходилось видеть такие монеты. Их доставляли из Вендии. Конан хмыкнул про себя, подумав: то, что должно было стать платой за его смерть, вместо этого пополнит его кошелек.

Пятерых лошадей он забрал с собой, решив продать их в Бельверусе. Больше ничего у мертвых он брать не стал. Коней, в конце концов, мог продавать кто угодно, не вызывая при этом никаких подозрений. А вот личное имущество пятерых отсутствующих мужчин непременно привлечет к нему весьма нежелательное внимание местных властей.

За спиной у киммерийца остался залитый кровью пригорок. Пройдет год, и кости, изглоданные дикими зверями, перемешаются с землей, сгниет кожа и ткань одежд. На холмике не останется никаких следов битвы, кроме, может быть, нескольких обломков ржавого железа, да трава на этом месте будет расти гуще и зеленее, чем всюду вокруг. А потом время сотрет и эти следы. Останется лишь безбрежная степь, впитавшая кровь никем не считанных тысяч людей...

Когда впереди замаячили стены Бельверуса, Конан пошатывался в седле, мучимый лихорадкой. Он испытал огромное облегчение, не обнаружив вокруг города палаток осаждающей армии. Только этого ему сейчас и не хватало.

Стоял полдень; городские ворота были распахнуты настежь. Когда киммериец въехал под арку, путь ему преградил бдительный стражник. Стражник держал в руке навощенную дощечку, за ухом у него красовалось бронзовое стило.

- Как твое имя, чужеземец, и по какому ты делу? - спросил он новоприбывшего.

- Я - Конан из Киммерии, и нужен мне ночлег, да еще торг - продать лошадей...

Конан говорил неверным голосом, на лице горели красные пятна.

- Да ты, кажется, болен! - насторожился привратник. - Если это что-то заразное, мы не

можем пропустить тебя в город!

Конан молча откинул плащ, демонстрируя воспалившуюся рану в плече. Из нее сочился гной, во все стороны уже распространялись багрово-черные полосы...

- Митра!.. - ахнул стражник. - Тебе, парень, нужен лекарь, да побыстрее, не то останешься без руки... или, того гляди, совсем копыта откинешь. Вот что, оставь-ка ты здесь свою живность, я тебе расписку на нее напишу. И топай прямо к лекарю Ромалло: он через две улицы отсюда живет!

Конану тошно было даже думать о том, чтобы обращаться за помощью к лекарю. При обычных обстоятельствах он предоставлял своему телу самому справляться с хворями. В тех немногих случаях, когда он все-таки прибегал к вмешательству лекаря, речь шла о зашивании действительно тяжелых ран. Конан про себя подозревал, что вреда от врачей было куда больше, чем толку. Но на сей раз выбора у него не оставалось, и он сам это понимал.

Над дверью в доме Ромалло висел очень примечательный знак: здоровенный окровавленный нож. Конан шарахнул в дверь кулаком, и ему открыл пожилой бородатый мужчина.

- Тебе, - спросил он, - нужна помощь?

- Во имя Крома! - сказал Конан. - Нужна!

И вновь обнажил рану.

- М-м-м... Очень интересный случай... Входи, юноша, посмотрим, что тут можно сделать...

В доме лекаря, как и следовало ожидать, оказалось полным-полно всяких странных предметов. С потолка свисали чучела разных животных, в прозрачных склянках покоились заспиртованные морские твари, причем некоторые - откровенно непристойного вида. Повсюду лежали удивительные инструменты и стеклянные приспособления, пахло душистыми травами. Что говорить, странное место, но, насколько понимал Конан, колдовства здесь не водилось. Он бы его шкурой почувствовал.

Лекарь усадил киммерийца на скамейку под окном и принялся ощупывать и надавливать в разных местах. Конан стоически терпел зверскую боль.

- Я могу вскрыть и вычистить рану, - объявил наконец врач. - Зашить, приложить целительную мазь, ну и так далее... Боюсь только, этого может оказаться недостаточно!

- Почему? - буркнул Конан. - Разве моя рана не по твоей части?

- По моей. Однако зараза в ней, как бы это сказать, не вполне естественного происхождения. Ты человек исключительно крепкий; небольшой порез вроде этого не должен был бы так тебя мучить...

- Верно, - согласился Конан. - Бывало, доставалось и хуже, и все заживало как на собаке. Меня что, отравленным ножом резанули?

- Нет, - покачал головой Ромалло. - Яд вызвал бы воспаление совершенно другого свойства. Увы, здесь, похоже, не обошлось без губительного заклинания. Остается только дивиться, как оно до сих пор тебя не прикончило...

При этих словах врача Кована пробрал озноб, происходивший отнюдь не от лихорадки. Заклятие! Кто мог его наложить?.. И что тогда защитило от смерти?.. Внезапно Конан все понял. И несмотря на боль, начал смеяться.

- Странное время ты выбрал для веселья, - нахмурился Ромалло.

- До меня только сейчас дошло, что я пал жертвой собственной жадности, пояснил киммериец. - Давай делай что можешь, а прочее оставь на мое усмотрение. Да, и когда

кончишь, мне потребуется меняла...

Вконец озадаченный лекарь взялся за дело. Конан терпел, мрачно улыбаясь сквозь боль. Кем бы ни был его враг, в хитрости ему не откажешь. Не просто отправил по следу Конана пятерых наемных убийц, но еще и заплатил им проклятыми деньгами. Он отлично знал, что, случись Конану отбиться, он заберет золото и тем подпишет сам себе приговор.

Хорошо, с этим ясно; но что же выручило его?.. Конан выудил из-под рубашки талисман, врученный ему старым кхитайцем. Он не мог бы поручиться, но ему показалось, будто цвет камешка слегка изменился. Лекарь продолжал возиться с его плечом, причиняя жгучую боль. Конан не проронил ни звука. Он все больше чувствовал себя той самой фигуркой на игральной доске Богов, о которой рассказывал старикан.

Пока он обменивал колдовское золото на нормальные деньги и продавал пятерых коней, день склонился к вечеру. Конан поставил коня в стойло и, совершенно лишившись сил, рухнул на постель в гостиничной комнатке. Рана вроде притихла, но слабость была мучительна. Он понимал, что придется проторчать в Бельверусе несколько дней, пока не восстановятся силы. Задержка не слишком его расстроила. Он всяко успевал прибыть на Бен Мор ко дню осеннего равноденствия. Он ведь подрядился выполнить поручение, а не выиграть гонку.

В таверне у набережной звучали громкие голоса, бойко болтавшие на множестве разных языков. Большую часть одной из стен занимало широкое окно. Сквозь него виднелся сплошной лес мачт, теснившихся в великой гавани Мессантии. Внутрь таверны, заставляя мерцать факелы, задувал солоноватый морской бриз.

Мессантия раскинулась в устье реки Хорот при ее впадении в Море Запада. Город лежал на зингарском берегу Хорота, но, как все портовые города, принадлежал, в сущности, всему миру. То обстоятельство, что на этот клочок суши серьезно претендовал Аргос, ни в малейшей степени не волновало его обитателей. Город, ограниченный с севера громадами Рабирийских гор, а с юга рекой, располагался на пойменной низменности и был сам по себе государством хоть куда. При этом половина его обычного населения не жила здесь постоянно: это была разноплеменная моряцкая братия, кормившаяся по преимуществу морем.

Вот и люди, сидевшие в упомянутой нами таверне, представляли собой как бы срез разных слоев приморского населения. Помимо местных зингарцев с аргосийцами, здесь можно было видеть крючконосых, курчавобородых шемитов, тихих стигийцев, облаченных в черные шелка, и даже зловещих бараханцев, чьи кушаки топорщились кинжалами и короткими саблями, пригодными для абордажного боя. За одним из столиков расположилась компания кушитов. В их сложные прически были вплетены перья, черные тела лоснились от душистого пальмового масла, которым они так любили умащиваться. Двое рыжеволосых мореплавателей-ванов уже упились до свинского состояния и мирно спали в углу. Факельный свет играл на кольцах в ушах и в носах и на иных украшениях, любимых морскими волками...

На небольшом возвышении посередине комнаты танцевала заморийская девушка. Под аккомпанемент флейты и небольшого барабана она исполняла сладострастный танец своей родины. Вся ее одежда состояла из великого множества украшений и одной-единственной небольшой вуали. Большинство моряков, кто еще был достаточно трезв, хлопали в такт музыке и громкими криками выражали свой восторг танцовщице.

- Я думал, - сказал Гопал, - что в Хоршемише мы видели худшее, до чего способна докатиться цивилизация. Но по сравнению со здешними местами Хоршемиш - просто

олицетворение культуры!..

Молодой человек и его дядя сидели за крохотным столиком, устроившись как можно ближе к окну.

- Радуйся, племянник, пока есть возможность, свободному духу этого открытого города, - с обычной своей самодовольной улыбкой ответил Джаганат. Там, куда мы с тобой собираемся, цивилизации нет вообще. Там даже слова такого не слышали. В этом городе хоть книготорговцы имеются. Здесь есть какие-никакие ученые и даже несколько плохоньких, но все же волшебников. Зато впереди нас ждет сущая дикарская глушь, населенная варварами еще покруче вон тех первобытных кушитов...

- Самая мысль об этом внушает мне отвращение, - проговорил Гопал. И отхлебнул сильно разбавленного вина. Перед ними стояло блюдо пряного мяса, приготовленного в виноградных листьях. Однако малоподвижная жизнь на барже во время скучного плавания вниз по реке лишила обоих путешественников аппетита.

- Если ты всерьез собираешься быть магом, - сказал Джаганат, - привыкай к тому, что порою приходится странствовать воистину неведомыми путями. Тому, кто отступает перед лицом трудностей и опасностей, не стоит даже мечтать о тайных познаниях и о власти, ими даруемой!

Как большинство вендийцев из высших каст, Джаганат с Гопалом редко вкушали мясо, да и то - понемногу, сильно сдобрив его пряностями.

Новый посетитель, вошедший в таверну, обвел присутствующих внимательным взглядом. Заметив двоих вендийцев, он прошел прямо к их столику. Сапоги и просмоленные штаны выдавали в нем моряка, а развязная походка говорила о том, что этот человек наделен некоторой властью. Изъеденное оспой лицо покрывали шрамы, но черты его казались определенно аристократичными. Джаганат сразу опознал в нем отпрыска зингарской знати, пришедшей ныне в упадок.

- Это вы двое спрашивали насчет проезда на север? - осведомился моряк.

- Ты не ошибся, - ответил Джаганат. - Садись с нами к столу.

Мужчина сел и налил вина из кувшина, стоявшего на столе. На кувшин с водой для разбавления он даже не посмотрел. Вылив себе в глотку содержимое кружки, он заново наполнил ее и сгреб с блюда виноградных "голубцов", сколько захватила рука. Отправив их в рот, моряк выговорил, жуя:

- Меня зовут Касаво, я с Барахского архипелага. Я капитан "Певчей птички". Нынче на причале я услыхал, будто двоим вендийцам надо бы проехать в северные края, а найти их можно здесь, в "Моряцком восторге"...

- Нам необходимо попасть в Ванахейм, и притом как можно быстрее, - сказал Джаганат. - Ты забираешься так далеко на север?

Касаво расхохотался:

- В Ванахейм?.. Отсюда туда никто нормальный не плавает. К тому же сейчас осень, поздновато для путешествий на север. Но в Кордаву, последний цивилизованный порт перед Пиктскими Дебрями, я вас доставить возьмусь. Там, если вам повезет, вы отыщете какого-нибудь отчаянного ванского купца, еще не убравшегося домой. Они, бывает, засиживаются до самого сезона штормов, только бы прикупить чего-нибудь по дешевке. Должен, однако, тебя предупредить, что в это время года путешествовать на север весьма опасно! Лучше перезимовать в Кордаве. Вот уж местечко... право же, не соскучишься!

Он усмехнулся, нервно теребя пальцами крупную, огнистую рубиновую "слезку",

свисавшую с мочки уха на короткой цепочке.

- Штормов я не боюсь, - сказал Джаганат. - Когда ты отплываешь?

- Завтра утром, во время отлива, примерно через час после восхода, чтобы воспользоваться береговым бризом. Так что с рассветом можете грузиться на борт. У меня как раз есть свободная каюта, в которой вы сможете поселиться... Осталось только, хе-хе, обсудить вопрос о цене!

Джаганат небрежно взмахнул пухлой рукой:

- Мы можем прийти к соглашению непосредственно во время плавания... Денег у меня - хоть отбавляй.

Глаза капитана на мгновение вспыхнули жадностью, но он тут же скрыл ее под личиной наигранного любопытства.

- А что вы потеряли в этой дыре? В Ванахейме, я имею в виду? Как-то не скажешь по вашему виду, чтобы вам нравились холода...

- Мы ученые, - пояснил ему Джаганат. - Я пишу для вендийского Государя книгу о народах и странах.

- Ну что ж, в Ванахейме тебе определенно понравится, - заверил его Касаво. - Трудно найти страну удаленней. Так вы, значит, связаны с вендийским двором?

- О да. То есть я не отважился бы назвать себя в полном смысле слова посланником, но кое-какими полномочиями я облечен. Я везу подарки от моего Государя, предназначенные великим мужам той страны. Его Величество намерен установить сердечные, дружественные отношения со всеми народами, даже с теми, что живут на другом конце света.

При упоминании о подарках глаза Касаво вновь алчно сверкнули. Гопал, как всегда при общении с чужаками, помалкивал, но держал ухо востро, готовый чуть что подтвердить россказни ученого дяди.

- Значит, договорились, - подытожил Касаво. - Завтра с рассветом жду вас на борту. А сейчас мне пора на корабль: надо распорядиться, чтобы команда как следует приготовила вашу каюту. "Певчая птичка" пришвартована у Малого причала. Корпус у нее красный, у форштевня, над ватерлинией, нарисованы зеленые глаза...

Он допил из кружки вино и удалился. Выхлестав в один присест порядочное количество крепкого неразбавленного вина, он тем не менее не шатался, шаг его был тверд.

- Если я что-нибудь понимаю, дядя, - проводив его глазами, сказал Гопал, этот малый - редкостный негодяй и самый обычный пират. Ты заметил? Он прямо-таки в лице менялся при каждом упоминании о деньгах!

- Совершенно верно. Еще я слышал, что эти Барахские острова, о которых он упомянул, есть не что иное, как сущий рассадник головорезов. Вот потому-то я и напирал на то, сколь мы богаты и какие ценные дары везем с собой. Если ты помнишь, честные капитаны уже отказались везти нас на север. Однако пират непременно возьмет богатых пассажиров, чтобы ограбить дорогой либо пленить и потребовать выкупа...

- Значит, дядя, они наверняка попытаются нас зарезать и подарить наши тела морским Божествам?

Джаганат широко улыбнулся и взял с блюда свернутый виноградный листок.

- Чем ты недоволен, Гопал? Неужели тем, что морская прогулка обещает быть чуточку живее и разнообразнее путешествия на барже?..

Несмотря на невинное веселенькое название, "Певчая птичка" даже обводами своими напоминала акулу. Хищная, узкая, она была выстроена в расчете на наибольшую скорость.

Она имела небольшую осадку, а борта в средней части судна поднимались над водой не более чем на два локтя. У нее не было обширного трюма для перевозки объемистых грузов, а на палубе работало и просто так сидело куда больше народу, чем требовалось мирному кораблю. При этом моряки были скудно одеты, но зато богато и разнообразно вооружены. На единственной мачте красовался длинный косой рей, способный нести огромный треугольный парус. Под этим парусом да с попутным ветром "Птичка" наверняка способна была легко догнать, скажем, купеческое судно, пузатое и нерасторопное. По бортам виднелись уключины для дюжины длинных весел. Весла, наверное, помогали подобраться к искалеченной жертве, а также входить в мелководные заливы и устья речушек для неожиданного налета или выгрузки контрабанды...

Джаганату все это весьма даже понравилось. На подобном корабле они смогут путешествовать действительно быстро. Вдохнув полной грудью, вендиец попробовал разобраться в многочисленных запахах гавани. Из трюма одного корабля исходил аромат пряностей, из другого тошнотворно воняло: там перевозили рабов. И надо всем этим властвовали запахи просмоленного такелажа и моря. Доски под ногами поскрипывали. Отступающая вода заметно колебала причал.

Джаганат повернулся к носильщикам, стоявшим у него за спиной.

- Несите наши пожитки на борт, - велел он им, указывая на "Певчую птичку". Носильщики посмотрели, куда он указывал, потом опять на него, и в глазах у них отразилось изумление. Однако затем, передернув плечами, они взвалили на спины немногочисленные сундуки и тюки и стали осторожно спускаться на палубу по крутым узким мосткам.

Из-под навеса, натянутого на юте, появился Касаво и с улыбкой посмотрел на пассажиров:

- Смелее, друзья мои! Ваша каюта готова, отлив в разгаре!

В его тоне сквозила едва уловимая насмешка. Другие пираты подняли головы от работы, и на разбойничьих рожах появились точно такие же ухмылки, как у капитана. Гопал сбежал по сходням грациозным шагом канатоходца. Толстяк Джаганат спустился с царственным величием и изумительным чувством равновесия, неожиданным в человеке столь тучном.

- Сходни на борт! Отдать концы! - взревел Касаво. - Отплываем!

Носильщики живо выкатились наверх и сняли с кнехтов швартовы. Течение понесло корабль прочь от причала. Команда бросилась по местам. Моряки полезли на мачту и принялись распускать большой парус.

Проследив за ними довольным взглядом, Касаво обернулся к пассажирам.

- Пойдемте, - сказал он, - я вам покажу, где вы будете жить. Я переселил двоих своих помощников, чтобы освободить для вас место. Не беда, пускай поспят немного на палубе вместе со всеми! Тем более что погода в плавании ожидается благоприятная...

- Твоя доброта поистине беспредельна, - сказал Джаганат.

Так называемая каюта оказалась крохотной пристройкой на самой корме. Крыша у нее была соломенная, стены - и вовсе парусиновые. Двое мужчин и их пожитки едва-едва поместились внутри.

- Тесновато, конечно, - все с той же насмешкой извинился Касаво. - Если хотите, мы положим часть вашего имущества в трюм. Чтобы не путалось под ногами...

- Ничего, ничего, пускай все останется тут, - сказал Джаганат. - Как я понял, у вас и так в обрез места для груза...

- Да уж, у меня тут не какой-нибудь грузовоз. Вы, наверное, сами уже поняли, что

"Певчая птичка", хм, предназначена для перевозки предметов роскоши, а они обычно невелики по объему. Пряности, например... Когда везешь пряности, главное, знаете ли, скорость. Они ведь, как только их соберут и упакуют, сразу начинают сохнуть и портиться. Быстрый корабль вроде моего первым привозит их к рынку, а значит, и цену удается взять неплохую...

- Вот как? - вежливо ответил Джаганат, изображая удивление и интерес. Взялись, понимаешь, всякие там бледнолицые дети Запада учить его, вендийца, что такое пряности и как ими торгуют! - Вот как? - повторил он. - Значит, качество в данном случае важнее объема?

- Причем намного! - обрадовался Касаво. Ему доставляло несказанное удовольствие вешать лапшу на уши чужеземному недоумку. - Северные перекупщики пряностей гораздо больше платят за один сундук, доставленный в свежем состоянии, чем за несколько, испорченных после долгих недель в море!

Джаганат изобразил удивление:

- Что-то, по-моему, на борту пряностями не пахнет...

- А сейчас не сезон, - нисколько не смутился Касаво. - Мы идем в Кордаву порожняком. Там я хочу взять груз хрусталя и отправиться с ним на юг. Вот тебе еще один пример груза, который много места не занимает, а выгода!.. Черные вельможи южного побережья готовы полной мерой заплатить за него слоновой костью, выделанными шкурами и драгоценными перьями...

- Твой рассказ прямо завораживает, - проговорил Джаганат. - Он наверняка премного заинтересует моего Государя. Мы обязательно обсудим это и еще многое во время плавания. Государь особо велел отмечать все, что касается торговли и путешествий!

- Я всегда к твоим услугам, - доброжелательно улыбнулся Касаво. - А сейчас я должен приступить к своим обязанностям капитана. Да, очень советовал бы вам хорошенько принайтовить сундуки. Когда выберемся за брекватер, наверняка начнет сильно качать. Если вас укачает... что ж, свеситесь через леер. Только смотрите мне, не через наветренный!

И, нахально улыбаясь, Касаво вышел наружу.

- Пряности! - сказал Гопал на языке, понятном только им с дядей. - Ведь врет, подлец, прямо в глаза! Каждый, у кого еще не заложило нос, без труда определит, что на этой посудине пряности если вообще бывали, так только у кока на камбузе! Ну до чего охота заткнуть вонючую пасть негодяю...

- Успокойся, племянник, - утешил его Джаганат. - Что значат ничтожные грубости каких-то невежественных чужестранцев, пытающихся нас оскорбить? Пусть на здоровье считают нас учеными не от мира сего, верящими любой болтовне. Улыбайся им, родственник, смейся, когда они шутят. Пускай позабавятся... Джаганат безмятежно улыбнулся. - Скоро придет наш черед сыграть с ними шутку.

На следующее утро Гопал жестоко мучился морской болезнью - к вящему удовольствию мореплавателей. Джаганат позаимствовал у кока крохотную жаровню и приготовил на ней травяной отвар, быстро вернувший его племянника к жизни. Развлечение, таким образом, довольно скоро кончилось, и моряки были отчасти разочарованы. Все последующие дни они продолжали понемногу дразнить пассажиров Сперва это были довольно безобидные шутки, без которых редко обходится дело, когда в компанию опытных моряков попадают "сухопутные крысы". Постепенно выходки стали грубее. И злее. Капитан Касаво вскоре расстался с личиной снисходительной доброжелательности и общался с пассажирами, еле

сдерживая презрение. Было ясно: вскоре корсарам надоест издеваться над вендийцами, они перейдут от слов к делу и скормят акулам два тела, а сами примутся делить барахло. Ко всему прочему, путешествие затягивалось - приходилось лавировать против встречного ветра. Это, понятно, не улучшало настроения команды. Вендийцы, однако, продолжали подобострастно улыбаться в ответ на подначки и, казалось, отнюдь не возражали против недобрых выходок моряков.

И вот наконец "Певчая птичка" миновала опасный Барахский пролив, отделявший от материка одноименные острова. Стояла хорошая погода, ветер держался попутный. Еще пара дней, и они прибудут в Кордаву. Солнце потихоньку клонилось над реем: еще один день спокойного плавания перевалил полуденную черту.

- Гопал, - обратился к племяннику Джаганат. - Нет больше необходимости терпеть мерзкие штучки этих недочеловеков. Отныне поступай с ними как душа пожелает.

Произнеся эти простые слова, великий маг будто бы освободил своего молодого родственника от обета великого воздержания.

- Как скажешь, дядюшка! - с кровожадной улыбкой ответствовал Гопал. Потом, внутренне успокоившись, вышел из маленькой каюты.

Несмотря на близость осени, погода стояла прекрасная, прямо-таки бархатная. Поэтому Гопал был облачен в одну набедренную повязку из чистой льняной ткани, да еще тюрбан. В складках набедренной повязки скрывался короткий кривой кинжал с рукоятью, отделанной самоцветами. Гопал подошел к фальшборту, туда, где лежало кожаное ведро, привязанное длинным концом к деревянному шпеньку. Юноша забросил ведерко и вытащил его до краев полным морской воды. Усевшись на корточки, Гопал принялся мыться. Он черпал воду горстями и плескал себе в лицо, под мышки, на плечи и грудь.

Поблизости на палубе торчало без дела несколько моряков. Это были типичные представители того разноязыкого сброда, который стекается в экипажи пиратских судов: если и было в них нечто общее, так только жестокость. Бритоголовый верзила, происходивший из какого-то кушитского племени, стоял рядом с крючконосым шемитом. У их ног расположился тихий, смертельно опасный стигиец и подле него - желтоволосый гандер, неведомо какими ветрами занесенный сюда из своей сухопутной страны. Живописную группу дополняло еще несколько весьма колоритных молодцов. Среди них особенно выделялся высокий худой пуантенец в красных шелковых штанах по колено, перехваченных широким кушаком золотой кофийской парчи. Все они с довольными ухмылками поглядывали на Гопала. Потом из своей каюты вышел Касаво; глаза капитана поблескивали хищным огнем. Пуантенец встретился с ним глазами, и Касаво кивнул, ткнув подбородком в сторону умывавшегося вендийца. Ухмылка пуантенца сделалась плотоядной. Мягко ступая босыми ногами, он направился к Гопалу...

Тот, сидя по-прежнему на корточках, вытирал руки куском полотна. Неожиданно прямо у него перед глазами возникла пара коленей, обтянутых алым шелком. Прежде чем юноша успел встать, босая пятка пнула ведерко, облив набедренную повязку и ноги.

Гопал медленно выпрямился, улыбаясь так же подобострастно, как и всегда, когда с ним подобным образом "шутили". Он сказал:

- Наверное, мое ведерко тебе помешало? Прости, дружище, я, видно, не там поставил его. На будущее постараюсь учесть...

Пуантенец неприятно осклабился и ткнул Гопала грязным пальцем в гладкую безволосую грудь.

- "Прости", говоришь? Ну нет, этим ты от меня не отделаешься. Давай-ка мы с тобой, вендиец, сыграем в игру!

Повернувшись к дружкам, он расплылся до ушей. Он оказался в центре внимания и был донельзя счастлив.

- В игру, господин?.. - показывая все зубы, с готовностью заулыбался Гопал. - А какая игра? "Побей короля"? Я знаю ее. Давай расчертим доску прямо на палубе, а грузила для рыбной ловли пусть будут вместо фигурок...

- Ну уж нет, - отказался пуантенец, напуская на себя насмешливую серьезность. - Я хочу тебе предложить... нечто, так сказать, более подвижное!

- Подвижное, господин? - Гопал притворился озадаченным.

- Вот именно. Ты, чужеземная морда, плясать умеешь?

- Плясать, господин?..

- Да, недоумок! Плясать! - раздраженно выкрикнул пуантенец и выхватил из-за кушака широкий кинжал заморийской работы. На лезвии были отчеканены молитвы к Митре, Богу Солнца, но отточен кинжал до остроты совершенно безбожной. Пуантенец играючи направил его в незащищенный живот Гопала.

- О чем ты, господин?.. - произнес тот умоляюще.

- О том, что давай-ка пляши! - Пуантенец ткнул кинжалом уже всерьез, и Гопал спасся только тем, что проворно отскочил назад. Джаганат вышел на палубу из каюты и принялся безмятежно наблюдать за происходящим. К этому времени на главной палубе успела полностью собраться команда: все, за исключением рулевого, искали случая позабавиться.

- Я понял! - заявил Гопал. - Ты имеешь в виду пляску с оружием?

Он вытащил свой кинжальчик и держал его так, словно собирался вручить пуантенцу. Узкий клинок был слегка изогнут и отточен с обеих сторон.

- Что-что?.. - слегка насторожился пират. Он никак не ожидал, что у вендийца окажется при себе оружие. Однако потом, увидев, насколько мал кинжальчик Гопала, успокоился. - Что ж, сухопутная крыса, тем лучше! Давай потанцуем!..

Слегка пригнувшись и втянув живот, он выставил перед собой кинжал и уложил большой палец на крестовину вдоль плоскости лезвия. Это была защитная позиция, принятая у пуантенских мастеров фехтования на ножах. Левую руку пират держал чуть выше правой, готовясь перехватить правое запястье противника. И это тоже полностью отвечало канонам, принятым на его родине.

Гопал, по-прежнему улыбаясь, тоже вытянул перед собой руку с кинжалом, но до того робко, что, казалось, вот-вот его выронит.

- Я ничего не понимаю в ваших танцах, господин, - проговорил вендиец. Пожалуйста, будь так добр, преподай мне урок...

До пуантенца вдруг дошло, что он подвергался опасности, нешуточной, смертельной опасности. Он ощутил немалое замешательство, но дружки смотрели на него со всех сторон, и он не собирался садиться в лужу, выказывая страх перед маленьким, жалким с виду чужеземным ученым.

- Правило первое: защищай горло! - рявкнул он и тотчас сделал неожиданный выпад. Лезвие метнулось к шее Гопала... Но там, где оно просвистело, вендийца уже не было.

Он аккуратненько шагнул вперед, под руку пуантенца. С точки зрения всех остальных, выпад пирата был неуловимо стремителен. Таков, что неизбежно положил бы конец обычному матросскому поединку. Но для Гопала, которого учили лучшие убийцы-ассасины

родной Вендии, движение моряка было до невозможности медленным и неуклюжим. Гопал увернулся столь легко, что ощутил даже некоторое разочарование. Так и сноровку утратить недолго, подумалось юноше. Скользнув совсем близко, он чиркнул своим ножичком по беззащитному животу противника. И отступил назад.

Пуантенец непонимающим взором смотрел вниз. Он видел, как тоненькая красная черта, неведомым образом возникшая поперек его живота, качала расширяться. Еще мгновение, и наружу полезли внутренности. Гопал изящно протянул руку и ухватил обнаженные кишки.

- Вот теперь, дружок, - сказал он, - мы с тобой потанцуем...

Он дернул к себе, и на палубу вывалился жуткий клубок. Пуантенец, как в трансе, качнулся вслед за Гопалом. Выронив кинжал, он обеими руками принялся запихивать кишки на место. Гопал повел его по палубе, хохоча и подбадривая. Оказавшись подле фальшборта, он перебросил кровавую колбаску внутренностей прямо в воду. Пуантенец, окончательно свихнувшийся отболи и ужаса, нырнул следом. Быть может, он надеялся таким образом собрать воедино свое разъятое тело.

Гопал проводил его новым взрывом веселья.

- А мне нравятся ваши игры! - заявил он и обвел палубу глазами, бестрепетно встречая убийственные взгляды команды. - Наверное, еще кто-нибудь хочет со мной поиграть?.. Поучить чужеземного недоумка, а?..

Вперед метнулся бритоголовый кушит. Он сжимал в руке короткое копье излюбленное оружие его племени.

- Ты убил человека, с которым я плавал на одном корабле! Умри же!..

Копье со страшной силой рассекло воздух... но в вендийца почему-то не попало. Гопал играючи обошел свистнувший наконечник и легонько кольнул. Изогнутое лезвие воткнулось точно под ухо кушиту, причинив порез не более дюйма длиной, но этого оказалось достаточно. Из крохотной ранки хлынул неукротимый фонтан крови. Чернокожий попытался зажать рану ладонью, но ничего не получилось. Прошло несколько мгновений, и он рухнул на палубу. Кровь продолжала хлестать, багровой лужей растекаясь по доскам...

Остальные пираты сбросили оцепенение и дружно рванулись вперед. Безобразный аргосиец замахнулся на Гопала короткой дубинкой. Тот грациозно уклонился и мимоходом рассек горло верзиле. Зингарец сделал выпад длинным, тонким мечом странной работы. Гопал повернулся боком, втянул живот и тем избегнул удара. Его кинжальчик ударил зингарца под подбородок, проник в мозг и оборвал жизнь.

Видя такую расправу, уцелевшие пираты шарахнулись в стороны, к релингам, стараясь держаться от Гопала как можно дальше. Единственный, кто не побежал, был капитан Касаво. Предводитель пиратов вытащил из ножен короткий меч и осторожно приближался к вендийцу, балансируя на подушечках пальцев ног.

- Испытай свои восточные штучки на мне, коротышка, - прошипел он сквозь зубы. - Посмотрим, помогут ли!..

Он пугнул Гопала ложным выпадом, якобы целясь в лицо, а сам в последний миг направил конец меча в кишки вендийцу.

Гопал на ложный выпад попросту не обратил внимания. Он преспокойно шагнул вперед, слегка изогнувшись, так что меч капитана рассек только воздух. Его клинок коснулся запястья пирата, и меч выпал на палубу. Касаво отскочил назад, стиснув кровоточившее запястье. Пальцы раненой руки перестали ему повиноваться: Гопал рассек сухожилия.

- Ему все равно не справиться с целой командой! - рявкнул Касаво. - Убить! Обоих!..

Команда так и взвыла. Обнажив оружие, пираты снова двинулись вперед. Гопал не двинулся с места. Он не испытывал ни малейшего страха.

- Остановитесь!..

Неожиданный приказ прозвучал с силой грозового разряда. Голос говорившего дышал невероятной, непререкаемой властью. Пираты беспомощно остановились и расширенными от страха глазами уставились на Джаганата, вышедшего на кормовое возвышение.

Вендиец, казалось, на целый локоть увеличился в росте. Колдовская светящаяся аура окутывала его фигуру. Из уст волшебника излился поток негромких гортанных слов, произнесенных в своеобразном ритме, как музыкальная фраза. Напряженные лица команды разом обмякли, оружие со стуком посыпалось на палубу.

- Свяжи их, племянник, - распорядился Джаганат. - Оставь только четверых или пятерых, чтобы управляться на судне.

Пираты стояли как пораженные громом и даже не пытались двинуться с места. Гопал набрал коротких концов и надежно связал каждого. Пятеро, отобранные для управления кораблем, удостоились особого внимания мага. Обмакнув палец в кровь павших, Джаганат начертал у каждого из пленников на лбу особый знак, бормоча заклинания. Потом снял магические узы со всех остальных. Пираты забились в надежных веревочных путах, завывая от безумного страха. Все тщетно: вязать узлы Гопал умел не хуже, чем управляться с кинжалом.

- Тихо, господа мои, тихо, - снова расплываясь в благостной улыбке, сказал им Джаганат. - Радуйтесь: вам выпала на долю единственная в своем роде честь. Нынче ночью вам предстоит познакомиться с очень, очень могущественными существами. О, я могу себе представить ваше нетерпеливое предвкушение!.. Я знаю, людям вашей профессии редко доводится встречаться с сильными мира сего... Равно как и любого другого мира, если уж на то пошло...

И он расхохотался так, что заколыхалось дородное чрево.

Остаток дня Джаганат посвятил приготовлениям. Гопал всячески ему помогал. Команда, вконец ошалевшая от страха, молча наблюдала за тем, как вендийцы выбрали одного из них и живого рассекли на несколько частей. Куски плоти послужили для ритуалов, совершенных в разных местах корабля, а свежая кровь пригодилась в качестве краски: Джаганат нарисовал на палубе сложные, запутанные узоры.

В общем, к заходу солнца все было готово.

- Скверно, что нам приходится совершать это, племянник, - пожаловался Гопалу дядюшка-чародей. - Все эти сложные обряды по вызыванию Глубинных Сил суть чепуха, достойная разве что новичков в магии. Я-то воображал, будто покончил с ней много лет назад, когда мои разыскания открыли мне дверь в царство воистину великой волшбы! Однако ничего не поделаешь: для продолжения нашего путешествия необходимо спокойное море и попутные ветры. И я, дабы это обеспечить, должен воззвать к Тому, Кто Живет в Городе Под Водой...

Он произнес этот титул на тайном языке, известном лишь посвященным высшего круга магов, и исполненные чудовищной власти слова отдались дрожью в деревянных членах пиратского корабля.

Когда из морских волн вынырнул светящийся серп луны, Джаганат встал на носу корабля, высоко воздев руки и громко воспевая на языке, который никогда не был

предназначен для человеческих уст. И даже для ушей человека. Капитан и команда "Певчей птички" съежились на шканцах, обливаясь холодным потом от ужаса: в море вокруг корабля разлилось жуткое зеленоватое свечение!

Потом буквально в нескольких шагах от судна начали показываться из глубин горбатые спины каких-то неведомых тварей. Всплыв, они через некоторое время снова скрывались, распространяя в воздухе кошмарную вонь: казалось, океанские пучины разом извергли все, что от века гнило и разлагалось на дне. По волнам заскользили какие-то щупальца, одетые радужной слизью. Они гулко хлопали по поверхности воды и снова скрывались во тьме глубин. Один раз показалась гребнистая спина громадной змеи; гибкое туловище длиной не менее полулиги сомкнулось петлей кругом корабля, потом ушло под воду. Ни головы, ни хвоста потрясенные пираты так и не увидели.

Повсюду, куда достигал глаз, море пенилось и кипело, извергая чудовищ. Однако "Певчая птичка" преспокойно двигалась вперед, сопровождаемая пятачком неестественно гладкой воды. Между тем зеленое свечение волн постепенно перешло в зловеще-кровавое. Мало-помалу обитатели глубин перестали показываться, и океан успокоился.

И вот наконец в светящейся воде замаячила гигантская бесформенная тень. Она росла и росла, как если бы из самых бездн океана поднималось невообразимо громадное существо. Тень ширилась и сгущалась: мысль о том, чтобы ее могло отбрасывать нечто живое, попросту не укладывалась в голове...

Наконец Оно вырвалось на поверхность. Над волнами начал вздыматься титанический горб, вода пенистыми потоками сбегала с него во все стороны. Обширное, как остров, Существо постепенно всплывало, пока вершина горба не вознеслась высоко над клотиком мачты.

Округлое тело сморщено и изрыто впадинами, точно овражистый холм. Его покрывали какие-то пятна, там и сям виднелись наросты морских раковин и кораллов, В зарослях ползала и копошилась мелкая живность...

Еще у Него были глаза. Целое созвездие грозно блистающих глаз. А чуть пониже - пасть, бесформенный беззубый провал, пенившийся зеленой слюной. И наконец возникла густая бахрома змеившихся щупалец, которыми, похоже, сплошь обросли бока Существа.

А запах, исходивший от Него, был таков, что все, чего успели нанюхаться пираты, показалось им дуновением свежего ветерка. Те из пленников, кого еще не покинуло сознание, принялись блевать прямо на палубу.

Джаганат продолжал распевать заклинания, и спустя некоторое время порождение океанских бездн... начало ему отвечать. Мясистые подобия губ извергли непристойную пародию на человеческую речь. Голос же обладал тембром столь низким, что ухо просто не воспринимало его как звук: он ощущался всем телом, отдаваясь в самых костях. Говорило Существо на том же языке, что и Джаганат, и уже то, как Оно это делало, кого угодно могло заставить повредиться в рассудке...

Нечеловеческая беседа продолжалась до тех пор, пока луна не поднялась высоко. Потом воцарилась неожиданная тишина.

Существо молча приблизилось к кораблю, и созвездие его глаз уставилось сверху вниз на беспомощных смертных, корчившихся в тщетных потугах отползти подальше от склонившегося над ними Ужаса.

- Итак, гордитесь оказанной вам честью! - сказал пленникам Джаганат. - Вам предстоит... развлекать моего Гостя за трапезой!

Из-за релинга протянулось гибкое щупальце и обвилось вокруг пояса одного из пиратов. Несчастный безумно завизжал, предчувствуя кошмарный конец. Щупальце подняло его высоко вверх, поднеся к самым глазам. Так человек рассматривает редкое лакомство, прежде чем насладиться его вкусом. Другие щупальца ухватили пирата за руки и за ноги и принялись не спеша отрывать конечности, отправляя их в рот. В последнюю очередь Существо открутило жертве голову, прекратив таким образом предсмертные муки несчастного. Потом, как вино из чудовищного меха, выдавило из растерзанного туловища всю кровь. И наконец бесформенный ком плоти исчез там же, где и все остальное.

Одного за другим Существо подхватывало пиратов и расправлялось с ними точно так же, как с первым. Касаво не повезло: он оставался в живых до последнего. Гопал позаботился угостить капитана особым зельем, не позволившим ему потерять сознание и избегнуть жуткого зрелища. Жестокий план удался как нельзя лучше: Касаво сошел с ума. К тому времени, когда щупальца наконец протянулись к нему, на лице Касаво отражалась последняя степень безумия.

Завершив трапезу, житель глубин вновь обратился к Джаганату, произнеся одно-единственное слово. И медленно опустился обратно в пучину. На месте его погружения завихрился стремительный водоворот, и алое сияние начало меркнуть: тень съеживалась, уходя вниз. Вскоре все успокоилось. В небесах сияла луна, озаряя корабль, плавно бежавший под парусом по безмятежным волнам.

Те из команды, кому выпало остаться в живых, продолжали бездумно возиться с парусом и такелажем. Последние несколько часов попросту выпали из их памяти. Они ничего не заметили.

- Вот уж не думал, что мне когда-нибудь доведется своими глазами увидеть Великого Бога Глубин... - проговорил Гопал. Ему пришлось выждать некоторое время: он не был уверен, что голос у него не задрожит. Никогда раньше дядюшка не допускал его к лицезрению подобных чудес.

- Великий? О нет, - поправил племянника Джаганат. - Это был всего лишь мелкий прислужник. Бог Глубин спит в своем Городе Под Водой. Даже я, при всем моем нынешнем могуществе, не смог бы вынести встречи с Ним лицом к лицу!.. Надеюсь, однако, что скоро я смогу беседовать с Ним как равный... Полагаю также, что определенные события, которые вскорости воспоследуют, заставят Его пробудиться от тысячелетнего сна!

- Если, - медленно выговорил Гопал, - если это было, как ты говоришь, всего лишь безделицей для волшебника твоего уровня... Дядя, у меня просто голова кругом идет при мысли о том, какой власти ты достиг на сегодняшний день!.. Даже без...

- Вот именно, - самодовольно подтвердил Джаганат. - Я и так один из величайших волшебников современности. А скоро я превзойду всех остальных настолько, что мое нынешнее могущество покажется детской игрой. Да... Но я немного утомился, племянник. Давай поспим. Рабы присмотрят за кораблем, а утром мы окажемся близ Кордавы.

Утром, когда на берегу показался город, маг с помощником спустили на воду корабельную шлюпку и перенесли в нее свои вещи. Когда шлюпка отвалила от борта, заколдованные матросы переложили руль и взяли курс к западу.

- И что теперь с ними станется? - поинтересовался Гопал.

- Они будут продолжать плавание, пока не окажутся достаточно далеко от земли. Потом, повинуясь приказу, который я им дал, они подожгут судно. И либо сгорят вместе с ним, либо потонут в воде.

Гопал уселся на весла и принялся грести к берегу. Греб он ровно и мощно.

- А что мы скажем людям, когда высадимся в порту?

- Нам не понадобится ничего говорить. Я сделаю нас обоих невидимыми. Кордава - большой порт, корабли то и дело прибывают. Все решат, что мы сошли с одного из судов. Поэтому нам не придется сочинять историю о кораблекрушении и всем объяснять, с какой это стати мы прибыли на маленькой шлюпке. Помимо всего прочего, нам предстоит искать проезда на другом корабле. Зачем приобретать репутацию людей, якобы приносящих несчастье в плавании?.. Оба расхохотались и продолжали смеяться долго и весело.

... Старкад, один из вождей Ванахейма, давал пир своим доблестным воинам. Рассевшись по длинным скамьям, ванские воины пели громкие песни, вкушали хмельной мед из бычьих рогов, окованных серебром, и крепкими зубами сдирали с костей полусырое мясо. Все это были крепкие, рослые мужики с бородами и волосами всех оттенков рыжего цвета: от червонно-золотого до ржаво-каштанового. Неизменная рыжина была отличительным признаком их племени, точно так же как бледное золото волос безошибочно указывало на их родственников и смертных врагов - асов, жителей Асгарда. Позади каждого воителя висел на стене круглый щит, рогатый шлем, кольчуга или чешуйчатые доспехи, а также меч, лук и копье.

На почетном возвышении во главе длинного, опиравшегося на козлы стола сидел со своими гостями сам Старкад. Ван пристально наблюдал за двоими мужчинами, сошедшими нынче утром с корабля в устье Старкадсгарт-фиорда. Странная парочка. Давно уже он ничего похожего не видал. Оба смуглые, безбородые. Один - крупный и толстый, другой - невысокий и щупленький. Происходили они из какой-то далекой восточной страны, о которой Старкад и слыхом никогда не слыхал. Причем в толстяке определенно чувствовалась некая странность, позволявшая заподозрить волшебника. Вана, впрочем, это мало касалось. Гораздо существеннее было то, что гость оказался явно богат. И похоже, нуждался в некоторых услугах вождя.

- Какой любопытный кубок в руках у тебя, о король, - заметил Джаганат.

- Я не король, - проворчал Старкад. - Я просто вождь. Если мои молодцы услышат, как ты называешь меня королем, они рассердятся и убьют вас обоих!

Он поднял чашу, из которой пил, и любовно к ней присмотрелся. Это был человеческий череп со спиленной верхней костью. Глазницы были забраны листками золота, золото блестело по краю костяной чаши, из золота были сделаны ножка и подставка.

- Красиво, правда? - сказал Старкад. - Это череп Хагмунда аса. Он убил моего отца, но я взял его в плен и предал медленной смерти. Каждый раз, когда я пью из этого кубка, дух моего отца ликует на небесах. Вино и то кажется вкусней, когда пьешь его из вражьего черепа!

- Вполне согласен, - просто ответствовал Джаганат.

Старкад испытал легкое разочарование: вендиец не испугался, даже не смутился. Где ж ему было знать, что изучение магических наук давным-давно завело Джаганата на такие вершины - а может быть, в бездны? - что первобытная жестокость вана казалась ему невинной детской игрой. Старкад не имел никакого понятия об истинной сути своих гостей, но было нечто, внушавшее ему смутное беспокойство. Сперва он подумывал просто прирезать их и забрать золотишко. Как бы только не вышло, что потом придется расхлебывать наложенное ими проклятие!..

Вендийцы между тем изысканно вкушали еду, не спеша отщипывая маленькие кусочки

хлеба и фруктов и не обращая внимания на аппетитные ломти дымящегося мяса, уложенные перед ними на плоские, твердые, дважды пропеченные лепешки. Глаза у обоих покраснели от дыма: посреди длинного дома, в углублении, тлел очаг. В Северных Странах не устраивали дымоходов, жилища даже богатых вождей топились по-черному. Дым выходил в щели и особые отверстия, устроенные в углах крыши по торцам дома. Несмотря на близость огня, оба южанина зябко кутались в толстые шерстяные одеяния и меха. Холод северной осени жестоко донимал непривычные к стуже тела.

В дальнем конце зала между двоими ванами происходило нечто вроде состязания. Взяв мокрую овечью шкуру, воины растянули ее над очагом, выбрав место, где дрова уже прогорели, оставив россыпи пышащих жаром углей. Один из двоих, оказавшийся чуть более пьяным, вскоре потерял равновесие и, вскрикнув, повалился прямо в очаг. Победитель, по давней традиции, тут же накинул на побежденного ту самую шкуру и несколько раз подпрыгнул, наступая на распластанное тело. Когда он наконец выпустил поверженного соперника, тот поспешно выкарабкался наружу, весь в золе и волдырях от ожогов. Воины, сидевшие на ближайших скамьях, покатывались со смеху, наблюдая за любимой забавой.

- Спорю на что угодно, что у вас, на изнеженном Юге, не знают подобной потехи! - сказал Старкад, когда смех более-менее стих.

- Боюсь, у нас подобное в самом деле не принято, - ответил Джаганат. Запах паленой овчины и горелых человеческих волос бил в ноздри. - Осмелюсь, однако, предположить, что и ты не видел, как побежденное войско, численностью тысяч этак в десять, привязывают к столбам и насмерть затаптывают слонами...

- Ну... - протянул Старкад. - Собственно, я и зверя, которого ты называешь слоном, ни разу не видел...

А про себя подумал, что неплохо было бы послать на Юг за этим, как его, слоном. Наверное, это в самом деле забавно - вот так затаптывать пленников.

- Как я понял, ты враждуешь с асами, - продолжал Джаганат. - Скажи, а не случается ли тебе ходить походами на киммерийцев?

- Во имя Имира, еще как случается! Мои предки рубились с их предками от сотворения мира!..

- Ты, наверное, нередко грабишь в их стране? - продолжал расспрашивать Джаганат.

- Грабить у них особенно нечего, - был ответ. - Киммерийцы бедны - ни золота, ни серебра там не найдешь. Последний оборванец из ванов или асов по сравнению с богатейшим киммерийцем - все равно что вождь!

- Зачем же, - спросил Джаганат, - воевать со столь грозным врагом, если у него и добычей-то какой следует не разживешься?

- А разве я говорил, что там вовсе нельзя взять добычи? Я имел в виду только богатство. Мы разоряем их деревни, чтобы взять в плен детей. Из взрослого киммерийца не получится раб: они сражаются до последнего, мужчины и женщины, и предпочитают смерть плену. Но за киммерийских детей купцы с Юга дают хорошую цену! Если их вырастить с толком, то лучших невольников и придумать нельзя. Мори их голодом, бей сколько душе угодно - а они работают и работают, ничто их не берет. Было дело, окружили мы дом одного киммерийца, так он знаешь что сделал? Убил свою жену и весь выводок! А потом выскочил к нам с окровавленным мечом и рубился как бешеный. Крутой народ!.. - Старкад откинулся в кресле и отпил из оправленного в золото черепа. - Но мы, ваны, все-таки круче!..

- Стало быть, - сказал Джаганат, - ты не побоишься предпринять маленькую вылазку в

глубь киммерийских земель?

- Побоюсь? Я?!.. - возмущенно взревел Старкад. - Когда это мы, ваны, кого боялись!.. - И продолжал, несколько успокоившись: - Другое дело, мы редко отправляемся в походы, если не светит хорошей добычи. Да еще поздней осенью... Сейчас время пиров, когда все сидят по домам и веселятся как могут. Скоро я отправлюсь навестить моих собратьев-вождей и сам начну принимать их у себя, а потом будет великий праздник Середины Зимы. Нужна веская причина, чтобы мы покинули тепло и веселье пиршественных залов и отправились сеять смерть среди киммерийцев!

Это было самое неприкрытое вымогательство. Джаганат попросту открыл кошель, висевший у него на боку, и Старкад увидел крупные золотые монеты, поблескивавшие внутри. Джаганат запустил руку в кошель и лениво поиграл блестящими тяжелыми кругляками.

- Правда, - сказал он, - симпатичный мешочек?..

Во рту у Старкада сразу пересохло, а ладони отчаянно зачесались. Золота у него и так было навалом, но алчность являлась такой же неотъемлемой частью его естества, как и жадность до вражеской крови. Сколько бы золотой казны ни удалось ему накопить, Старкад по своей воле не остановится. Он только спросил:

- И что же за путешествие ты намереваешься предпринять?

- Мне нужно просто добраться до вполне определенной горы, - был ответ. Воинам, которые взялись бы нас сопровождать, не пришлось бы даже рисковать жизнью и проливать кровь. Все, что нам надо, - это вооруженный эскорт. И еще: мы должны достигнуть той горы ко времени осеннего равноденствия.

Старкад усмехнулся:

- Еще не бывало такого, чтобы мы, ваны, вторглись на киммерийские земли, и дело обошлось бы без кровопролития! А что за гора тебе нужна?

- Киммерийцы на своем языке называют ее Бен Мор.

Даже сквозь загар было видно, как побледнел Старкад.

- Бен Мор, - повторил он полушепотом. - Во имя Имира! Что вы там потеряли?

- А вот это уж мое дело. Но неужели то место пользуется такой дурной славой?

- Это священная гора киммерийцев. Там живет их Бог - Кром. До Крома мне нет никакого дела, я поклоняюсь Имиру. Но для того, чтобы попасть к подножию Бен Мора, мы должны пройти долиной Коналла и пересечь Поля Мертвых. На этих Полях погребены все великие военные вожди киммерийцев. Если тамошние жители прослышат о нашем походе, все их кланы соберутся вместе. Они способны забыть междоусобные распри, длившиеся много поколений, ради того, чтобы защитить кости своих предков. Так же, как они поступили при осаде Венариума...

- Но мы не собираемся трогать могилы, - возразил Джаганат. - Мы просто проедем мимо!

- Самая земля этих Полей священна для них, - объяснил ему Старкад. - И потом, я нипочем не сумею удержать своих людей и не дать им разворошить киммерийские надгробные курганы, - точно так же как и киммерийцы не щадят наших священных рощ, когда вторгаются в Ванахейм. Наша взаимная ненависть имеет слишком глубокие корни...

- Что ж, - сказал Джаганат, закрывая драгоценный кошель, - если ты не в состоянии оказать мне требуемую услугу, я не буду более злоупотреблять твоим гостеприимством. Я слышал, будто немного севернее на побережье живет другой вождь. Люди зовут его

Вульфстаном. Возможно, у него кишка не окажется тонка для маленького путешествия по горам...

- Не спеши, - попросил Старкад, глядя, как погасает под кожаной крышкой сияние чеканного золота. - Может случиться и так, что кое-кто из моих ребят не станет возражать против небольшой разборки с черноволосыми! - Он опустил глаза вниз, туда, где выпирало над широким поясным ремнем могучее брюхо. Похлопав по нему ладонью, Старкад заявил: - Да и мне самому вовсе не помешало бы немного размяться!.. Не намахался я топором в нынешнем году... Сейчас поглядим, что получится!

И Старкад взревел на весь зал, требуя тишины. Когда шум несколько стих, он во всеуслышание провозгласил:

- Наши почтенные гости прибыли в Ванахейм издалека! Они приехали сюда потому, что прослышали о нас, ванах, самых могучих и неустрашимых воителях на всем свете!.. - Это утверждение было встречено одобрительным ревом. Несогласных не нашлось. - Им, - продолжал Старкад, - нужно совершить кое-какое путешествие. Для этого требуется эскорт из бесстрашных ванов, жадных до сокровищ и битв! Наши гости готовы щедро заплатить золотом каждому храбрецу, который вызовется сопровождать их!.. - Дружный крик, сопроводивший эти слова, был даже громче, чем в первый раз. - Кто из вас хочет прогуляться со мной внутрь страны и, быть может, немножечко помахать топором?..

Было много шума и туча вызвавшихся добровольцев. Однако потом поднялся пышнобородый воин и обратился к вождю.

- Куда же направляются чужеземцы? - спросил он.

- В Киммерию, - ответствовал Старкад.

Радостный гвалт сразу несколько поутих.

- Да кто нормальный полезет в эти их туманные кряжи, когда на носу осень? - спросил пышнобородый. - Скоро выпадет снег, и черноволосые спустятся с горных пастбищ, чтобы перезимовать, сидя по деревням. Там даже и пленников не возьмешь, а драться они будут как черти!

Остальные закивали, вполголоса соглашаясь друг с другом, что сказанное истинная правда.

- Вот что, Гверт, - сказал Старкад, слегка наклоняясь вперед. Он говорил негромко, его голос был зловеще спокоен. - Ты плохо слушал: это будет не налет. Мы всего лишь предоставляем чужеземцам эскорт. Каждый в этом зале имеет право свободно высказывать свое мнение. Но если ты вознамерился занять мое кресло, то знай, что мой топор все еще при мне! - И он указал на великолепную секиру с серебряной инкрустацией, стоявшую возле его почетного места. - А твой при тебе... - И Старкад кивнул на сходное оружие, висевшее за спиной Гверта на деревянном гвозде. - Любой может занять это кресло, если он достаточно смел!..

Свирепые ваны соблюдали обычай: вождь оставался вождем, пока мог вооруженной рукой подтвердить свое первенство. Человек по имени Гверт смутился и сел на скамью. Старкад улыбнулся, но ничего общего с веселой открытой улыбкой выражение его лица не имело.

По одному, по двое воины выходили вперед и заявляли о намерении участвовать в рискованном предприятии. В основном это были молодые ребята, охочие до подвигов и жаждущие подтвердить свое мужество. Вождь каждого похвалил, каждому пообещал подарки и щедрую плату. Когда последний из них поклялся служить ему во время похода, Старкад

повернулся к Джаганату.

- Завтра, - сказал он, - я отправлю гонцов на выселки, и народу прибавится. На твоем месте я шагу не сделал бы в Киммерию, не набрав самое меньшее сотню бойцов!

- Очень хорошо, вождь, - кивнул Джаганат. - Только учти, времени у нас не так много: мы должны быть там ко дню осеннего равноденствия. - И добавил после некоторого размышления: - Я щедро заплачу тебе, но своим людям ты плати сам. Даже и этот кошель очень быстро иссякнет, если в него заберется разом сто рук!

Старкад хлопнул его по колену и заразительно расхохотался:

- Вот уж этого не бойся, чужеземец! Посмотрим, что останется от сотни к тому времени, когда мы вернемся и настанет время платить!..

Глава четвертая
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Бельверус, немедийская столица, остался у Конана далеко за спиной. Рана, причинившая варвару столько страданий, отошла в область воспоминаний, и киммериец спокойно ехал вперед, наслаждаясь последними теплыми днями. То есть было даже не тепло, а попросту жарко. Бронзовая кожа молодого варвара лоснилась на солнце: он оставил на себе из одежды только сандалии и набедренную повязку. И, конечно, пояс с мечом. Головная повязка из ярко-красного ремешка удерживала отросшую вороную гриву. Конан внимательно обозревал горизонт. Места были неспокойные: откуда знать наперед, в какой момент из-за ближайшего холма вылетит вооруженная орава, снедаемая неведомыми намерениями?..

Конан покинул Бельверус десять дней назад, и за это время плоская равнина уступила место холмам. Холмы постепенно становились все выше и выше. Еще немного, и они превратятся в гигантские горные кряжи Северных Стран...

Позади остались раздольные степи южных краев. Холмы, между которыми проезжал Конан, были одеты лесом, в основном лиственным. Чем дальше на север, тем больше попадалось сосен. Листва на деревьях горела яркими красками осени и мало-помалу опадала. Это предвещало раннее наступление зимы.

Конан путешествовал через Пограничное Королевство - относительно небольшую страну, граничившую с Немедией, Бритунией, Гиперборей и Киммерией. Узкие полоски территории Королевства простирались также в глубь Гандерланда и Боссонских Пределов. Местные жители вели довольно отсталое существование, здесь не было сильной центральной власти, как у южных соседей. Так что, хотя страна и именовалась Королевством, о том, кто же конкретно является в данный момент королем, единого мнения обычно не было. Чаще всего на высший титул претендовало сразу несколько человек, и это приводило к нескончаемым внутренним войнам.

Восточная часть страны, которую как раз пересекал Конан, была вотчиной многочисленных мелких вождей. Киммериец очень надеялся, что ему удастся не впутаться ни в одну местную свару.

Полуденное солнце ярко светило с небес, когда он подъехал к руинам деревни. Деревянный тын сгорел почти дотла: из земли выглядывало только кольцо обугленных пней. Сгорели и все дома, которые когда-то защищал частокол. Развалины уже не дымились, но Конан принюхался и определил, что пожар бушевал не более чем двое суток назад. Его конь танцевал и шарахался, чувствуя запах пропитанной кровью земли. Кое-где торчали обломанные стрелы, валялись разрубленные щиты: в деревне произошел бой, жители защищались.

Конан про себя выругался. Он прямиком въехал в то, чего собирался старательно избежать. Запас времени, отделявший его от дня осеннего равноденствия, неотвратимо уменьшался. Лишние задержки определенно были ему ни к чему.

Кто бы ни жил здесь раньше, все эти люди либо погибли, либо разбежались, либо были уведены в плен. Что же касается нападавших... Конан объехал вокруг сожженного тына, но

ничего определенного обнаружить не смог. Только старые следы, основательно замытые недавним дождем. Чуть поодаль начиналась цепочка коровьих "лепешек". Проследив направление, Конан убедился, что скот, похищенный из деревни, угнали на северо-восток. Однако зверская жестокость погрома свидетельствовала, что это был не обычный налет с целью угона скота. Здесь шла вражда кланов либо побывали налетчики из-за порубежья. Конан понял, что дальше придется двигаться со всей мыслимой осторожностью...

Увы! Одинокому всаднику очень трудно остаться незамеченным, проезжая незнакомыми холмами. И в особенности, если те, чьего внимания он хотел бы избежать, - зоркоглазые воины, к тому же знающие свой край до последней травинки. Конан отъехал от деревни всего на несколько миль, когда поблизости резко прокричал рог. И почти сразу же киммериец заметил конный разъезд, остановившийся на вершине холма и пытливо наблюдавший за небольшим распадком, по которому Конан проезжал. Прошло несколько минут, и голос рога сменился барабанной дробью копыт...

Конан облокотился на луку седла и стал терпеливо ждать. Он, конечно, мог бы пуститься наутек. Но это означало бы, что придется скрываться, петлять и опять-таки терять драгоценное время. Пусть лучше всадники обыщут его, если захотят. Он им честно расскажет, куда направляется. А если произойдет худшее раскидает их силой и тогда уже во всю прыть помчится в Киммерию...

Цепочка всадников перевалила через гребень холма и начала спускаться в долину. Их было десятка два. Все - мужчины с суровыми жесткими лицами, в шлемах и коротких нагрудниках, чешуйчатых либо кольчужных. Присмотревшись к внешности, киммериец определил их как родственников гандеров, обитавших чуть подальше к востоку. Большинство были светловолосыми и голубоглазыми. Заметил Конан и одну общую особенность: у каждого на шлеме торчали бычьи рога. Причем у всех одинаковые. На щитах тоже красовались бычьи головы. А один всадник вез высокий штандарт, украшенный черепом и несколькими хвостами того же самого животного.

Конан убрал руки подальше от оружия и дал всадникам себя окружить. Держались они настороженно, но без особой враждебности. Когда же к Конану направился предводитель, у киммерийца невольно округлились глаза.

Перед ним была женщина! Женщина в воинских доспехах!

Молодой варвар окинул ее взглядом, полным неприкрытого восхищения. Ибо она поистине того стоила.

Большую часть лица женщины закрывал боевой шлем: оставалась только прорезь в форме буквы "У", позволявшая смотреть и дышать. Прорезь не давала толком рассмотреть черты, зато тело было попросту великолепно. Конан невольно подумал о вендийской Богине-воительнице, живым воплощением Которой могла бы послужить незнакомка. Роскошную грудь прикрывали две выпуклые чаши, сработанные из полированной бронзы. У женщины были широкие, крепкие плечи и тонкая талия, перехваченная поясом, составленным из посеребренных чешуек. Ноги ниже колена защищали бронзовые поножи, бедра же оставались обнаженными, если не считать ножен с кинжалом, пристегнутых к правой ляжке. Под доспехами и скреплявшими их ремнями не было видно почти никакой одежды, только узенькая набедренная повязка из черного шелка. Женщина-вождь не носила даже сандалий - ездила босиком.

Вот она расстегнула подбородочный ремень и стащила шлем с головы. Из-под шлема вывалилась копна рыжевато-каштановых волос и окутала женщину по самые локти. Конан

необыкновенно обрадовался, убедившись, что лицо предводительницы было столь же прекрасно, как и ее тело. Лицо, впрочем, изобличало весьма сильный характер. Лоб был широким и низким, а высокие скулы - и того шире. Нос оказался прямым, подбородок - твердым, квадратным. Кое-кто мог бы счесть такое лицо даже слишком волевым для истинной красоты, но суровые черты дополнялись пухлыми, чувственными губами крупного рта. В общем, Конан про себя счел, что Боги при всем желании не смогли бы приставить лучшего лица к этому телу женщины-воина. А когда он присмотрелся к игре мышц на ее шее и плечах, то окончательно убедился, что перед ним была не какая-нибудь королевская дочка, вырядившаяся в воинские доспехи. Женщина привыкла таскать на себе броню, и очень похоже, что с раннего детства. А было ей, по первому впечатлению, лет этак двадцать пять.

Между тем воительница разглядывала его столь же откровенно, как он - ее. И в холодных голубых глазах отражалось явственное одобрение. Видимо, ей тоже понравился могучий разворот плеч, закованных в броню стальных мышц и крупные руки, украшенные паутиной шрамов и многолетними мозолями от рукояти меча.

- Я - Эльфрид, вождь Крэгсфелла, - сказала она наконец. Голос у нее был низкий, с хрипотцой. - А ты, судя по внешности, киммериец. Что ты делаешь, киммериец, в моей стране?

Как и ожидал Конан, она говорила на гандерском диалекте, который он хорошо знал. Он ответил:

- Меня зовут Конан. Я возвращаюсь домой, в Киммерию. Я не был там много лет. Я еду один и ни в коем случае не собираюсь обижать твоих подданных. Позволишь ли ты мне невозбранно проследовать через твои земли?

- Невозбранно проследовать?.. Не так это нынче просто, как тебе кажется, был ответ. - Грех мешать человеку, едущему домой, но дело в том, что здесь идет война!

- Я так и понял, - сказал Конан. - Я только что проехал деревню... Вернее, то место, где раньше стояла деревня. Теперь там ничего не осталось, даже двум воронам не из-за чего подраться.

- Работа Этцеля! - зарычала воительница, и ярость согнала всю краску с ее щек. - Хорошо хоть, большинство народа успело спастись в Крэгсфелле... Крэгсфелл - это моя крепость. Мы добрались к побоищу только вчера и не успели помочь, лишь унесли мертвых, чтобы воздать им последние почести... Люди Этцеля оставили после себя одних мертвецов! Его воины перебили мужчин, кого сумели поймать, а женщин и детей увели продавать немедийским работорговцам...

- Да кто хоть он такой, этот Этцель? - спросил Конан. - Разбойник? Или вражеский вождь?

Эльфрид сплюнула наземь и произнесла короткое ругательство: такого загиба Конан никогда еще не слыхал.

- Приличных слов не хватает, чтобы достойно описать мерзкую тварь! сказала она. Потом присмотрелась к длинному мечу на поясе Конана, к его рукояти, выложенной белой пупырчатой кожей. - Вот что, чужестранец. Раз уж ты здесь один и намерения у тебя, как ты говоришь, не враждебные, - я предлагаю тебе мое гостеприимство. Поехали с нами в Крэгсфелл. Тебе все равно пришлось бы миновать его по дороге, так отчего бы не поужинать под крышей и не переночевать у огня, прежде чем двигаться дальше? Там, за кружечкой эля, и узнаешь все как есть об Этцеле и обо всех моих горестях...

Конана вполне устроила бы еще одна ночь под звездами. Но отказаться от

предложенного гостеприимства - жесточайшее оскорбление. К тому же царственная предводительница пробудила в нем живейшее любопытство.

- Благодарю тебя, - ответствовал киммериец. - Я принимаю твое приглашение и делаю это с радостью.

- Отлично! Мы прибудем домой к наступлению темноты, - сказала она. - Не исключено, что в пути на нас нападут, но теперь ты мой гость, а значит, находишься под моей защитой. Да, Этцель тебе защиту и кров вряд ли бы предложил!.. Скорее всего, тебя давно бы уже убили, чтобы забрать меч, коня и что там еще у тебя есть...

- Попытались бы убить, - хмуро поправил Конан. - Многие, знаешь ли, последнее время пытались насадить меня на клинок. Теперь они все вместе барахтаются в Преисподней, сговариваясь, что бы такое надо мной учинить, когда я в конце концов и сам туда попаду...

Эльфрид смерила его оценивающим взглядом знатока:

- Да, ты, верно, в самом деле заберешь с собой многих, когда отправишься на тот свет... Что ж, едем!

Она снова водрузила на голову шлем и развернула коня. Конан держался позади, любуясь со спины ее великолепной фигурой. Губы у варвара сами собой расплывались в улыбке, а ему совсем не хотелось, чтобы эту улыбку заметили люди Эльфрид. Задняя часть ее набедренной повязки была шириной едва ли в половину ладони, и взгляду, таким образом, открывалось много интересного, восхитительного и волнующего.

Подобная скупость в одежде была чем-то само собой разумеющимся у женщин Немедии или Заморы, но здесь, на Севере, это было не очень-то принято. Конан даже подумал, что, наверное, воительница желала таким образом подчеркнуть свое отличие от обычных представительниц слабого пола. Ну а о том, что она сидела в седле с грацией прирожденной наездницы, не стоило и говорить. Гибкое, сильное тело двигалось в едином ритме с шагом коня. Киммериец вынужден был пожалеть о том, что поручение побуждало его к спешке, а значит, нельзя было задержаться в этом, как его, Крэгсфелле и познакомиться с Эльфрид ближе. Гораздо, гораздо ближе...

Полдня езды по лесистым холмам - и вот наконец они оказались в виду утесистой вершины, увенчанной крепостью, сложенной из каменных глыб.

- Крэгсфелл! - сказала Эльфрид, указывая вперед.

Скоро они увидели вспаханные поля, с которых убирали урожай земледельцы. Свинопасы присматривали за стадами вепрей, подбиравших в дубовых рощах опавшие желуди. Конан отметил про себя, что у каждого работника под рукой копье, а многие не расставались с луками и мечами.

Поднимаясь наверх, дорога несколько раз обогнула холм, извиваясь таким образом, что любой непрошеный гость все время подставлял бы крепости правый бок, не закрытый щитом. На стенах густо стояли лучники и арбалетчики. Все они с большим подозрением посматривали на черноволосого великана, следовавшего за их предводительницей. Добрая дюжина мужчин уже вращала здоровенный ворот, поднимавший огромный щит из толстого дерева, обшитого бронзовыми полосами. Маленькая кавалькада проехала под этим щитом и оказалась внутри.

По сравнению с огромными крепостями, которые Конан видел на Юге, Крэгсфелл был совсем невелик: обыкновенная деревня, обнесенная стеной из дикого камня, не скрепленного раствором. Посередине цитадели стоял длинный деревянный дом, сплошь покрытый замысловатой резьбой и ярко раскрашенный. Со всех сторон так и кишел народ: в

большинстве своем - дети и женщины, отосланные своими мужчинами от греха подальше под защиту крепостных стен. Все они улыбались и махали руками вернувшейся Эльфрид. Похоже, молодую правительницу любили.

Воины спешивались, и шустрые мальчишки вели коней прочь. Мужчины потягивались, разминая суставы, закостеневшие от сидения в седлах. Одной Эльфрид все было нипочем. Она просто сняла шлем и грациозной походкой направилась к длинному дому. Конан пошел следом за ней.

Войдя внутрь, она кинула шлем подвернувшемуся мальчишке и объявила:

- У нас гость! - Потом обратилась к двоим белоголовым пацанятам: - Ты и ты! Проследите, чтобы он ни в чем не знал недостатка. Покажите ему, где баня, найдите чистую одежду. Да смотрите мне, чтобы его принимали не хуже, чем какого-нибудь заезжего тана!..

У Конана даже зародилось подозрение: с чего бы это никому не известному, случайно встреченному воину да вдруг подобные почести?..

В это время из-за занавешенного алькова в дальнем конце длинного зала выбежала взъерошенная девочка лет пяти, и Эльфрид подхватила ее на руки.

- Это Эльфгива, - сказала она Конану. - Мое дитя. Единственное.

Девчушка недоверчиво посматривала на киммерийца. При всей малости ее лет она отлично знала, что рослый черноволосый дядька не был ни родственником, ни другом. А значит, и добра от него ждать не приходилось.

- Она станет матерью замечательных воинов, - проговорил Конан. Это были обычные слова, которые произносили в Северных Странах, желая похвалить хозяйскую дочь. Однако Эльфрид и тут оказалась не как все.

- Эльфгива сама станет воительницей, если только я проживу достаточно долго и сумею воспитать ее как надо, - сказала она. И с величайшей гордостью улыбнулась ребенку: - Моя дочь уже и теперь умеет ездить на лошади и отлично управляется с маленьким луком, который я ей смастерила. Когда ее руки немного окрепнут, она выучится фехтовать и биться копьем!

Конан невольно задумался, что могло статься с отцом девочки, однако жизнь давно отучила его задавать вопросы правителям. Даже если эти правители повелевали крохотными "королевствами" вроде Крэгсфелла. Захочет - сама обо всем расскажет за выпивкой и едой. А не захочет... Что ж, утром он всяко уедет отсюда прочь. А от неудовлетворенного любопытства никто еще не помирал.

- Мойся и отдыхай, - посоветовала ему Эльфрид. - Когда закатится солнце, ты воссядешь подле меня за стол. Мне надо кое-что с тобой обсудить... Но не раньше, чем ты отдохнешь, насытишься и разбавишь дорожную пыль в желудке глотком доброго эля! - Женщина-вождь вновь повернулась к одному из белобрысых мальчишек, ранее назначенных ею прислуживать Конану, и легонько стукнула его по затылку костяшками пальцев: - Что ж ты, паршивец, не несешь нашему гостю наполненный рог? Не понимаешь, что у него во рту пересохло?.. - Мальчишка умчался стрелой, почесывая затылок, а воительница обратилась к Конану: Малыши отведут тебя в мужскую баню. Я тоже пойду ополоснусь с дороги, а заодно выясню, каких еще вредных привычек успела нахвататься моя дочурка... Поговорим за ужином!

И она направилась к занавешенному алькову. Оттуда немедленно появились две молодые женщины и принялись расстегивать на ней воинскую амуницию.

- Я отведу тебя в мыльню, господин, - раздуваясь от сознания собственной важности, сказал Конану один из мальчишек. Другой прибежал, неся рог пенящегося эля. Киммериец

отметил про себя, что это был обыкновенный бычий рог. Ему хватило одного глотка, чтобы наполовину опустошить его.

- Ты действительно из Киммерии, господин? - спросил мальчик, принесший ему попить. - Киммерийцы временами спускаются со своих гор и угоняют наш скот!

Сообща они препроводили его наружу и далее к деревянному дому, несколько превосходившему размерами жилые строения.

- Это, наверное, разбойничают Муррохи, - сказал мальчикам Конан. - Они враги моего клана. Я-то вам друг. По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы мой клан ходил грабить в Пограничное Королевство. Мы все больше с ванами да пиктами отношения выясняем. Ну, и с другими киммерийцами разборки бывают...

По всей видимости, мальчишки почувствовали себя увереннее при этих словах.

Они вошли в обширную комнату, большую часть которой занимала огромная деревянная бадья; в ней уже плескалось несколько воинов, с которыми Конану довелось ехать через холмы. В комнате было полно горячего пара, по мощеному каменному полу текла вода. Конан расстегнул пояс с ножнами и препоручил меч одному из мальчишек, наказав вынести его наружу, подальше от сырости. Второй помог ему стащить с ног сапоги. Высвободившись из набедренной повязки, Конан перебрался через край необъятной лохани и влез в воду.

Горячая дымящаяся вода мгновенно уняла ноющую усталость, поселившуюся было в его выносливом теле. Конан с наслаждением отдался ее ласковому прикосновению. Вежливо поприветствовав мужчин, мывшихся вместе с ним, он попытался склонить их к беседе, но без особого успеха. Они держались учтиво, однако предпочитали отвечать немногословно. Было совершенно ясно, что разговорчивости у них не прибавится, пока женщина-вождь окончательно не обнародует свои намерения в отношении чужака.

Мальчик принес ему еще один рог эля, и Конан насладился питьем прямо в воде, радуясь отдохновению от долгого путешествия. Однако в бочке меда не обошлось без ложечки дегтя. Предводительница определенно собиралась сделать ему какое-то предложение. И прежде чем произнести свое предложение вслух, старалась привести его в благостное расположение духа. Как бы не пришлось попасть в сложное и довольно-таки опасное положение, оказавшись перед необходимостью отказывать женщине, явно привыкшей повелевать. Женщине, у которой в подчинении десятки опытных воинов, закаленных в отчаянных битвах...

Его размышления прервал внезапный крик:

- Поберегись! Горячий камень несу!

Из глубины помещения вышла крепкая, полная женщина. Она держала в руках клещи, сжимая ими докрасна раскаленный камень величиной в человеческую голову. Мужчины, отмокавшие в лохани, торопливо подались прочь, и камень плюхнулся в воду. Там, где он потонул, с яростным шипением взвилось облако пара, вода заклокотала пузырями.

Когда Конан выбрался из лохани, мальчишки взялись обрабатывать его тело жесткими губками и намыливать подобием мыла. К тому времени, когда ребятишки наконец сочли его достаточно чистым и стали окатывать свежей водой, киммерийцу показалось, что с него содрали почти всю кожу. Он снова залез в лохань, блаженно вытянулся и благополучно задремал, но тут мальчик принес ему смену чистой одежды. Обсушившись полотенцем, Конан оделся, вышел наружу и опоясался оружием. Он чувствовал себя свежим, вполне отдохнувшим и готовым к новым испытаниям.

Но более всего, пожалуй, он был готов приступить к плотному ужину! Долгая поездка,

выпавшая в этот день, скудные рационы, которыми он довольствовался со времени выезда из Бельверуса, да еще баня - удивительно ли, что молодой киммериец ощущал волчий голод? Сытная еда и добрая выпивка всегда занимали почетное место в списке необходимых жизненных благ, который Конан мог бы составить для себя, если бы ему случилось об этом задуматься. Причем оба эти блага были такого свойства, что "слишком много" их не бывало. Чем больше, тем лучше!

Заглянув в длинный дом, он обнаружил, что приготовления к пиру почти завершились. По обе стороны зала поставили козлы и водрузили на них большие столы. На столах уже красовались блюда с хлебом и фруктами, а также обильные жбаны с элем и медом. Из кухни, находившейся неподалеку, доносились ароматы жарящегося мяса. Рот мгновенно наполнился слюной, и Конан разом отверг все сомнения, касавшиеся предстоявшего застолья. Сначала следовало позаботиться о насущном. Все остальное - потом!

Зал начинал наполняться: крэгсфелльская знать понемногу рассаживалась на скамьях. Во главе двух длинных столов Конан заметил небольшое возвышение. Там стоял стол поменьше, а за ним - высокий стул, покрытый прихотливой резьбой. Вблизи возвышения садились знатные воины и их жены, дальний конец столов занимали люди попроще. Распорядитель повел Конана к возвышению, где рядом с хозяйским сиденьем уже устанавливали второй стул.

Когда вошла Эльфрид, все почтительно встали. Потом, повинуясь жесту правительницы, вновь заняли свои места. Избавившись от доспехов, Эльфрид облачилась в платье из тонкого зеленого шелка, по щиколотку длиной. По бокам юбки с обеих сторон были разрезы до талии. Глубокий вырез спереди спускался опять же до самого пояска. Конан про себя отметил, что она так и не рассталась с кинжалом, пристегнутым в ножнах к бедру.

Эльфрид села, Конан устроился подле нее и стал смотреть, как вносят в зал блюда с едой. Молодой варвар помалкивал: если ей что-то от него надо, пускай заговаривает сама. Оторвав куриную ножку, он в мгновение ока очистил ее до костей.

- Ты видел немало сражений, не правда ли, киммериец? - спросила его Эльфрид.

- Истинно так, - ответствовал Конан. - Я сражаюсь с пятнадцати лет и многое повидал, от клановых стычек до великих нашествий. Последние годы я себе зарабатывал на хлеб, наемничая в армиях великих южных держав. Сперва простым пешим воином, потом кавалеристом, а потом кое-чем и командовал...

- Приятно слышать это, - отозвалась Эльфрид. Отрезав себе добрый ломоть говядины, она запустила в него зубы почти так же алчно, как сам Конан. Помнится, я обещала рассказать тебе историю моей вражды с Этцелем и как вышло, что моя страна все время воюет...

- Сделай милость, расскажи, - ответил Конан. За щедрую кормежку вроде нынешней он и не такое согласился бы выслушать. Пододвинув к себе горячий пирог с мясом, он с удовольствием проломил кинжалом его верхнюю корочку. Слушая Эльфрид, он знай убирал в рот и начинку, и хорошо пропеченное тесто, запивая их элем. Все те же мальчишки почтительно стояли у него за спиной. Они следили, чтобы не пересыхало дно в его роге, и были готовы по первому знаку подать любое блюдо, могущее его заинтересовать. Что касается Конана, он ел, как говорится, от пуза, насыщаясь впрок. Он знал, что на родине поживиться будет особенно нечем. Если, конечно, киммерийцы в его отсутствие не переменились самым решительным образом...

- Этцель - вождь, живущий к северу отсюда, - рассказывала Эльфрид. - Он любит

называть себя королем, и его заветная мечта - присоединить мои земли к своим. Он воображает, будто, сделав это, превратится из обычного вожака шайки разбойников во что-то значительное! Он грабит не только нас, но и других соседей, однако наша с ним вражда - дело еще и личное. Видишь ли, от моей руки пал его сын.

- От твоей руки? Ты убила его сама? - переспросил Конан.

- Никто мне не помогал, - подтвердила она. - Три года назад у меня был муж. Звали его Ральф, и он был вождем Крэгсфелла. Он был молод и красив, а какой воин!.. Знаешь, он был похож на тебя, только светловолосый. Мы с ним с детства любили друг друга...

Осенью того года мы отправились на Великий Праздник - воздать почести Царственному Быку, Который есть величайшая святыня нашей веры. На время торжеств прекращаются все распри, чтобы любой мог съездить на Праздник, ничего не опасаясь. Мы с мужем, как и положено знатнейшим нашей страны, принимали участие в совершении священных обрядов. Участвовал и Этцель со своим сыном Рориком...

Так вот, дело в том, что есть один ритуал, совершаемый на второй вечер Праздника узким кругом знатнейших женщин страны. Я не имею права описывать его ни кому-либо из мужчин, ни иным непосвященным. Скажу тебе только, что женщины творят священнодействие совершенно нагими. Мужчины же, под страхом смертной казни, не смеют подглядывать...

Конан уже догадался, что за этим последует. Слова Эльфрид в полной мере подтвердили его догадку.

- Юный Рорик, сын Этцеля, был бабником, каких свет не видал. Он спрятался в роще, где совершался обряд, и подсматривал за женщинами. Когда он увидел меня без; одежды, то возгорелся похотью и пожелал непременно мной обладать...

- Вполне его понимаю, - сказал Конан, желая сделать ей комплимент.

Эльфрид не обратила на его слова ни малейшего внимания.

- В тот вечер, - продолжала она, - я прилегла отдохнуть в нашем шатре, а муж отправился полакомиться пивом со своими друзьями. Вскоре явился Рорик и без приглашения ввалился в шатер. Он понес какую-то чушь о великой любви, которой якобы воспылал. Он рассказал, как подсматривал в роще, и заявил, что не успокоится, пока не возляжет со мной. Святотатство, которое он совершил, привело меня в ужас, но должна тебе сказать, что насилия с его стороны я не слишком боялась. Мой отец с детства обучал меня воинскому делу. Он говорил: если ты родилась женщиной, это еще не предлог для того, чтобы безропотно терпеть покушения на свою честь! Еще он говорил, что для женщины даже важней уметь защищаться, чем для мужчины. Поэтому я не особенно сомневалась, что сумею справиться с Рориком. Хотя парень он был крепкий и явился при мече...

Я пришла в ярость и приказала ему убираться. Я пообещала рассказать всем вождям о непотребном попрании святого закона, которое он учинил. Он в ответ заявил, что, если я не отдамся ему добром, он возьмет меня силой. Я расхохоталась ему в лицо.

И в это время в палатку возвратился мой муж. Я так и не узнала, забыл ли он что-то или просто передумал и не пошел на пирушку... Он не заподозрил дурного. Входя, он услышал мой смех и решил, что мы с Рориком мирно беседуем. Он приветствовал его как друга. Рорик обернулся к нему с кинжалом в руке. Если бы это был честный бой, у него не было бы против Ральфа ни единого шанса. Но в тот день он застал Ральфа врасплох. Тот не успел даже удивиться. Рорик ударил его в сердце.

Ты только представь себе это!.. Мой муж мертвым лежал на земле, а передо мной стоял

его убийца. Моя ярость и обида сменились ледяным бешенством. Я приняла решение. Когда Рорик подошел ко мне, я притворилась, будто готова ему уступить. Он начал срывать с меня одежду и так спешил, что даже не снял пояса с мечом. Я схватила меч одной рукой, а другой что было сил оттолкнула Рорика прочь. И прежде чем он понял, что происходит, - снесла ему голову с плеч. После потери мужа это, конечно, было ничтожное утешение. Однако я исполнила долг мести, и исполнила быстро.

- Ты решительная и смелая женщина, - с уважением проговорил Конан. - Стало быть, теперь этот Этцель помешался на мести?

- Еще как! - усмехнулась она. - В тот момент он ничего не мог сделать. Он, конечно, обвинил меня в убийстве и особенно напирал на то, что я-де совершила его во время священного перемирия. Однако вожди рассудили по справедливости. Во-первых, Рорик был повинен в святотатстве, всяко наказуемом смертью. И во-вторых, как бы то ни было, он убил моего мужа и тем самым первым начал кровопролитие. Этцель пытался представить дело таким образом, будто мы с Ральфом сговорились убить его мальчика и Рорик якобы сразил моего мужа, защищая свою жизнь. Вожди этому не поверили. Многие из них любили моего мужа, и даже те, кто с ним не дружил, знали, что на грязное убийство он не способен. И потом, кто поверил бы, что какой-то там Рорик мог бы справиться с Ральфом, если бы тот загодя изготовился к бою?.. Кончилось тем, что я подтвердила истинность своих слов клятвой, данной в присутствии самого Царственного Быка. После этого ни у кого не осталось больше сомнений.

Вот с тех самых пор и идет нескончаемая война между племенем Этцеля и моим. У него больше воинов, чем у меня, но дать открытую битву он не решается. Он предпочитает сжигать и грабить деревни. Ты сам видел, что от них остается...

- Печальная история, - посочувствовал Конан. - Надеюсь, ч конце концов ты одержишь над Этцелем верх. Твое дело правое.

Он отрезал себе кусок хлеба и положил сверху пласт дымящейся оленины.

- Спасибо тебе за добрые пожелания, воин, - сказала Эльфрид. - Но мне хотелось бы получить от тебя... нечто более весомое.

И она махнула рукой мальчику, веля ему наполнить рог Конана пивом.

- А именно, госпожа моя? - осторожно спросил киммериец.

Она ответила:

- Я выросла воительницей. Я была замужем за одним из величайших воинов Пограничного Королевства. Поэтому, когда я вижу перед собой воина, я с первого взгляда могу сказать, чего он стоит. Я успела понять, что ты превосходишь любого из воинов моей дружины. И к тому же сведущ в командовании. Ты сам сказал, что зарабатываешь на жизнь наемничая. Вот я и решила нанять тебя. Я поставлю тебя во главе моих воинов, так что подчиняться ты будешь одной только мне. Мы с Этцелем неминуемо столкнемся лбами, и произойдет это скоро. Он давно уже донимает нас мелкими наскоками и почти созрел для последней решительной схватки. Я знаю, что он намерен взять меня живьем и предать смерти каким-нибудь особенно жестоким и унизительным способом. Ну уж этого я ни в коем случае не допущу. Я скорее своей рукой убью и себя, и свою дочь. Но если моих людей поведешь ты, я могу еще выиграть. Мои воины с радостью пойдут за тобой в битву: ты прирожденный вождь, и они это чувствуют. Как бы преданно они меня ни любили, - добавила она с кривой усмешкой, - мысль о женщине-полководце полного доверия им не внушает...

Конан хмуро уставился в свой рог, неожиданно лишившись всякого аппетита. В любое другое время он с величайшей радостью принял бы предложение. Отчего бы не оказать помощь обиженной стороне? Он всегда, когда мог, с удовольствием восстанавливал справедливость. И в особенности - ради прекрасных глаз очаровательной женщины. Война же с малолетства была его ремеслом; он нимало не сомневался, что сумел бы заставить врагов Эльфрид отступить. А может, даже и разгромил бы их наголову.

Единственное, чем он не располагал, - это временем. Он мучительно задумался, соображая, как бы выкрутиться из положения и не потерять при этом лицо.

- Я здесь чужак, госпожа моя, - проворчал он наконец. - Неужели твои люди потерпят, чтобы им приказывал чужестранец?

- Это даже и к лучшему, что ты не из наших, - был ответ. - Это значит, что ты не возымеешь честолюбивых желаний заделаться вождем вместо меня. К тому же у нас есть обычай: женщина, утратившая родственников мужского пола, избирает себе рыцаря, на которого и возлагается обязанность защищать ее от возможных насилий. Так что воины отнесутся к твоему назначению как к должному.

- Увы, я не могу согласиться, - сказал Конан. - Поверь, госпожа, я счел бы за счастье постоять за тебя в битве с врагами. Но я выполняю поручение и не могу прервать своего путешествия. Я дал слово.

- Я не собираюсь задерживать тебя навсегда. Проведи с нами хотя бы осень и зиму, - настаивала она. - Твоя Киммерия никуда не денется до весны.

- Я не просто еду на родину, - сказал Конан. - Я действительно исполняю поручение, скрепленное страшной клятвой. В день осеннего равноденствия я должен прибыть в определенное место в самой глубине Киммерии. Ставка - моя честь.

Ему до смерти не хотелось об этом рассказывать, но, раз уж он был не в состоянии помочь ей, Эльфрид по крайней мере заслуживала правдивого объяснения.

Ее взгляд, только что теплый и дружеский, вдруг стал холодным.

- Похоже, я все-таки ошиблась в тебе, - сказала она. - Видно, ты не тот воин, за которого я тебя приняла.

Конан не попался на удочку.

- Суди обо мне как тебе угодно, госпожа моя. Я рассказал тебе правду. Я могу пообещать тебе лишь одно: когда я исполню то, что должен исполнить, я немедленно вернусь сюда и встану под твое знамя.

- Если ты задержишься у себя до дня осеннего равноденствия, значит, сюда ты попадешь только в начале зимы, - ответила она с горечью. - Вряд ли Этцель станет тебя дожидаться. Он вот-вот ударит, я знаю. Когда ты возвратишься, все будет кончено. Но я не буду удерживать тебя, киммериец, против твоей воли. Езжай своей дорогой.

Она отвернулась от него и невидящим взглядом уставилась в дальнюю стену, потягивая вино.

Конан мрачнее тучи сидел с нею рядом. Он понимал, что со стороны его поведение выглядело трусостью, и это было оскорбительно. Он продолжал есть и пить, готовя себя к тяготам дальней дороги, но и пиво, и добрая еда внезапно стали совершенно безвкусными...

Со времени их разговора Эльфрид держалась отчужденно, но размолвка никоим образом не мешала ей исполнять свои обязанности гостеприимной хозяйки. Утром она вышла проводить Конана в дорогу и самолично проследила за тем, чтобы его снабдили съестными припасами. Она вновь была облачена в доспехи, одетые почти на голое тело.

- Отсюда ты поедешь на север, - сказала она и вытянула руку, указывая ему на далекие горы. В одном месте хребет рассекало нечто вроде зарубки. - Это Имиров Перевал. Ты должен миновать его, если хочешь увидеть свою родину прежде середины зимы. Но помни: покинув мою страну, ты лишаешься и моего покровительства.

- Я уже много лет обхожусь без чьего-либо покровительства, госпожа моя, ответил Конан.

- Смотри, как бы тебе не пришлось пустить в ход свое воинское искусство, и притом скоро, - сказала она. - Имиров Перевал - это уже земли Этцеля. И он выстроил там крепость, перекрыв проход от одной скальной стены до другой.

- Я родился в горах, - упрямо заявил Конан. - Как-нибудь проберусь.

- Пешком - может быть, - сказала Эльфрид. - Но на лошади - вряд ли. В общем, поберегись.

- Непременно, Доброго дня тебе, госпожа, и спасибо за гостеприимство. Я добра не забываю.

Весь день Конан ехал маленькими долинами между гор. Он совсем не встречал жителей, а зверье - лишь изредка. Еще было похоже, что Этцель успел порядком-таки похозяйничать в этих местах. Конан проехал несколько сожженных дотла деревень, окруженных заросшими полями и запущенными садами. Некогда это была процветающая, обжитая, любовно возделанная страна. Теперь она понемногу вновь превращалась в дикие, дебри.

Что ж! Конана не касались здешние беды. По крайней мере, именно это он пытался внушить себе начиная со вчерашнего вечера. Получалось с трудом.

Молодой киммериец поневоле предавался тягостным размышлениям, но бдительности ни в коей мере не терял. Однажды он заметил далеко впереди на дороге всадников и поспешно убрался в лес, отъехав подальше, чтобы конь случайно не выдал его ржанием. Понятное любопытство снедало его, и он, привязав коня, вернулся к дороге. Надо же выяснить, что за народ встречался в здешних местах!

Ему только показалось странным, почему они не заметили его тогда же, когда он засек их самих.

Облюбовав развесистое дерево, нависавшее над дорогой, он проворно вскарабкался на ветки. И вытянулся на огромном суку, не дававшем рассмотреть его снизу. Чтобы заметить его, человек, едущий по дороге, должен был бы посмотреть точно вверх. Да еще знать, где искать и кого. Конан лежал абсолютно неподвижно, почти не дыша. Обычный человек не выдержал бы в таком положении и нескольких минут. Конан мог не менять позы часами.

Скоро он расслышал отдаленное звяканье сбруи и топот копыт. Потом под ним проехал передний всадник. Глаза у Конана округлились от изумления, но это так и осталось его единственным движением. Всадники были отнюдь не из местных! Конан со всей определенностью опознал в них заморийцев. Он знал, какую одежду и какое конское убранство предпочитали в Заморе. Да и внешность... Это были невысокие, вороватого вида мужчины, смуглые и бородатые. Что, интересно бы знать, потерял в этих местах заморийский отряд?.. Всадников было пятеро, и ехали они точно туда, откуда прибыл он сам, - в страну Эльфрид. Конану это не слишком понравилось, но, спрашивается, что он мог сделать?..

Зато, по крайней мере, он выяснил, почему они его не заметили. Они выросли на плоских равнинах и среди голых каменистых холмов своей страны и не успели привыкнуть к

лесистым предгорьям Пограничного Королевства.

Когда отряд скрылся из виду, Конан осторожно слез с дерева и отправился за конем. Заморийцы варвару не понравились. Выглядели они отъявленными ворюгами. Не очень думая, что делает, он инстинктивно развернул мерина и направил его следом за ними. Потом вспомнил о своем долге и о клятве, данной Хатор-Ка. Выругался и вновь повернул лошадь в сторону Имирова Перевала.

К вечеру он оказался неподалеку от крепости Этцеля. Выглядела она в точности так, как описывала Эльфрид. Грубо сложенная каменная стена в самом деле полностью перекрывала неширокую долину, и миновать ее вправду оказалось не так-то просто. То есть пешим порядком Конан без большого труда одолел бы утесы. Но вот легко ли будет найти по ту сторону перевала хорошую лошадь?.. Если он хотел поспеть вовремя, коня следовало держать при себе до последней возможности.

Между тем близилась темнота: скоро придется останавливаться и устраиваться на ночлег. В конце концов киммериец решил найти уютное местечко и спрятать коня, а потом отправиться на разведку и рассмотреть крепость поближе. Жизнь давно научила его: человеку, которому угрожает опасность, никогда нелишне изучить своего недруга как можно подробней...

Привязав коня в глубине леса, на приличном расстоянии от ближайших деревень, Конан оставил его пастись и направился к крепости. На дорогу он не выходил - двигался рядом с ней, прячась в молодой поросли кустарника, заполонившего просеку. Случайно набредя на старое кострище, Конан взял остывшие угли и разрисовал свое тело и лицо пятнами и полосами. Он знал, что такая раскраска сбивает с толку глаз возможного наблюдателя, как бы нарушая естественные, привычные контуры. Еще он старался поменьше шуметь. В применении к Конану это значило, что он попросту перемещался абсолютно беззвучно. Как и накануне, он был облачен в одну набедренную повязку и пояс с мечом. И скользил по лесу, точно бесплотное привидение.

Когда он добрался до укрепления, уже совсем стемнело. Глаза Конана привыкли к постепенно сгущавшемуся мраку, да и света месяца для человека с такой обостренной чувствительностью, как у варвара, было более чем достаточно. Неженка из городских беспомощно тыкался бы в лесных потемках, налетая лбом на деревья, но только не Конан! Даже ночью он ориентировался в лесу не хуже любого пикта. Недаром он жил среди этого племени - несмотря даже на вековую неприязнь, которую питал к пиктам его народ.

Как и Крэгсфелл, где правила Эльфрид, крепость Этцеля оказалась сложена из грубо обтесанных камней, отнюдь не скрепленных известкой. Выбоины и выступы валунов были для Конана все равно что удобная лестница. Ему случалось одолевать стены, слишком гладкие и неприступные даже по мнению знаменитых заморийских домушников. Как-никак он провел детство в горной стране, беспрерывно лазая по утесистым кручам. Весьма полезная практика для человека вроде Конана: он ведь в своей жизни большей частью только и делал, что залезал вовнутрь либо удирал из таких мест, которые строились именно в расчете на пресечение нежелательных проникновений!..

Тем временем внутри крепости Этцель посиживал с дружками за пивом при свете небольшого огня в каменном очаге посреди оружейной. Свет играл на наконечниках копий, красиво расставленных по стенам. Копья перемежались короткими луками, и при каждом находился колчан стрел. Выше на стенах висели боевые топоры и дешевые мечи - такие сотнями покупали мелкие правители для простых воинов своего войска. Туранские и

немедийские купцы продавали их связками. Незамысловатые, почти ничем не украшенные, в умелых руках они были столь же эффективным орудием убийства, как и самые изысканные клинки, сработанные великими кузнецами...

Этцель, широкоплечий здоровяк, кутался в плащ из медвежьего меха, несмотря на близость огня. Его борода, некогда золотая, была испещрена сединой, по лицу пролегли глубокие морщины. Лицо, когда-то мужественное и красивое, покрывали нездоровые багровые пятна, под бледно-голубыми глазами висели темные мешки. Белки глаз пожелтели, их расчертили красные прожилки. Это было, в общем, то жалкое, что возраст и всяческого рода излишества оставили от некогда великолепного мужчины и воина. Телесные пороки сгубили его плоть, а ум был безнадежно развращен жадностью, ненавистью, мстительностью и неуемной жаждой так называемого величия.

Нынче, правда, настроение у него было вполне праздничное. Он заглатывал хмельной эль с таким аппетитом, какого не ощущал уже много лет, и вовсю смеялся с друзьями.

- Ну, попляшет у нас теперь эта высокомерная сучка! - повторял самопровозглашенный "король". - Ужо позаботятся о ней заморийские похитители людей, которых я нанял. Скоро, скоро она наконец-то в полной мере заплатит за гибель моего Рорика! Все увидят, какова она есть без единой нитки на теле. Я сам принесу ее в жертву Царственному Быку, и люди это увидят. Кто после этого посмеет отрицать, что Этцель - величайший вождь на всем Севере?

- Никто, государь! - тотчас откликнулся придворный лизоблюд. Он похотливо улыбался, - видно, вовсю представлял себе предводительницу Крэгсфелла, раздетую донага и связанную для жертвоприношения.

- Великолепный замысел, мой король, - сказал другой приближенный. - Если бы мы просто разгромили ее в войне и убили по праву мести за нашего возлюбленного принца, столь безвременно почившего, - в этом случае многие взялись бы за оружие и начали бы вызывать нас на бой. Но когда ее примет как жертву Царственный Бык... Кто осмелится противостоять Его божественной воле?

- Да уж, вряд ли такие найдутся, - хохотнул Этцель. И повернулся к своему главному смотрителю скота, нездорово-тощему человеку, при котором не было видно никакого оружия. - Так ты уверен, что твои боссониты действительно заперли Царственного Быка в той маленькой укромной долине?

- Это, без сомнения, Он, господин мой, - был ответ. - Мы все сделали согласно твоему повелению. Боссониты - отменные скотоводы, но для них Он всего лишь обыкновенное животное. К тому же на нашем языке ни один из них не говорит. Поэтому они ни в коем случае не проболтаются о том, что ты захватил в плен священного зверя...

Изощренное коварство Этцеля состояло в привычке нанимать иноземцев для разных щекотливых и грязных дел, от которых наотрез отказывались самые прожженные из его соплеменников.

- Но бросится ли Он? - усомнился Этцель. - Он, как и положено быку, непременно накинется на другого быка. Или на человека, посмевшего приблизиться к Его стаду. Но, как ты понимаешь, нам необходимо, чтобы Он поднял на рога и в клочья растоптал привязанную женщину. Да еще на глазах у собравшегося народа!

- Обо всем уже позаботились, - заверил его старший скотник. - Каждый день перед Ним привязывают обнаженную пленницу, и мои люди всячески раздражают Быка, а затем скрываются у нее за спиной. Так что Он уже понял, на кого надо бросаться. И непременно устремится на Эльфрид, как только увидит ее.

- Государь мой, но... Хорошо ли все это? - неуверенно проговорил пожилой, седеющий воин. - Ты, без сомнения, прав в своем требовании мести, но мне как-то не по душе такие насилия над священным животным. Народ ведь считает Его живым Богом на земле, воплощением удачи нашего племени, олицетворением плодородия полей и скота...

Этцель только фыркнул в усы:

- Он просто бык и ничем не лучше других. Ты что, забыл, что Царственного Быка со временем убивает какой-нибудь бык помоложе? Или сами паломники на Празднике, когда Его, хм-м, мужественность начинает сдавать? Потом провозглашается новый Царственный Бык. Чем это отличается от того, что хочу сделать я? Подумаешь, послужит немножко моим интересам, не убудет с Него. И потом, я что, не король? Не имею права поступать как мне заблагорассудится? К тому же с этой девкой только священный зверь, пожалуй, и справится...

Тут его глаза вдруг стали дикими, голос - пронзительным, а на бороду потекла слюна.

- Помяните мое слово, в ней черная сила! Она навела порчу на моего Рорика и внушила ему сверхъестественное вожделение! А после убийства заколдовала совет вождей, так что эти глупцы сняли с нее все обвинения! Сами Боги избрали меня орудием мести, призванным уничтожить колдунью!.. Царственный Бык совершит над ней справедливость!.. Отплатит ей за надругательство над Праздником, который она осквернила подлым заговором против моего сына!..

Его голос звучал все более визгливо и наконец сорвался.

- Все будет так, как ты велишь, государь, - сказал пожилой воин. Он весьма сожалел, что вообще затронул скользкую тему.

- Справедливость скоро восстановится, мой король, - утешил Этцеля один из придворных. - Ведьма умрет, и последним, что она в этой жизни почувствует, будут рога Царственного Быка, вспарывающие ей брюхо, и Его копыта, топчущие ее лицо. Заморийские похитители женщин вот-вот сделают так, что она окажется у тебя. Скоро дух твоего сына успокоится, о мой вождь!

- Хочется верить, что так оно и случится, - сказал Этцель. Вспышка безумного гнева прошла, к нему постепенно возвращалось спокойствие. Он откинулся в кресле, прихлебывая вино, привезенное из далекой южной страны. Дух сына порою является мне в сновидениях, - продолжал он. - Я вижу его сплошь покрытого кровью... таким, каков он был после гибели от руки подлой колдуньи... Иногда он приходит ко мне, неся под мышкой отсеченную голову. Он требует мести, и, во имя Имира, он получит ее! Он был моим единственным законным наследником...

Приближенные отводили глаза, старательно не замечая крупных слез, катившихся по обрюзглым щекам в багровых прожилках. Этцель, человек развращенный до мозга костей, все-таки был наделен одной из добродетелей, оправдывающих существование человека, - а именно, всепоглощающей любовью к своему недостойному отпрыску.

Приближенные считали это единственное достоинство его единственной слабостью.

- Я совершу месть!.. - продолжал он, и в голосе звучало торжество, несмотря на то что по щекам по-прежнему катились слезы. - С приближением первого полнолуния осени любой вождь вправе принести жертву Царственному Быку! Мои посланцы уже созывают собратьев-вождей со всего запада Пограничного Королевства. Все они станут свидетелями унижения и смерти Эльфрид! Посмотрим, осмелится ли хоть кто-нибудь высказаться против!..

- Ее люди могут пуститься в погоню, - подал голос один из старших воинов. - Как бы они не попытались отбить ее!

Этцель хмыкнул, услышав эти слова.

- Древний обычай воспрещает обращать оружие против Царственного Быка. Это верно, постаревшему Быку временами перерезают горло старинным кремневым ножом, но какими церемониями это сопровождается! Кто слышал, чтобы поднимали меч или копье на ныне присного и полного сил Царственного Быка?.. А наш нынешний Бык пребывает поистине в расцвете сил и к тому же свиреп сверх всякой меры. Если даже кто-то из людей Эльфрид проявит дурацкую верность, что с того? Бык разделается с ними в два счета! Только злее будет, расправляясь с Эльфрид!..

И он громогласно расхохотался, предвкушая забаву. Приближенные дружным хором поддержали его.

... Никто из них не замечал Конана, безмолвно замершего над ними на стропилах. Решив, что увидел и услышал достаточно, молодой варвар начал потихоньку выбираться из крепости. К тому времени, когда он оказался за пределами укреплений, его мысли неслись сумасшедшим галопом. Его одолевало безумное искушение попросту метнуть кинжал Этцелю в сердце и тем самым сразу разрешить все проблемы. Однако невыгодный угол и порядочное расстояние заставляли усомниться в успехе броска. К тому же Конан достаточно терся среди людей, чтобы понять простую вещь: войны, вражда племен и иные заметные события очень редко пресекались гибелью одного человека, хотя бы даже и короля. Этцеля со всех сторон окружали люди, чье благополучие зависело от него напрямую. Уж верно, они приложили бы все усилия, стремясь завершить прижизненные планы убитого. Ибо это вроде как сделало бы их законными наследниками его власти...

Ко всему прочему, оставалась еще необходимость по возможности скорее добраться в Киммерию. Как-никак это вопрос чести!

Конан тихо пробирался по лесу, зорко высматривая врагов. В его душе, однако, происходила невидимая миру борьба...

Его конь мирно щипал травку на том же месте, где Конан оставил его. Но стоило киммерийцу протянуть руку к привязи, как за спиной прозвучал голос:

- Эй, Ульф! Что там за раскрашенный дикарь угодил в нашу ловушку?

Конан стремительно обернулся и увидел, что к нему подходят двое вооруженных мужчин.

- Когда один из рабов донес нам, что обнаружил бесхозную лошадь, пасущуюся в лесу, мы решили, что подстережем воришку, - сказал тот, кого называли Ульфом. - А тут, похоже, целый соглядатай из Крэгсфелла!

- Давай-ка выкладывай, парень, кто тебя послал, - сказал первый. Он держал в руке обнаженный меч, и острие клинка смотрело Конану в живот. - Если сам скажешь все, что тебе известно, мы, возможно, смилостивимся и прикончим тебя быстро!

- Это точно, - поддакнул Ульф. - Если ты вынудишь нас препроводить тебя к нашему господину, тебе же хуже будет, поверь. Сколько пленников ни попадало ему в руки, язык рано или поздно развязывался у всех. А уж какие крепкие ребята бывали!

Конан широко улыбнулся. Эта встреча сулила подарить ему искреннее наслаждение. Наконец-то он столкнулся с чем-то таким, что требовало не мучительных размышлений, а действия - решительного и привычного!

- Вы, стало быть, люди Этцеля? - осведомился он.

- Говори: КОРОЛЬ Этцель, деревенщина! - рявкнул Ульф. Потом присмотрелся к Конану внимательнее и спросил: - Откуда ты такой взялся на нашу голову? Для пикта ты что-то

слишком здоровый... Эта раскраска, да и говоришь ты с акцентом...

- Он киммериец! - проворчал его напарник. - Я видел таких, как он, во время набегов за скотом. Держись с ним осторожнее! Он разговаривает почти как человек, но пускай это тебя не обманывает! Киммерийцы - они наполовину волки, наполовину демоны...

Он держал меч на отлете, словно бы для того, чтобы обеспечить как можно большее расстояние между Конаном и собой.

- Рад слышать, что мой народ по-прежнему знаменит и славен, - сказал Конан. - Если я не ослышался, вы двое вроде собрались как-то заступить мне дорогу?..

- Мы собрались отвести тебя к нашему повелителю! - самонадеянно заявил Ульф.

- Что ж! - сказал Конан и вытащил меч из ножен. - Посмотрим, кто из нас уйдет отсюда на своих ногах, а кто останется кормить ворон! Смелее, псы, попробуйте киммерийского клинка!..

Двое яростно взвыли и одновременно полоснули мечами. Один замахнулся сверху вниз слева, другой - в противоположном направлении. Это была хорошо отработанная двойная атака, которой мало кто из обычных людей сумел бы противостоять. Но только не Конан!.. Конан как бы даже не заметил двух мелькнувших мечей. Он шагнул вперед, чего те двое ну никак от него не ожидали. Его меч взвился вверх, потом описал стремительный полукруг. Он вошел Ульфу около горла и рассек ключицу и ребра, а потом и грудину. Выскочив наружу, клинок ударил второго в живот и выпустил ему кишки, пройдя мимо бедра. Дуга завершилась у самой земли: меч слегка задел острием невысокую траву.

Оба воина повалились, хрипя, словно кто их душил. Мечи вырвались из рук и улетели на другой конец маленькой поляны. Какое-то время две пары пяток судорожно молотили траву, потом оба тела затихли и остались лежать неподвижно.

Конан удовлетворенно хмыкнул, отчищая меч от крови и убирая его в ножны. Ему и раньше доводилось убивать одним ударом сразу двоих. Занятие опасное, но при хорошем глазомере выполнимое. И приносящее немалое удовлетворение.

Но не только мастерски исполненный удар заставлял его испытывать удовольствие. В какое-то мгновение короткого жестокого боя он еще и разрешил одолевавшие его сомнения. Он отвязал коня и сел в седло, но прежде, чем уехать прочь, обратился к двум распластанным на поляне телам, сказав так:

- Вы, вместе взятые, в подметки не годились великому сыну Гандерланда, которого я сразил в битве несколько недель тому назад. Однако вы помогли мне принять решение, и я за это вам благодарен. Пускай дьяволы Преисподней проявят к вам за это хоть какое-то снисхождение, когда станут пытать!

Повернув мерина, он выбрался на залитую лунным светом дорогу. И, достигнув ее, повернул на юг - прочь от Киммерии, в страну Эльфрид...

- Всадник с севера!.. - прокричал часовой, стоявший на вершине одной из башен северной стены Крэгсфелла.

Эльфрид вышла из длинного дома, кутаясь в просторный плащ: утро было холодное. Лицо молодой женщины было мрачно.

- Небось гонец от Этцеля? - спросила она.

- Нет, госпожа! - откликнулся часовой. - По-моему, это возвращается чужеземец!

Обстоятельства не располагали к веселью, но Эльфрид почти улыбнулась:

- Открывайте ворота!

Конан въехал внутрь крепости и испытал величайшее облегчение, убедившись, что

Эльфрид была по-прежнему жива и здорова.

- Ты не представляешь, как я рад видеть тебя, Эльфрид! - сказал киммериец. - Я на это почти уже и не рассчитывал. Похоже, я подоспел вовремя! Тебе надо глядеть в оба. Вчера я забрался к Этцелю в крепость и кое-что выяснил. Он нанял шайку заморийских похитителей женщин и отправил их за тобой! У старого пердуна кишка тонка сойтись с тобой в честном бою, так он пустил вперед себя охотников за рабами!.. Я разминулся с ними в дороге, и вид у них был деловой... - Конан спрыгнул наземь и бросил поводья ближайшему мальчишке. Удвой стражу, Эльфрид. Я тут подумал кое о чем... Мои обязательства чести никуда не девались, но как же можно допустить, чтобы совершили непотребство над той, что так ласково меня принимала! Вот я и решил, что несколько дней погоды не сделают. А предпринять за это время кое-что можно!..

Он говорил, и постепенно до него дошло, что Эльфрид была бледна как смерть, а прекрасное лицо страшно осунулось. Минувшая ночь состарила ее сразу на несколько лет.

- Это хорошо, что ты переменил свое решение, Конан, - сказала она наконец. - Но ты все-таки опоздал. Заморийцы уже сделали то, что должны были сделать. Этцель ведь послал их не за мной. Они похитили мою маленькую Эльфгиву!..

Глава пятая
ЦАРСТВЕННЫЙ БЫК

Конан сидел в большом зале Крэгсфелла, рассеянно лаская лезвие меча тонким бархатистым точильным бруском из тех, какими правят бритвы. Вокруг него сидели старшие воины Эльфрид и почтительно помалкивали, ожидая распоряжений. Эльфрид уже сказала им, чтобы слушались Конана во всем, и никто не собирался возражать предводительнице. Северяне не любили слепо повиноваться. Но киммериец отнюдь не был обыкновенным воином, и они это чувствовали.

Конан еще отдаст все необходимые распоряжения, но пока он был занят собственными мыслями. И для начала всячески ругал себя за то, что не поддался первому и самому верному побуждению и не встал под знамя Эльфрид сразу же, как только она его позвала. Обвинять в этом можно было кого угодно. То ли Хатор-Ка с ее тлетворным колдовством, то ли старого кхитаезу с его играющими в игры Богами. Конан предпочитал вину за собственные поступки возлагать только на себя самого. Виноват - отвечай. Если бы он не был так фантастически глуп и вовремя послушался голоса сердца, сейчас во дворе крепости валялось бы пять смуглых трупов. При мысли о том, что в это самое время где-то плакал насмерть перепуганный ребенок, у киммерийца сердце в груди переворачивалось.

А еще он испытывал жесточайшую ярость. Кодекс чести, которым руководствовался его народ, был, по мнению цивилизованных соседей, не больно-то утонченным. Зато этот кодекс не ведал никаких компромиссов, был прям и справедлив. В каких бы злодействах ни закоснел человек, если у него хватало мужества выйти на открытую битву со своими врагами - он заслуживал гибели в честном поединке. Тот, кто обижал женщин, кто притеснял старых и слабых, удостаивался презрения.

А тот, у кого поднималась рука на ребенка, тем самым становился для Конана злейшим врагом...

Его соплеменники невероятно свирепо резались со своими недругами, но никогда, ни в коем случае не убивали детей, женщин и стариков, не способных защищаться с оружием. Не брали они и рабов, полагая, что перекладывать так называемую грязную работу на других было недостойно настоящих мужчин. Конан знал, что убьет Этцеля и вызволит девочку, если только малышка еще жива. Если это займет слишком много времени и навлечет на него гнев Крома... что ж, пускай будет так.

Его вера в грозного древнего Бога предков не имела ничего общего с изощренной теологией Юга. Он не верил, чтобы Кром стал наказывать за то, что кто-то предпочел выполнить свой долг воина и мужчины. Люди, выстроившие крепость на Имировом Перевале, умрут. Все. Пока ему приходилось дышать с ними одним воздухом, Конан не будет знать отдыха и покоя. Он поднес меч к глазам, посмотрел вдоль краев лезвия и нашел заточку безупречной.

- Вот что мы сделаем! - заговорил он наконец. Остальные нетерпеливо подались вперед, ожидая приказов, побуждающих к решительным действиям. Все они сгорали желанием отстоять жизнь и достоинство своей госпожи. И Конан их не разочаровал.

- Если прятаться за каменными стенами, добра не высидишь, - сказал он. Нападение,

может, и удастся отбить, но войну так не выиграть. Мне приходилось служить под началом кое-кого из великих полководцев Немедии... В поединке они, наверное, уступили бы иным нашим северным бойцам, зато только и делают, что размышляют о тайнах искусства выигрывать войны. Каждый из них воюет по-своему, но все сходятся в одном: чтобы выиграть войну, загони врага на его собственную территорию. Это-то мы с вами и сделаем.

Воины одобрительно заворчали. Конан говорил именно то, что они жаждали услышать. Их государыня была отменной воительницей и оборону держала храбро и с немалым искусством. Но вот нападение... нападение было не по ее части. Зато Этцель, хоть и уклонялся от открытых сражений, в нападении как раз преуспел. Воинское совершенство Эльфрид состояло еще и в том, что она отлично сознавала свой недостаток. Она и глаз-то положила на Конана именно потому, что поняла с первого взгляда: это как раз тот человек, который способен повести ее воинство в решительную атаку. И вот наконец полководец был готов приступить к делу.

- Этцель все время рассылает мелкие отряды - грабить окрестные деревни, сказал Конан. - Сегодня мы устроим вылазку и покажем налетчикам, где раки зимуют. Они не привыкли напарываться на вооруженных воинов. Наступим Этцелю на мозоль! Пусть вылезает из каменной норы и дает бой!

- Это сильный вождь, - заметил воин с багровым шрамом на подбородке. - У него больше людей, чем у нас.

- Я видел его, - ответил Конан. - Дряблый мешок жира. Он здоров воевать против мирных крестьян, слабых женщин и беззащитных детей. Настоящим воинам незачем страшиться его.

С этим все согласились. Какому-нибудь стратегу из южной державы умозаключения Конана показались бы полной бессмыслицей. С точки зрения северных воителей, его устами говорила сама мудрость. Они собрали оружие и доспехи и приготовились выехать за ворота. Конан отправился к Эльфрид.

Он нашел предводительницу в главном зале: предвидя осаду, она самолично распоряжалась пополнением запасов съестного. Конан помедлил какое-то мгновение, любуясь ее собранностью и спокойствием. Потом сказал:

- Пойду убивать твоих врагов, госпожа.

Она обернулась к нему. Под глазами у нее залегли темные круги.

- Убьешь ты кого-нибудь или нет, рыцарь, мне все равно, - ответила она. Верни мне мою дочь живой и невредимой, и я вознагражу тебя землями и титулами по твоему выбору. И даже местом на моем ложе, если тебя это влечет.

Конан обиженно ощетинился:

- Я не ищу наград! Я дал слово и исполню то, что пообещал. Я пошел к тебе на службу только потому, что сердце велит мне защитить несправедливо поруганных. А награды...

Эти слова как будто растопили в душе Эльфрид холодный стальной стержень. Она положила руку на его плечо, твердое, словно высеченное из камня.

- Прости меня, друг мой, - сказала она. - Я слишком беспокоюсь за девочку... Настолько, что начинаю обижать настоящих друзей. Не сердись на меня... - Она посмотрела на него снизу вверх, потом взяла в ладони его лицо и заставила немного повернуть голову, словно высматривая некий изъян. - Нет, проговорила она затем. - В тебе действительно нет алчности до славы и земель. Ты в самом деле следуешь зову сердца. Что же касается места на моем ложе... Тут она посмотрела на киммерийца с тем же выражением, какое было у нее на лице,

когда она оценивала его как воина, и сказала: - Ты знаешь, с тех пор как погиб мой Ральф, я ни разу еще не желала мужчины. Я ни в ком не видела равного моему павшему мужу. Но, может статься, ты именно тот человек, которого я ждала все эти годы... - Она уронила руки и отвернулась прочь, добавив: - Как бы то ни было, это все дело будущего... Пока все мои мысли - только о моей девочке и о том, что с ней может случиться...

- Только не теряй надежды, моя госпожа, - сказал Конан. - Старая скотина ни в коем случае ее не убьет, ведь тогда ему нечем будет стращать тебя. Какое-то время он не даст и пальцем ее тронуть, и за этот срок я в лепешку расшибусь, а вытащу оттуда малышку. Сегодня я поеду задавать трепку твоим врагам. Оставайся здесь, госпожа, блюди крепость. А пуще всего... - он даже наклонился поближе, подчеркивая важность сказанного, - пуще всего, смотри, никуда не высовывайся со двора! Очень может быть, что Этцель кого-нибудь пришлет торговаться с тобой. Ни в коем случае не слушай никаких предложений! Если хочешь, отруби гонцам головы и насади их на шесты над воротами, но только не верь ни единому их слову. Ни шагу за ворота, пока я не вернусь! Поняла?

Она кивнула, но все же заметила:

- Умом я понимаю: ты прав. Но не берусь поручиться, кто пересилит во мне: воительница или мать...

Конан тоже кивнул:

- Просто сиди дома. Вот все, что от тебя требуется. Если нынешнее дело вообще можно завершить во благо твоей семьи, клянусь, я это сделаю. А ты, если хочешь помочь мне, не вмешивайся ни во что.

- Спасибо тебе, воин, - тихо сказала она. - Я верю тебе. Да пребудет Имир с тобою...

- Моего Бога зовут Кром, - проворчал Конан. - Последнее время я с Ним не больно-то ладил, но, думаю, Он не совсем еще от меня отступился. Станет ли Он помогать, правда, неведомо, но Он как-никак воинский Бог, а значит, наказывает тех, кто ведет себя недостойно!

- Я присмотрю за крепостью, - сказала Эльфрид. - Возвращайся с победой.

Это был именно тот приказ, который Конан намеревался исполнить. Выйдя во двор, он обнаружил воинов Крэгсфелла в полной боевой готовности и без промедления велел садиться в седла. Их набралось менее ста человек, но, по его мнению, этого количества должно было хватить. Он ведь и не собирался разделаться с Этцелем одним ударом, - просто побеспокоить его, заставить чесаться.

Отряд выехал за ворота и направился искать жертву. Насчет того, где ее следовало искать, у Конана были вполне обоснованные предположения Он подробно расспросил Эльфрид и ее людей о том, какие части края подвергались налетам, какие - еще нет. Потом сравнил одно с другим и понял, что можно с хорошей вероятностью предположить, куда придется следующий удар. Скоро оказалось, что киммериец был совершенно прав. Вернулись разведчики и доложили, что видели, как шайка людей Этцеля спускалась с холма, направляясь к беззащитному поселению.

- Давайте-ка немножко удивим этих собак... - сказал Конан, надевая позаимствованный у кого-то шлем с бычьими рогами. За его спиной раздалось дружное рычание: воинам не терпелось задать ненавистным врагам хорошую трепку.

Они вскочили в седла и поехали разыскивать виденных разведчиками. Люди Этцеля едва успели поджечь несколько крайних домов, когда отряд Конана обрушился на них со стороны леса. Кто-то из негодяев с криком обернулся навстречу киммерийцу, пытаясь

обороняться зажженным факелом... Мелькнул в замахе громадный меч, и лицо грабителя скрылось в вихре кровавых брызг. Его соратники валились один за другим, сметенные яростным натиском воинов Крэгсфелла Наконец-то разбойники полной мерой расплачивались за долгие годы почти безнаказанных грабежей. И месть была жестока.

- Поехали! - приказал Конан, вытирая клинок. Все нападавшие были мертвы Селяне бежали обратно из леса, плача и громко благодаря воинов, спасших их от расправы. Конан, однако, был вовсе не в настроении подставлять руки для поцелуев. Он только сказал: - Таких шаек, как эта, еще полно на вашей земле. Мы только начали их истреблять.

- Веди же нас! - воскликнул нетерпеливый молодой воин. - Приказывай, вождь! Укажи нам, где они прячутся, а об остальном уж мы позаботимся!

Воинственный пыл юноши заставил Конана мрачно усмехнуться. Он сказал:

- Там, куда я вас поведу, вашим мечам не придется ржаветь в ножнах.

Еще два дня они подкарауливали и безжалостно вырезали бродячие отряды разбойников, посланных Этцелем. Конан про себя уже прикидывал, как по возвращении в Крэгсфелл станет докладывать Эльфрид о своих достижениях. Это доставляло ему удовольствие. Тщательный расчет, помноженный на внезапность, принес замечательные плоды. Им удалось уничтожить в несколько раз больше вражеских воинов, чем было в отряде. Когда Этцель подсчитает потери, ему еще меньше прежнего захочется вступать в открытую схватку. Скорее всего, он всерьез задумается о переговорах.

Утром третьего дня воины Конана вернулись в Крэгсфелл. Все равно ловить по лесам стало некого: Этцель явно отозвал своих головорезов, чтобы не остаться вовсе без войска. Воины, ходившие в поход, позаботились отрезать левое ухо у каждого из убитых и теперь нанизывали их на куканы: будет чем полюбоваться друзьям и родным!

... Они были на расстоянии полета стрелы от крепости, когда Конан нутром понял: что-то не так! Еще несколько шагов, и до него дошло: Эльфрид не вышла навстречу. Почему? До сих пор она первая спешила к воротам и приветствовала новоприбывших. Конан пустил коня галопом и во весь опор полетел вперед.

Он сразу заметил на лицах обитателей Крэгсфелла крайнее беспокойство.

- Где Эльфрид?! - рявкнул киммериец, обращаясь к женщине из числа приближенных.

- Уехала вчера вечером, господин!.. - горестно заламывая руки, ответила та. - С тех самых пор, как ты отправился в поход, она все сидела и размышляла. Она сама не своя была от страха за доченьку. Мы пытались утешить ее, господин, но не сумели. В самый темный час ночи она надела свои воинские доспехи и уехала из крепости, пробравшись подземным ходом...

Конан выругался так, что его мерин начал прядать ушами.

- И что, никто не выскочил перехватить ее?.. - зло спросил киммериец.

- Те, кого ты не взял с собой, сразу сели в седла и погнались за госпожой. Они до сих пор еще не вернулись...

- Надо найти ее, Конан, пока Этцель до нее не добрался, - сказал юный всадник, сидевший рядом с вождем.

- Так-то оно так, - проворчал Конан, - только, боюсь, вовремя нам уже не поспеть. И все же попытаемся! Я знаю наверняка, что Этцель не собирается убивать ее сразу. Может быть, мы еще вызволим ее. в каком бы виде она теперь ни была. Ох, дура, сумасшедшая дура! Неужели не могла выждать еще немножко!..

И он с такой силой стиснул луку седла, что едва не оторвал.

- Трудно ждать хладнокровия от матери, когда ребенку угрожает опасность! урезонила его женщина. - Наверное, госпожа убедила себя, что сможет выторговать у Этцеля жизнь девочки за свою!

- Ладно, болтовней мы все равно ничего не добьемся, - сказал Конан. - На конюшню! Седлайте свежих лошадей! Немедленно выезжаем...

Этцель восседал в тронной палате, посадив маленькую пленницу себе на колени Время от времени он рассеянно поглаживал ее по головке, и каждый раз девочка пугливо съеживалась. Подперев узловатым кулаком подбородок, Этцель предавался размышлениям о своих былых горестях. Приближенные хранили молчание, ожидая, когда он первым что-нибудь скажет.

- Ну и где Эльфрид? - наконец проворчал вождь - Ей следовало бы появиться здесь в первый же день! Какая из нее после этого мать? Никакой заботы о ребенке И как так вышло, что она вдруг взялась давать мне решительный отпор? А откуда, хотел бы я знать, взялся тот черноволосый чужеземец, который встал во главе ее воинов? Кто он такой?

Ему оставалось только рвать собственную бороду. Десятки его людей полегли безвозвратно, угодив в хитроумно расставленные засады. Вместе с ними пропали и лошади, и захваченная добыча. Но что было гораздо хуже - его, Этцеля, выставили дураком. Как бы народ не перестал бояться его. Чего-чего, а этого он ни в коем случае не мог допустить.

- Эльфрид - ведьма, государь, - сказал управитель. - Может быть, она использует заклятие, дарующее ее людям победу?

- Вот именно, - поддержал один из вельмож. - А чужестранец - колдун из Гипербореи, взявшийся ей помогать.

- Дурак! - фыркнул другой вельможа, постоянно соперничавший с ним из-за милостей "короля". - Кто хоть раз видел черноволосого гиперборейца?

- Ну, значит, стигиец! - сказал первый, обменявшись с соперником кинжальным взглядом. - В любом случае ясно, что без нечистой силы не обошлось!

Желавшие добиться благосклонности Этцеля не упускали случая напомнить ему о мнимых колдовских способностях Эльфрид.

Тут у входа в палату произошло какое-то движение, и внутрь, улыбаясь до ушей, широким шагом вошел воин.

- Смотри, мой король, какой подарок мы тебе притащили! - провозгласил он со значительным видом. Следом за ним в палату протолкалось еще двое, и между ними в цепях шла Эльфрид.

Этцель почувствовал, как напряглась от ужаса маленькая девочка, сидевшая у него на коленях. Эльфрид была по-прежнему облачена в воинские доспехи, но поперек спины у нее лежало древко копья, пропущенное под локти. Руки воительницы были связаны спереди, и это заставляло ее выгибать позвоночник, выпячивая грудь. На шее у нее был одет бронзовый ошейник, а с него спускались две цепи, пристегнутые к ножным кандалам. Двигалась она с большим трудом, но голову несла высоко.

Этцель даже приоткрыл рот, не в силах сразу переварить долгожданное наслаждение.

- Приветствую тебя, о Эльфрид! - сказал он наконец. - Давненько нам с тобой не приходилось встречаться Итак, наконец-то ты заглянула ко мне в гости Ты, наверное, и не догадываешься, что за роскошный прием я тебе приготовил!

- Можешь делать со мной что угодно, Этцель, - отвечала она. - Прошу тебя лишь об одном: не заставляй мою дочь на это смотреть.

Ее голос был тверд. Она не признавала себя побежденной.

- Справедливая просьба, государь, - шепнул советник, стоявший у Этцеля за плечом. - Не следует давать людям повода для обвинений в излишней жестокости...

- Что ж, - сказал Этцель, - мне всяко нужна была мать, а не дочь. Уберите отсюда ребенка и хорошенько сторожите!

Маленькая Эльфгива вывернулась у него из-под руки и бросилась было к матери. Какой-то стражник подхватил ее и понес прочь. Девочка отбивалась и отчаянно плакала.

- Успокойся, Эльфгива, - ласково сказала Эльфрид. - Ты должна помнить, что твоя мать умерла как настоящая королева. Отомсти за меня, когда подрастешь.

Этцель заметил направленные на него неодобрительные взгляды и окончательно разгневался: кто это тут собирался испортить ему момент наивысшего торжества?.. Еще не хватало, чтобы женщине начали сочувствовать! Она держалась слишком царственно. Следовало положить этому конец.

- Не задирай нос, распутная сучка, погубительница моего сына! - рявкнул "король". - Пора нам посмотреть, из чего ты сделана!

Он сделал знак стражникам, и они налегли на древко копья, заставляя Эльфрид упасть на колени. Этцель поднялся с трона и подошел к ней. Вытащив кинжал, он принялся по одному перерезать ремни, скреплявшие ее латы. Потом рывком сдернул нагрудные пластины и швырнул их прочь через всю комнату. За пластинами последовали поножи, кольчужный пояс и стеганая подкладка доспехов. Остался только узенький нательный поясок да набедренная повязка. Этцель подцепил поясок ладонью и натягивал его, пока он не лопнул. На белой коже остался багровый рубец. Этцель пнул женщину в спину, и она повалилась на пол. Теперь на ней не было ничего, кроме цепей и веревок.

- Вот так-то лучше! - удовлетворенно проворчал владыка Имирова Перевала. Теперь ясно, каким образом ты свела с ума моего бедного Рорика. Смотри, народ мой!.. Женщина - вождь Крэгсфелла - всего лишь смазливая потаскуха, научившаяся колдовать!

Она лежала в неловкой позе, с прижатым к полу лицом. Но когда она заговорила, ее слова услышали все.

- И ты думаешь, что унизил меня? - сказала Эльфрид. - Ты сорвал с меня одежду, но я по-прежнему - вождь. А ты - опустившийся боров. Долго ли ты просидишь на своем троне, когда люди поймут, как ты поступаешь с высокородными?

- С высокородными!.. - взревел Этцель. - Ты считаешь, что у тебя в жилах благородная кровь? Сейчас посмотрим, что у тебя там на самом деле!..

Он поспешил к трону и вернулся с длинным бичом, хитроумно свитым из черных ремней. Быстрый взмах руки - и бич свистнул в воздухе, обрушиваясь на спину Эльфрид. Воительница судорожно дернулась, но не издала ни звука. Безумно взвыв, Этцель полоснул ее еще дважды. Потом советники схватили своего повелителя за руки.

- Удержи свой державный гнев, о мой король! - прокричал один из них, прокричал намеренно громко, так, чтобы слышали все. - Пусть она умрет согласно обычаю и закону, и притом на глазах у собрания вождей!.. - Советник наклонился поближе и продолжал шепотом, предназначенным одному Этцелю: - Если ее убьет Царственный Бык, тебе ничто не грозит. А если ты запорешь ее насмерть, все соседи объединятся и уничтожат тебя...

Этцелю понадобилось несколько минут, чтобы окончательно успокоиться. Придворные с облегчением следили, как его лицо из синюшно-багрового вновь становилось, по обыкновению, болезненно-бледным.

- Хорошо! - проговорил он затем. - Пускай все будет так, как должно быть!.. - Этцель вновь окинул взглядом нагую окровавленную воительницу и ткнул беззащитное тело носком сапога: - Приковать ее у подножия трона! Буду греть ноги!.. А вы тем временем приготовьте загон для священного ритуала!

Отчаянная скачка продолжалась добрых полдня Потом Конан и его люди наткнулись на небольшую кучку воинов, уныло и отрешенно сидевших возле дороги. Киммериец сразу узнал их: это были те, кого он оставил караулить Крэгсфелл в свое отсутствие. Он натянул поводья и остановил коня. Он знал, что сейчас услышит скверные новости.

Так оно и случилось.

- Мы почти нагнали ее, - удрученно сказал один из бойцов. - Мы так гнали коней, что запалили половину... Мы уже видели госпожу, до нее оставалось не более стрелища, когда она налетела на отряд стражников Этцеля... Мы бросились на них, но у них были свежие кони, и они легко оставили нас позади... Что будет теперь с нашей предводительницей?

- Я лично ни за что не пойду служить старому козлу! - добавив крепкое ругательство, заявил юный воин, мальчик не более семнадцати лет от роду. Лучше пускай меня объявят вне закона, и, клянусь, я не буду знать ни сна, ни покоя, пока не надену голову Этцеля на свой штандарт!

Остальные яростно поддержали его. Несмотря на весь ужас ситуации, Конан не выдержал и улыбнулся. Ему нравилось мужество отчаянных молодцов.

- Оставим это на потом, - сказал он. - Еще не все потеряно. Сначала попробуем выцарапать Эльфрид из застенка. Я уже лазил к Этцелю в крепость, и, скажу вам, ничего неприступного для приличного скалолаза там нет. Ну-ка, есть среди вас лесные следопыты, ползуны по скалам и охотники до вылазок с небольшой поножовщиной?

Вперед, широко улыбаясь, выступило несколько гибких парней. Перспектива решительных действий и, главное, возмездия живо извлекла их из пучины отчаяния.

- Двинемся вечером, - сказал им Конан. - Люди Этцеля будут сторожить дороги, но прочесывать лес у них мозгов не хватит. Отдохните пока. Давайте раскинем лагерь подальше от дороги и выставим стражу. Сегодня ночью мы идем пускать Этцелю кровь!

Подходящее место нашлось почти сразу, и Конан, покинув седло, растянулся на лесной травке. Он заснул почти мгновенно, чтобы проснуться, когда уже светила луна. Поднявшись, он прошел туда, где горел маленький бездымный костер. Добровольцы уже собрались вокруг костерка и деловито мазали друг друга сажей. Конан последовал их примеру.

- Мечей не брать, - наставлял он своих молодцов. - Только кинжалы, ну, может, секиры с короткими рукоятками. Там, внутри, тесновато. Если нам понадобятся мечи, чтобы вырваться вон, что ж, снимем с мертвецов! - Он увидел, как расплылись в довольных улыбках лица: мысль о том, чтобы убивать шакалов Этцеля, поистине грела души бойцов. - Все готовы? - спросил он затем. Ребята ответили короткими кивками, и Конан сказал: - Тогда вперед!

Через лес они двигались быстро, но тихо. Хотя, по меркам Конана, наделенного острейшим слухом, юные воины все-таки безбожно шуршали травой. Киммериец, впрочем, сознавал, что большинство обычных людей не услышало бы ничего, даже стоя в трех шагах. Когда они добрались до крепости, луна стояла высоко. Наверху, на бастионе, Конан заметил двоих стражников и тронул за плечо одного из охотников, того, что клялся нипочем не идти в услужение к Этцелю. Вдвоем они вытащили ножи и аккуратно взяли их в зубы. Потом осторожно поползли вверх.

Прошлый раз, залезая сюда, Конан старательно обходил стражников. Нынче придется их уничтожить, другого выхода не было. Он заметил, что они больше обшаривали глазами дальние подступы, но вниз, на подножие стен, почти не смотрели. Что ж, тем лучше. Конан с юношей прилипли к камням в каких-то пяти футах прямо под ними. Стражники тихо переговаривались. Потом прошаркали удаляющиеся шаги, и голоса стали стихать. Значит, стражники отправились на противоположный край крыши.

Двое лазутчиков тихо перебрались через парапет. Босые ноги не производили ни малейшего шума, ступая по деревянным кровельным доскам. Набедренные повязки, пояса и ножны кинжалов были устроены так, чтобы ни в коем случае не звякнуть, не стукнуть. Два призрака скользнули вперед - и стражники умерли. Две пары безжалостных Рук запрокинули им головы и полоснули по горлу ножами. Находясь как-никак внутри крепости, стражники считали себя в относительной безопасности: ни тот ни другой не стал обременять себя шлемом и латным воротником. За что и поплатились собственной жизнью.

Наскоро вытерев окровавленный нож, Конан вернулся к краю крыши и подал знак остальным. Те незамедлительно присоединились к передовым. Двоим из них Конан велел переодеться в одежду и доспехи убитых и разбираться со стражницкой сменой, если таковая появится. Возможно, им еще придется удирать проторенным путем. Дорогу к отступлению следовало держать открытой.

Остальные направились в глубь крепости.

Конан двигался первым, осторожно, ощупью, прокладывая путь в темноте. В этот ночной час зажженные факелы оставались только в самых больших комнатах. Верхний этаж, по которому пробирались охотники, был разделен бревенчатыми стенами на несколько помещений; деревянные фермы поддерживали над ними общую кровлю. Ловкий человек, способный переползать по стропилам, мог попасть из комнаты в комнату, не спускаясь на пол.

Мужчины с вымазанными сажей лицами, точно стая крыс, двинулись в путь под потолком. Сперва они мало что видели под собой, только слышали храп. Потом Конан заметил впереди отсветы и догадался, что скоро откроется главный зал крепости. Он понял, что не ошибся, когда посмотрел вниз и увидел трон Этцеля. Рядом раздался придушенный вздох, и киммериец поспешно зажал рукой рот юному сообщнику...

Этцель сидел прямо под ними, водрузив ноги на окровавленную спину обнаженной Эльфрид. Ее руки и лодыжки были привязаны к бронзовым кольцам, вделанным в камень тронного возвышения, роскошные волосы, превратившиеся в безобразный колтун, почти скрывали лицо. Трудно было даже сказать, в сознании она или в беспамятстве. По крайней мере, она еще дышала. А вот девочки нигде не было видно.

Конан тщательно осмотрел комнату... У двери торчали два стражника. Из-за двери, которую они караулили, доносились голоса. Конан прислушался: снаружи околачивалось, самое меньшее, еще пятеро. И вообще, там, похоже, располагалась стражницкая: только крикни - прибегут десятка два головорезов. Внезапность, наверное, помогла бы справиться с превосходящим по численности врагом, но одна задача оставалась, похоже, невыполнимой.

Как успеть вытащить Эльфрид?..

Она, по всей видимости, здорово ослабела. Даже если они сумеют выдернуть ее из-под мечей, на крышу ее придется вытаскивать на руках. Уходить в этом случае пришлось бы с яростным боем. А значит, Эльфрид погибнет почти наверняка.

Как ни тяжело было Конану в этом признаться, он не видел возможности выручить

Эльфрид, не подвергая ее при этом еще большей опасности...

Он тронул за плечо парня, лежавшего рядом с ним, и принялся потихоньку отползать обратно.

Они уже направлялись наружу, когда юноша, влезавший вместе с Конаном на стену, подобрался к ним по стропилу. Он отчаянно жестикулировал, призывая остальных последовать за собой. Все так же молча они двинулись следом и наконец увидели под собой маленький чулан.

Там сидели за столом двое мужчин, коротавших время при свече за осточертевшей игрой в кости. А в уголке, на охапке соломы, спала маленькая Эльфгива.

На черном от сажи лице Конана возникла ухмылка, больше похожая на хищный оскал. Он оглянулся и увидел на рожах остальных сходное выражение. Наконец-то бойцы могли хоть что-нибудь сделать!.. Они проползли еще немного вперед, оказавшись точно над головами игроков в кости...

Стражники так и не подняли голов. Они даже не успели увидеть смерть, неожиданно свалившуюся сверху. Конан упал на свою жертву, как бесшумная молния. Одной рукой сгреб воина за плечо, другой обхватил челюсть. И одним яростным рывком свернул стражнику голову. Двое воинов Эльфрид соскочили на пол рядом со вторым и до рукоятей всадили в него кинжалы.

Все было кончено в одно мгновение. Эльфгива даже не проснулась. Конан с бесконечной нежностью поднял ее, забрался на стол и передал в заботливые руки, уже тянувшиеся навстречу.

Охотники пробрались по стропилам и вылезли на крышу, которую продолжали "охранять" два их товарища. Спуск со стены оказался занятием посложнее подъема. Особенно если несешь ребенка, который, того гляди, проснется и устроит переполох. Однако все прошло гладко. Луна еще висела над горизонтом, освещая им путь. Маленький отряд благополучно достиг подножия стены и бегом поспешил через лес назад в свой лагерь.

Воины, беспокоившиеся за ушедших, невероятно обрадовались, узнав, что удалось выручить всеобщую любимицу. И уж вовсе никакими словами нельзя передать их ярость, когда все услышали, какому надругательству подверглась мать девочки. Конан отошел к ручейку и стал смывать с себя сажу. Душа у него так и кипела. Жуткая картина неотвязно стояла перед глазами: Эльфрид, нагая, истерзанная, вынужденная униженно валяться под ногами у старой скотины!..

И тогда он дал молчаливую клятву: если будет к тому хотя бы малейшая возможность, он все-таки вызволит Эльфрид. Если же нет, Этцель умрет. Страшной смертью. От его руки.

Ибо негодяй не имел права осквернять собой землю.

Сознание возвращалось к Эльфрид медленно и неохотно. Когда же наконец оно полностью прояснилось, молодая женщина вновь ощутила кругом себя мир, которым правила Боль. В запястья и лодыжки впивались веревки, натянутые так туго, что суставы, казалось, готовы были разойтись. Но хуже всего приходилось спине. От шеи и до самых ягодиц на нее словно бы проливалось расплавленное железо. Эльфрид лежала лицом вниз, прижатая к твердому камню, и щека покоилась в луже ее собственной крови. Каждый миг был для ее тела форменной пыткой, но эта пытка не шла ни в какое сравнение с душевными муками. Что эти стервецы учинили над ее маленькой дочерью? Может быть, уже убили, ибо она была им нужна только как приманка?..

Спина неожиданно взорвалась новым всплеском умопомрачительной боли, и Эльфрид

поняла: скотина Этцель действительно грел ноги. Вот он пошевелил ступнями, вминая в тело носки сапог, и боль превзошла все мыслимые пределы. Эльфрид не закричала. Нет уж, такого удовольствия она ему не доставит. Однако по щекам все равно потекли слезы. Не от боли. От ярости.

- Ну что, Эльфрид, радость моя? Проснулась? - заворковал где-то над нею ненавистный голос. - Ну и чудесненько. Когда спишь, нельзя толком страдать... Так на чем бишь мы остановились? Мои приближенные, знаешь ли, не советуют мне больше баловаться с твоим телом. Ты должна быть все еще хорошенькой ко времени жертвоприношения. А не то другие вожди, чего доброго, решат, будто я скверно обращаюсь с благородными дамами. Это плохо, конечно. С другой стороны, ну не удивительно ли, сколько мучений можно причинить человеку, не оставив на коже никакого видимого следа! Берем, например, коровий рог со спиленным концом, вставляем его сама понимаешь куда, потом берем раскаленный железный прут и... Пытка что надо, а ущерба не видно, пока тело не вскроют!

Он говорил и говорил, с упоением расписывая бесконечные непристойности и непотребства, которые ее ожидали. Эльфрид плотно зажмурилась и только скрипела зубами. Она была истинной дочерью Севера, воспитанной на сказаниях о беспощадном возмездии. Но бредни свихнувшегося Этцеля поистине превосходили самые кровавые легенды, какие только ей приходилось слышать!..

Когда же Этцель перешел к описанию ужасов и паскудств, ожидавших маленькую Эльфгиву, - молодая женщина поняла, что вскоре сойдет с ума, и принялась молча звать к себе милосердную смерть.

... И вдруг голос безумца, перечислявшего пытки, прервался: снаружи, за дверью, начался какой-то переполох. Еще миг - и отчаянный взрыв боли вновь заслонил все окружающее: Этцель вскочил на ноги и бросился к выходу. Но потом последовало несколько мгновений относительного покоя... и ни с чем не сравнимое блаженство, ибо Эльфрид услышала бешеный крик своего врага:

- Как?.. Вы что, хотите мне сказать, что девчонка пропала? Что четверо моих стражников мертвы?.. Да как вы, говноеды, посмели этакое допустить?!..

Послышались безошибочно узнаваемые звуки пинков и затрещин. Потом Этцель ворвался обратно в тронный покой.

Эльфрид засмеялась. Засмеялась весело, от всей души, - прямо в лужу крови, натекшую под щекой.

- Спасибо тебе, Конан! - проговорила она. - Спасибо! Если бы я осталась жива, я бы сделала тебя королем. Но теперь, благодаря тебе, я по крайней мере умру счастливой, и плевать я хотела на пытки и боль!.. Спасибо тебе, Конан из Киммерии, за то, что спас мою дочь!..

Она снова расхохоталась. Счастье распирало ее, - счастье, равного которому она, пожалуй, еще не испытывала.

Потом кнут Этцеля обрушился на ее истерзанную спину, и мир снова потонул в багровом водовороте страдания...

Как только начало светать, Конан с воинами отправились по дороге, что вела к крепости Этцеля. Дорога оказалась необыкновенно оживлена, и все путники, как один, направлялись туда же, куда и отряд под водительством киммерийца. Конан поначалу даже решил - уж не люди ли Этцеля устраивают облаву на крэгсфелльцев? - но потом присмотрелся к символам на щитах и понял, что это ехали представители множества разных племен, в основном

мелкие вожди с небольшими свитами. Конан со своими легко сошел за еще одну группку в череде многих таких же. Спустя некоторое время он направил коня к одному из всадников - вождю в доспехах отличной работы.

- Прости мое любопытство, но я здесь чужак, - обратился он к незнакомцу. Почему столько блистательных предводителей едут куда-то, можно сказать, вместе?

Вождь с любопытством оглядел могучую фигуру киммерийца.

- Мы едем к нашему собрату-предводителю, Этцелю, - ответил он. - Этцель пригласил нас на великое жертвоприношение Царственному Быку. Хотя... чтоб мне сдохнуть, если я понимаю, с чего бы это ему приспичило. Для Великого Праздника вроде как еще рановато... А впрочем, его право. Он разослал приглашения, и вот мы едем.

Конан спросил с самым невинным видом:

- В чем же оно заключается, ваше жертвоприношение? Вождь передернул плечами.

- Обычно, - сказал он, - Царственному Быку подносят первые плоды нового урожая, но для этого опять-таки еще рановато. Иногда Ему предлагают отборный скот и коней... Лично я думаю, что старый Этцель окончательно свихнулся. Ничего удивительного! Последнее время он ведет себя, точно давно избранный король. Между тем едва ли не у всякого вождя из тех, кто едет по этой дороге, течет в жилах кровь получше, чем у него, а дружина - не меньше, если не больше!

Они миновали ряд высоких кольев, увенчанных черепами быков. Конан спросил вождя, что бы это значило.

- Это черепа Царственных Быков прошлого, - был ответ. - Мы въехали на освященную землю, отведенную для празднества. Внутри этих пределов никто не смеет поднять на другого оружие: подобное будет сочтено святотатством.

Весьма на руку Этцелю, сказал себе Конан. Если людям Эльфрид вздумается совершить отчаянную попытку отбить свою предводительницу, то прорываться пришлось бы с боем. А это навлекло бы на них не только гнев Богов, но и возмездие всех окрестных племен...

Необходимо было срочно придумать подходящий к случаю план. Между тем время стремительно истекало, и Конан отлично это понимал.

Он вполголоса обратился к двоим крэгсфелльцам, ехавшим рядом:

- Передайте всем остальным, чтобы рассеялись в толпе. Когда доберемся до жертвенной площадки, вместе не собираться. Мы не должны давать Этцелю мишени для удара. И еще: непременно держитесь на виду, на глазах у вождей. Насколько я понимаю, Этцель не посмеет открыто напасть, пока мы на священной земле. И пускай за лошадьми присматривают надежные люди: кони могут нам потребоваться в любое мгновение. Очень может быть, что придется удирать не попрощавшись...

Воины кивнули и подались назад, чтобы передать приказ остальным.

Крепость Этцеля уже показалась вдали, когда людская река свернула с большака на тропинку, что вела к роще гигантских деревьев. Едва ли не с каждой ветки свешивались соломенные чучела, стволы опоясывали разноцветные веревки. Посередине рощи обнаружился естественный амфитеатр. Кругом возвышались столбы с черепами быков, обращенными внутрь, к середине амфитеатра. В одном месте были видны врезанные в землю ворота, перекрытые деревянной створкой. А посередине арены красовался недавно вырубленный столб восьми футов высотой, с крепким бронзовым кольцом, приделанным близ макушки.

Пространство вокруг арены постепенно заполнялось. Люди негромко переговаривались:

никто не мог взять в толк, что же, собственно, происходит. Многие указывали пальцами на столб: было очевидно, что привязывать к нему собирались не коня и не жертвенного быка. Конан прислушался к разговорам и сделал вывод, что человеческое жертвоприношение совершалось исключительно редко, разве что во времена голода или какого-нибудь стихийного бедствия. Однако прошлые годы выдались погожими и урожайными...

Киммериец пристально высматривал Этцеля, но ни старого вождя, ни кого-либо из его людей покамест не было видно. Конан, впрочем, не сомневался, что все они держались где-то поблизости. Небось рассеялись по ближнему лесу, готовясь отразить нападение воинов Эльфрид или пресечь их побег.

Звук охотничьего рога заставил варвара обернуться. Толпа спускалась по склонам амфитеатра, люди рассаживались на зеленой траве. Конан последовал их примеру и устроился как можно ближе к арене.

Было видно, что здесь потрудилась не только природа, но и руки людей. Кто-то позаботился придать арене ровную овальную форму и углубить ее таким образом, что всюду вокруг получилась отвесная стена высотой футов в десять, выложенная камнем. Войти и выйти можно только через единственные ворота.

Или прямиком по стене...

Вдруг где-то вдали раздался ужасающий рев, мгновенно прекративший в толпе всякие разговоры. Конан прислушался, и рев весьма ему не понравился. Если голос принадлежал быку, то этот бык отличался от обыкновенных, как, скажем, дракон от простого крокодила...

Возобновившиеся было разговоры снова прекратились сами собой: ворота распахнулись, и на арену вступил Этцель. Большинство вождей сидело с другой стороны, и ему пришлось миновать столб. Проходя мимо, он не удержался и любовно похлопал свежее дерево. Потом приблизился к противоположному концу арены, поднял голову и некоторое время молчал, наслаждаясь долгожданным мгновением.

- Три года назад, - наконец начал он гулким, раскатистым голосом, - я уже обращался к этому высокому собранию, предъявляя право мести за гнусное убийство и святотатство... Тогда я получил отказ. Моя обида - дело ничтожное, не стоило бы о ней и говорить, но оскорбления, нанесенного Царственному Быку, спустить я не мог! И вот я собрал вас всех сюда затем, чтобы на глазах у благородных вождей исправить причиненное зло...

Вожди, по-прежнему мало что понимая, принялись взволнованно расспрашивать друг дружку. Этцель же повернулся к воротам:

- Приведите жертву!

Вновь заскрипела высокая створка, и в темном проеме возникла обнаженная женская фигурка. Женщину тянули вперед за веревку, надетую петлей на шею. Толпа зрителей сначала ошарашенно смолкла, потом разразилась бурей негодования: люди узнали Эльфрид. Стражник подвел ее к столбу, пропустил в кольцо конец веревки, связывавшей ее руки, и натянул так, что женщина была вынуждена подняться на цыпочки. Потом притянул ее ноги к столбу...

Вождь, с которым дорогой разговаривал Конан, вскочил на ноги и яростно ткнул в Этцеля пальцем:

- Объясни нам свое поведение, Этцель! Как смеешь ты подобным образом обходиться с женщиной благородного рода? Во имя Имира!.. Если ты не сумеешь доказать нам, что прав, то, клянусь, как только мы выйдем за пределы священной земли, твоя голова окажется у меня при седле!

Толпа вооруженных мужчин одобрительно зарычала: очень многие здесь разделяли чувства вождя.

- Вот именно! - прозвучал чей-то голос. - Если ты уж так помешался на мести за сына, кто запрещал тебе дать ей открытый бой? Ведь три года прошло! Но даже если бы ты и разбил ее в битве, честь обязывала бы тебя подарить ей быструю и достойную смерть! То, что ты творишь, есть попрание наших обычаев!

Этцель поднял обе руки ладонями к зрителям, призывая к тишине.

- Я забочусь не о своей мести, хотя она тоже достойна и справедлива, сказал он, - но о защите чести земного воплощения нашего Прародителя Царственного Быка... - Защитники Эльфрид понемногу замолкали и усаживались: всем хотелось услышать, что он скажет в свое оправдание. И Этцель продолжал: Хотя Эльфрид в момент своего пленения, увы, несколько пострадала, клянусь, ни я, ни кто-либо из моих людей даже пальцем не пошевельнет, чтобы лишить ее жизни. Она будет принесена в жертву Царственному Быку. Но ее сердце не будет пронзено, и древнее каменное лезвие не вспорет ей горло...

Этцелю удалось завладеть вниманием толпы: теперь его слушали не перебивая.

- Скажу вам даже больше, - продолжал он. - Царственный Бык сам совершит все необходимое. Он войдет сюда через эти ворота... - повернувшись, Этцель театральным жестом указал на деревянную створку, - ... и пронзит священными рогами мерзкую ведьму, свершая справедливость Богов!

Теперь его палец указывал на Эльфрид Та беспомощно висела в своих путах, стараясь держать голову как можно выше. Рот у нее был плотно заткнут.

Поднялся и взял слово еще один вождь. Нащечные пластины серебряного с золотом шлема обрамляли суровое, с резкими чертами лицо. Он сказал:

- Пусть у нее вынут изо рта кляп и дадут говорить! Она предводительница и имеет право высказаться в свою защиту!

- Ни в коем случае, господа мои! - закричал Этцель - Это могущественная колдунья! Если позволить ей говорить, она отведет вам глаза и затуманит разум!

Раздались одобрительные голоса: кое-кто был согласен, что Этцель говорит дело.

- Но ведь Царственный Бык обитает глубоко в чаще лесов, - снова заговорил первый вождь - Он появляется здесь только во время Великого Праздника. С чего ты взял, Этцель, будто Он сейчас пожалует сюда и совершит то, что ты нам предсказываешь?

- Он уже идет, - ответствовал Этцель. - Разве ты не слышал, как только что из лесу доносился Его могучий рев? Царственный Бык прослышал о том, что я привел сюда ведьму, и спешит с нею покончить! - И, как бы в подтверждение этих слов, чудовищный рев прозвучал вновь, на сей раз много ближе прежнего. Слышите? Царственный Бык грядет совершить правую месть за причиненное Ему зло!.. За осквернение священного Праздника!.. Он идет совершить Свою волю, ибо кто из смертных мог хотя бы помыслить о том, чтобы гнать и побуждать Его, как если бы Он был обыкновенным животным?..

Кое-кто из вождей собрался вместе обменяться мнениями. Потом тот, что был в серебряном шлеме, подошел к краю арены.

- Что ж, хорошо, Этцель, - сказал он. - Пусть решает Царственный Бык. В конце концов, зачем Ему бросаться на неповинную женщину? До сих пор он склонен был наказывать только мужчин, тревоживших Его коров. Но, во имя обледенелой бороды Имира! Если Он простоит хоть десяток мгновений, не набросившись на Эльфрид, - ты сегодня умрешь!

- А я большего и не прошу, благородные господа мои, - сказал Этцель - Все, что мне

нужно, - это дать возможность долгожданной справедливости наконец состояться!

Этого Конан стерпеть уже не мог. Он поднялся во весь свой исполинский рост и раскинул руки, призывая ко вниманию.

- Достойные вожди и вы, храбрые витязи! - прогремел его голос. - Этот человек - лжец и бессовестный трус! Он хочет расправиться с беспомощной женщиной у вас на глазах, а вину за убийство свалить на священного зверя! Это заговор, мерзостный предательский заговор! Не позвольте Этцелю обмануть вас!

- Он сам лжец!.. - закричал Этцель, и голос его сорвался на визг, а на губах выступила пена. - Неужели вы прислушаетесь к словам презренного чужеземца?..

Вождь в серебряном шлеме повернулся к Конану.

- Кто ты такой, - спросил он, - что отваживаешься говорить на собрании предводителей?

- Я - Конан из Киммерии, - раздалось в ответ. - Я - защитник госпожи Эльфрид. Она избрала меня своим рыцарем!

Эльфрид повернула голову: знакомый голос достиг ее слуха. Их глаза встретились, и Конан увидел, как сквозь стоическую маску готовности к смерти пробился робкий проблеск надежды.

- Ты в любом случае опоздал ее выручать, - сказал вождь - Мы уже посоветовались и приняли решение доверить Царственному Быку ее судьбу... или судьбу Этцеля.

- Я готов биться с вашим Царственным Быком! - бросил свой вызов киммериец. - Я утверждаю, что старый подонок нанял боссонских пастухов, и они приучили Быка бросаться на женщин! Я тоже многого не прошу: позвольте мне ее защитить!

Ледяной взгляд вождя обратился на Этцеля.

- Правду ли говорит чужеземец?

- Это ложь! Это ложь, которую внушила ему ведьма! Неужели вы поверите слову чужестранца против слова предводителя одной с вами крови?..

- Я так поверил бы, если речь идет о предводителе вроде тебя, - сказал вождь. - Однако наше решение уже принято. - И он повернулся к Конану: - Как бы то ни было, юноша, тебе следует знать: смертному человеку запрещено поднимать оружие на Царственного Быка.

- Тогда, во имя Крома, я выйду против него безоружным! - прокричал Конан. - И если вам охота убить меня за это - валяйте! Потому что я спущусь на арену прямо сейчас!

Этцель услышал дружный крик зрителей, в котором звучало неприкрытое восхищение, и понял, что следовало срочно менять тактику.

- Господа мои, - сказал он, - я рад буду посмотреть, как этот недоумок повиснет на рогах у Царственного Быка. Да и может ли кончиться по-иному, если мы с вами взываем к Правде Богов? Что ж, пусть черноволосый ублюдок попытает силенку, состязаясь с величайшим зверем северных дебрей...

Он круто повернулся и зашагал к воротам, приостановившись только затем, чтобы еще один раз, последний, плюнуть на неподвижную Эльфрид. Потом молодая женщина осталась на арене одна. И опять прозвучал рев чудовища. Похоже, Бык находился всего в нескольких шагах от входа...

Конан отстегнул меч и кинжал и бросил их в руки одному из воинов Эльфрид, стоявших поблизости. Потом скинул сапоги, чтобы ненароком не поскользнуться, и, торопясь, содрал через голову рубаху. Оставшись в одной набедренной повязке, он вскочил на гребень стены, отгораживавшей арену. По толпе зрителей вновь прошел вздох восхищения, и немудрено: вся фигура киммерийца, украшенная множеством шрамов, казалась выкованной из гибкой

пружинистой стали.

Вождь в серебряном шлеме подошел к нему.

- Я желаю тебе добра, юноша, и восхищаюсь твоим дерзким мужеством, сказал он Конану. - Но ты ничего не добьешься, только умрешь вместе со своей госпожой. Ни один человек еще не оставался в живых, выйдя на Царственного Быка без оружия. Даже когда Бык достигает старости и Его ловят для жертвоприношения, дело не обходится без смертей...

- Что ж, - сказал Конан, - если это и есть смерть, которая мне суждена, да будет так. Все лучше, чем смотреть, как унижают и мучают благородную женщину и некому ее защитить!

Вождь по-воински отсалютовал ему и вернулся на свое место. Конан еще постоял, балансируя, на краю стены, потом мягко спрыгнул вниз. Он приземлился у подножия десятифутовой стены, как кот: другие люди с такой легкостью соступают с невысокого порожка. Провожаемый одобрительными криками, Конан вышел на середину арены.

Остановившись возле Эльфрид, он ласково и осторожно вытащил кляп, болезненно распиравший ей рот. Несмотря на мучительные страдания плоти, молодая женщина ответила ему теплой улыбкой.

- Когда я узнала, что ты выручил мою девочку, я думала, что испытываю к тебе благодарность, выше которой уже и придумать ничего невозможно, - сказала она. - Но теперь... Ни у одной женщины еще не бывало подобного рыцаря. И я жалею, Конан, что ты решился на это. Бык убьет нас обоих...

- Не печалилась бы ты заранее, Эльфрид, - сказал киммериец. - Сколько я дрался и с людьми, и со зверями, и ничего, жив пока. И мне почему-то сдается, что я еще не все дела на этом свете переделал. Ну, где там эта зверюга? Посмотрим наконец, кто сильней!

- Тогда поцелуй меня, Конан, - прошептала она. - Сил у меня нынче маловато, но я хочу поделиться с тобой хотя бы немногим...

Конан взял ее лицо в ладони и с яростной нежностью поцеловал измученные губы. И ему показалось, будто сила в его теле, самое меньшее, удвоилась. Потом он отвернулся от Эльфрид и уставился на ворота, скрестив на груди могучие руки. Он был готов биться. Все равно с кем. Со зверем, с человеком, с демоном! Он не отдаст им Эльфрид. И все тут.

И вот снова раздался невообразимый рев, и все пространство ворот заполнила собой жуткая тень!

Конан прищурился, впиваясь глазами в сумрак. Животное выглядело сверхъестественным. Поистине, ни один бык из плоти и крови просто НЕ МОГ уродиться настолько громадным!..

Зверь рысцой выбежал на солнечный свет, и было бы величайшей неправдой сказать, что у Конана не дрогнула душа и не убавилось уверенности в успехе затеянного дела. Царственный Бык вовсе не был обыкновенной домашней скотиной. Его смешно было сравнивать даже со свирепыми быками, которых выращивали в Зингаре специально для бычьих боев на арене. Это был великолепный самец из породы диких лесных быков, прародителей домашнего скота, изредка встречавшихся на Севере. Однажды Конан голыми руками управился с диким киммерийским быком. Наверное, это был родственник Царственного Быка, но родственник младший. Тот киммерийский уроженец достигал в холке футов этак пяти. В Царственном Быке наверняка были все семь...

Какое-то время зверь медлил, поводя налитыми кровью глазами и, видно, соображая, куда же он попал. Он низко пригибал могучую голову, а на загривке виднелся монументальный горб мышц, выглядевших каменно-твердыми. Под лоснящейся шкурой так и

перекатывались литые бугры. Бык был полон могучей, первобытной жизненной силы. Его голова была головой настоящего чудовища. Между глазами улеглась бы рука взрослого мужчины от пальцев до локтя. С нижней челюсти свешивалась косматая "борода". И надо всем возносились ужасающие рога. Они сверкали, как полированная слоновая кость, и вились сложным изгибом, точно немедийский боевой лук. Кинжально-острые концы разделяло полных пять футов...

Конан, что было для него весьма характерно, даже в столь отчаянной ситуации исполнился невольного восхищения при виде прекрасного, величественного животного. Он видел, что шелковистую черную шкуру украшало множество шрамов, заработанных в схватках за пастбища, за коров, за право называться Божественным Зверем. "Если у зверей вправду есть свой Бог, подумалось киммерийцу, - то вот Он здесь предо мной во плоти..."

Наконец Бык заметил Конана и Эльфрид, и его ноздри раздулись. Раздалось громоподобное фырканье. Пригнув голову, зверь принялся рыть землю передней ногой. Полетели комья травы и выдранных корешков. Они сыпались во все стороны, взлетали высоко вверх и падали на спину Быку.

Тяжелая голова вновь приподнялась. Бык двинулся с места и пошел вперед, обходя людей по широкой - футов пятьдесят - дуге и поглядывая на них одним глазом. Потом он повернулся и зашел с другой стороны, вглядываясь Другим глазом. Конан сообразил: глаза у Быка были так широко расставлены, что приходилось смотреть ими по очереди, соображая, что же это за такие двуногие существа там, впереди. Пока Бык кружился, Конан опустил руки и тихонько двигался боком, все время оставаясь между зверем и Эльфрид,

... Повисла тишина, мертвая тишина. Люди понимали, что у них на глазах творилась легенда. Герой вышел сражаться с чудовищем, и ставкой служила жизнь прекрасной и смелой женщины. Королевы. Барды, сидевшие среди зрителей, уже складывали стихи. И только один человек был вне себя от бессильного негодования. Этцель жевал усы, не находя себе места. Царственному Быку давно пора было бы запустить страшенные рога в тело ненавистной Эльфрид и разодрать его в кровавые клочья. Киммерийский наемник уже порядком испортил Этцелю удовольствие и заставлял еще больше мучиться ожиданием...

И вот Бык перестал кружиться и повернулся прямо к двоим обреченным. Вновь пригнув голову, он опять начал рыть землю копытом, на сей раз еще яростней. Комья улетали на много локтей назад. Зверь напрягся, готовясь напасть. А потом рванулся вперед, словно черный камень, запущенный из катапульты...

Инстинкт самосохранения властно приказывал Конану отскочить, но это значило бы оставить беззащитную Эльфрид на растерзание. Бык летел на него с неправдоподобной скоростью, и киммериец знал: настал миг предельной опасности. Не зря он провел детство на пастбищах своей родины. Он знал повадки быков. Каждый бык бьет сперва одним рогом, всегда одним и тем же. С какой стороны следовало ждать удара? Слева или справа?.. Ошибиться, отскочив не в ту сторону, - верная смерть...

Потом его коснулось жаркое дыхание животного, и правый рог быстрее всякой стрелы понесся варвару в бок. Конан извернулся, крутанувшись на пальцах левой ноги, и оказался как раз между рогами. Широченный лоб с невероятной силой врезался ему в живот, но Конан успел нагнуться как можно дальше вперед и обхватить руками шею в самом узком месте, сразу за головой. Он сдавил шею Быка, надеясь нарушить Его дыхание. Бык возмущенно взревел и затряс головой, пытаясь сбросить немыслимо наглое существо, которое сперва лишило Его возможности видеть, а теперь еще и душило!

Зверь уперся передними ногами и попытался расплющить человечишку о землю, но не сумел: размах гигантских рогов давал Конану достаточно места. Бык не мог вплотную прижаться лбом к земле. Тогда последовал мощный рывок: напрягая шейные мышцы, Бык вскинул голову вверх.

Руки Конана соскользнули. Он пролетел по воздуху, дважды перевернувшись на лету, и наконец грохнулся прямо на спину. Падение вышло жестоким и наполовину оглушило киммерийца, но он не дал себе ни единого мгновения передышки. Изогнув спину и дернув ногами, он сразу вскочил. Зрители встретили его приветственным криком: многие успели решить, что храбрец расшибся насмерть. Конан же, к величайшему своему облегчению, увидел, что и Бык обернулся посмотреть, что сталось с соперником. Значит, он добился чего хотел. Отвлек Его внимание от привязанной Эльфрид...

Бык рассмотрел вскочившего Конана и развернулся ему навстречу. Вновь опустилась голова, нацелились ужасающие рога. К неописуемому изумлению всех смотревших, киммериец даже не попытался увернуться. Он принял стойку: левая нога впереди, правая далеко сзади, левая рука вытянута вперед, так что пальцы смотрели Быку как раз в середину лба. Правая рука, свернутая в огромный узловатый кулак, замерла на уровне уха... Конан стоял неподвижно, как статуя, и ждал нападения.

И вновь Бык чуть подался назад, взрыл землю копытами... и рванулся вперед со стремительностью, которой трудно было ожидать от столь крупного зверя. Но кулак Конана метнулся вперед прежде, чем излюбленный правый рог пошел по смертоносной дуге. Метнулся настолько быстро, что глаз не мог уследить за движением. Зрители только услышали звук, как будто топор воткнулся в твердое дерево. А Бык почему-то остановился, слегка дрожа. Вновь взлетел кулак киммерийца и врезался в мускулистую шею у основания черепа. Колени Быка подогнулись, и Он... завалился наземь!

Когда-то давно Конан заработал себе множество кружек пива, удивляя товарищей по воинской службе этим двойным ударом. Бывало, приводили на забой волов, и Конан бился об заклад, утверждая, что прошибет животному череп и сломает шею еще прежде, чем оно упадет, и все это одним кулаком. Да. Обыкновенный бык уж точно никогда не поднялся бы. Царственный Бык встал и яростно мотнул головой. У Конана едва хватило проворства уйти от острого конца рога, но ему показалось, будто его хватила поперек тела великанская булава. Он отлетел назад шагов на двадцать, каким-то образом умудрившись устоять на ногах. Он знал: падать ему ни в коем случае нельзя.

Бык продолжал мотать головой. Похоже, после двух невероятных ударов перед глазами у него плавал туман. Конан, таким образом, успел хоть как-то отдышаться и сообразить, что делать дальше. Восторг зрителей невозможно было передать никакими словами. Эльфрид зачарованно следила за своим рыцарем, разрываясь от гордости и страха. Конан, ее защитник, пережил уже две сшибки с Царственным Быком. И выстоял. Выстоял!.. Несмотря на то что оба раза получил удары, которые для большинства обычных людей оказались бы смертельными. А он по-прежнему на ногах и готовился снова совершить чудо...

Что касается Этцеля, к его бессильному нетерпению начало примешиваться некоторое сомнение. Почему этот человек до сих пор жив?.. Неужели его удары в самом деле причинили Быку какой-то ущерб?.. Нет, нет, никогда! Ни один человек в мире не может быть НАСТОЛЬКО силен!..

Этцель заставил себя успокоиться и сесть. В следующей сшибке киммериец уже точно погибнет. А потом настанет черед ненавистной Эльфрид. Это стоило того, чтобы подождать

еще немного.

... Конан внимательно наблюдал за Быком, и Тот, утратив первоначальную самоуверенность, смотрел на него не без некоторой опаски. Но вот наконец Бык приступил к ритуальному взрыванию земли. Потом устремился вперед.

А Конан... повернулся и побежал!

Зрители застонали. Итак, мужество киммерийца дало-таки трещину. Все же он оказался простым смертным, таким же, как и они сами. Он бежал, пока не уперся в стену. Тогда он повернулся к Быку, раскидывая руки и словно бы стараясь вжаться спиной в неподатливый камень. Он таращил глаза и казался воплощением смертельного страха...

Этцель хрипло захохотал во все горло:

- Смотрите, смотрите! Трус удирает, как побитая собака!.. Ну, теперь уже скоро...

Вождь в серебряном шлеме повернулся к нему и наградил его презрительным взглядом. Таким же беспредельным презрением дышал и его голос.

- Покажи мне того, кто отважится сойтись с Царственным Быком хотя бы однажды, про два раза я уже и вовсе молчу. Что до меня, думаю, мне и одного раза хватило бы по уши, чтобы струсить! Ну так что с того, если у парня кишка тонка оказалась на третий раз?.. Не смей говорить мне о трусости или мужестве, ты!.. Мерзкий нидинг, вот кто ты такой есть!

Худшего словесного оскорбления, чем "нидинг", на Севере еще не придумали. Это значило - "достойный всяческого поношения". Этцель, однако, был вынужден проглотить свою желчь и смолчать. Всякому возмездию свое время. Сперва он увидит смерть Эльфрид. Потом уже станет разбираться с соперниками...

Эльфрид испытала всю бездну отчаяния, увидев, что ее защитник обратился в бегство. Когда же страшные рога мелькнули совсем близко от его тела, она крепко зажмурилась...

Царственный Бык почти достал киммерийца. ПОЧТИ. Конан начал двигаться в последний миг, когда рога должны были вот-вот коснуться его. Правый рог готов был выпустить ему кишки, когда Конан взлетел на цыпочки и крутанулся. Смертоносное острие просвистело менее чем в дюйме от его плоти. И... врезалось в камень! Послышался треск. Так трещит лук, когда ломается от слишком сильного натяжения. Царственный Бык, пошатываясь, отступил прочь от стены. Три дюйма Его правого рога были начисто отломаны.

Конан осторожно пятился к середине арены, держась к зверю лицом. Арена надрывалась рукоплесканиями и приветственным ревом: зрители наконец-то поняли хитрость, предпринятую киммерийцем, и рискованный, невероятно точный расчет, спасший ему жизнь. Услышав крики восторга, Эльфрид отважилась открыть глаза и исполнилась радости. Конан все еще жив, и события, похоже, развивались по его воле. Если бы она была в состоянии двигаться, она бы, наверное, рухнула наземь и разрыдалась от величайшего облегчения...

Бык между тем зарысил по направлению к Конану. Было видно, что ноги у Него слегка дрожали, а движения утратили былую уверенную мощь. В жизни своей Царственный Бык не знал поражений... какое там! - даже сколько-нибудь длительного сопротивления! Убогое сознание зверя просто не могло осмыслить, каким образом ничтожное крохотное создание умудрялось причинить ему столько боли и беспокойства!..

На сей раз Конан не стал дожидаться атаки. Он сам побежал навстречу Быку побежал легким пружинистым шагом. Зрители ахнули и затаили дыхание. У них уже не было сил изумляться. А вот Бык ошарашенно остановился. Конан дотянулся и ухватил Его за рога. Зверь инстинктивно рванул головой, и киммериец, оперевшись босой ногой о Его лоб,

взлетел в воздух. Свернувшись в тугой клубок, он трижды перевернулся и приземлился на ноги как раз напротив Эльфрид.

- Ну что? Я еще жив... - сказал он ей. - А ты как?

- И я жива, - ответила она благодарно. - Чего доброго, еще доживем до заката?..

- Может быть, - усмехнулся Конан. - Хотя об заклад биться не советую...

Вновь повернувшись, он пошел навстречу Быку. Пора было кончать. Бык явно слабел, но и ему, Конану, тоже пришлось нелегко. Любая ошибка могла стать последней. Конан остановился и принялся ждать...

Животное, казалось, сделало те же самые выводы. Царственный Бык с трудом дышал, Его бока тяжело вздымались и опадали. Он как будто собирался с силами для решающей схватки. Вот Он зафыркал, взрыл землю копытом... Потом понесся вперед. Прямо на малюсенького и такого хрупкого с виду человечка.

И вот столкнулись!.. И было ясно, что на сей раз живым уйдет лишь один из двоих.

Конан вновь увернулся от яростного удара правого рога, но отклоняться так далеко, как прежде, не стал. Он знал, что кончиков собственных рогов бык видеть не может. Хотя и со всей уверенностью знает, где они находятся: он ведь беспрестанно поддевает ими землю, деревья и вообще что попадется. Вот и Царственный Бык, нанося этот удар, руководствовался опытом былых схваток. Он успел позабыть, что Его правый рог укоротился на целых три дюйма, и потому промахнулся. Поняв промах, Бык нацелился левым рогом... Но миг промедления дал Конану шанс, на который он и рассчитывал. Подобравшись вплотную, киммериец железной хваткой стиснул оба рога и покрепче уперся в землю ногами...

И вновь над амфитеатром повисло гробовое молчание. Все поняли, что невероятная схватка достигла решающей стадии. Царственный Бык вспахал копытами землю и начал давить вперед, стараясь прижать Конана к стене. Случай направил Его как раз в ту сторону, где расположилось большинство вождей. Ноги Конана оставляли двойную борозду в дерне: Быку приходилось брать с боем каждый дюйм выигранного расстояния. Животное дышало все тяжелее, из пасти вывалился язык. Зверь рвался прижать человека и расплющить его о камень, как муху...

Конан остановил Царственного Быка в двух шагах от стены.

Несколько бесконечно долгих мгновений они стояли замерев, точно бронзовое изваяние. Конан широко раскинул руки, вцепившись в блестящие рога, под кожей отчетливо обрисовались до предела напряженные мышцы, кости и сухожилия готовы были затрещать от сверхчеловеческого усилия. Пот лил с него ручьями: он выкладывался так, как не выкладывался, кажется, еще ни один смертный мужчина. И вот... медленно... медленно... неотвратимо... голова Царственного Быка начала поворачиваться!!!

Левая рука Конана упрямо поднимала один рог, правая пригибала второй к земле. Исполинская голова все больше и больше, дюйм за дюймом, но поворачивалась!

Рога Быка стояли уже почти вертикально, казалось невероятным, чтобы человек либо зверь оказались способны сделать еще хоть какое-то усилие Предел был достигнут; что-то должно было сломаться

И сломалось

Раздался едва различимый хруст, и Конан выпустил рога Царственного Быка, отступая назад Гигантская черная туша безжизненно поникла наземь шея зверя была сломана Один глаз Быка какое-то время еще вращался в глазнице, потом смерть помутила его. Последнее дыхание зверя вырвалось долгим вздохом...

Все! На земле распласталось мертвое тело

Конан качался от изнеможения. Он не слышал бешеных рукоплесканий и восторженных криков Он все еще смотрел на гигантского быка, павшего от его руки Потом... невнятный вопль, в котором не было ничего человеческого, заставил его вскинуть глаза Это кричал Этцель Он указывал пальцем на киммерийца и изрыгал проклятия, столь нечленораздельные, что никто не мог их понять.

Бешеная ярость перекосила лицо победителя. Где-то глубоко внутри все-таки отыскался последний кладезь скрытой энергии. Тигриным прыжком Конан одолел все десять футов стены и оказался на травянистом склоне, занятом зрителями. Могучая рука выстрелила вперед и вцепилась Этцелю в глотку. Глаза полубезумного старого вождя полезли из орбит: он понял, что сам призвал к себе смерть

- Да провались ты в Преисподнюю, гнусный истязатель женщин и детей!.. взревел Конан. - Именем Крома называю тебя мерзостным нидингом! - Подхватив толстяка за пояс, он вскинул его над головой Этцель бился и отчаянно кричал, но никто не посмел остановить Конана, шагнувшего на самый край арены. - И пусть до века гложут тебя демоны еще и за то, что ты заставил меня убить благородного зверя!..

Он сопроводил это последнее проклятие мощным усилием рук. Визжа и извиваясь, Этцель пролетел по воздуху... и угодил как раз на воздетый рог Царственного Быка!

С Тошнотворным звуком рог пробил спину и вышел наружу, проломив грудную кость Этцель увидел добрый фут окровавленного рога, торчавшего у него из груди, и открыл рот, чтобы закричать Но вместо крика изо рта жутким фонтаном ударила кровь. Толчки крови делались все слабее и наконец прекратились совсем...

Конан спрыгнул на арену следом за своей жертвой, но на сей раз колени у него подогнулись, и он тяжело свалился наземь. Как ни велика была его сила, даже она оказалась вычерпана до дна. Ничего! За ним, безумно крича от восторга, на арену посыпались зрители. Они живо изготовили носилки из копий и щитов и сообща взвалили на них Конана. Потом подняли носилки на плечи. Воины Эльфрид уже перерезали ее путы и заботливо укладывали свою предводительницу на такое же импровизированное ложе Подбежавший вождь кутал обнаженное тело роскошным плащом...

- Несите обоих сюда! - кричал другой предводитель, тот, с которым Конан разговаривал по дороге. Носилки поднесли к стене арены, и вождь уставился на них сверху в глубокой задумчивости. - Великое дело совершилось сегодня, сказал он затем. - И, чтоб мне сдохнуть, если я с ходу возьмусь разобраться, что это было такое! То ли героическое деяние, то ли ужасное святотатство! Убит Царственный Бык. Убит один из вождей. Внутри священных пределов пролилась кровь... Как станем судить о случившемся, братья вожди?..

- А что скажет Атрик Законоговоритель? - спросил тот, что носил серебряный шлем

На ноги поднялся седобородый старик и подошел к краю арены. Он посмотрел вниз, на лежащих мужчину и женщину, на труп Этцеля, на тело Царственного Быка. Закрыв глаза, старик некоторое время стоял в глубоком раздумье. Толпа почтительно помалкивала. И вот наконец старец открыл глаза

- Вот вам мое слово, - проговорил он неторопливо. - Этцель - это злая сила, стоявшая за сегодняшними событиями. Жажда мести довела его до безумия и заставила схватить ни в чем не повинную Эльфрид, чтобы попытаться предать ее смерти. А чтобы отвести от себя все подозрения, он пошел даже на то, чтобы принудить Самого Царственного Быка служить своей низменной цели. Это прогневало Богов, и Боги предначертали Царственному Быку

безвременную кончину, ибо Он был осквернен вмешательством нечистого человека. Посему Они направили сюда этого могучего рыцаря, дабы он лишил Царственного Быка жизни единственно законным способом: одной силой своих рук, без оружия. Таким образом, чужестранный рыцарь трижды явился орудием Высшего Правосудия. Во-первых, он завершил земной век оскверненного Царственного Быка. Во-вторых, избавил от смерти несправедливо осужденную Эльфрид. И в-третьих, наказал злонамеренного Этцеля. При этом Боги вознаградили и Царственного Быка. За святотатственное обращение и безвременную кончину они дали Ему уже после смерти пронзить Своим рогом источник всех зол - ничтожного Этцеля!.. А что касается этих двоих честных и справедливых людей, да не посмеет никто применить к ним насилия или даже покуситься на оное. Я сказал!

Воины Крэгсфелла, не в силах прийти в себя от сумасшедшего восторга, понесли свою предводительницу и ее рыцаря прочь с арены - скорее домой, в свою крепость, под защиту надежных стен!..

Конан был едва ли наполовину в сознании. И воины, что несли его носилки, слышали, как он в полубреду бормотал нечто загадочное.

- Чтоб тебе пусто было, кхитаеза... - повторял киммериец. - Тебе и твоим Богам со всеми Их игральными досками...

Как следует Конан очнулся уже в Крэгсфелле, на знакомой постели. И обнаружил, что не в состоянии пошевелиться. Он чувствовал себя как человек, ненароком угодивший в мельничные жернова и часок в них покрутившийся. Полежав пластом некоторое время, он попробовал приподнять голову: шейные мышцы заскрипели от непомерного усилия и мгновенно налились болью. Кое-как осмотрев себя, киммериец убедился, что сделался похож на иссиня-черного кушита: все его тело, от пяток до ключиц, было одним сплошным синяком. Уронив голову обратно на подушку, Конан стал вспоминать великие сражения, в которых ему довелось побывать и остаться в живых. Кажется ни одно из них не потребовало такой предельной отдачи сил, мужества и ума, как схватка с Царственным Быком...

Потом вошла женщина и принялась кормить его бульоном. Еще какое-то время спустя ему захотелось съесть что-нибудь посущественней. Он спросил, как там Эльфрид. Женщина рассказала, что предводительница крепко спит и, похоже, до вечера вряд ли проснется.

- А девочка?.. - спросил киммериец.

- Играет в куклы, как будто ничего не случилось! - ответила женщина. Славен будь Имир! Малышка толком и не уразумела, что происходило. Она ведь благополучно проспала все те смертоубийства, которые вы с ребятами ради нее учинили. Ей точно приснился плохой сон, а детские сны, сам знаешь, поутру рассеиваются без следа. И потом, в ее жилах течет кровь воинов! Такого ребенка не очень-то запугаешь!..

На другой день Конан кое-как сполз с постели и погулял немного по спальне. Вечером он даже выбрался в большой зал и сел за стол, на свое место. Крэгсфелльцы только головами качали, увидев, как скоро он поднялся на ноги. Он навестил Эльфрид; молодая предводительница была едва в состоянии разговаривать, сидя на ложе.

Дня через четыре киммериец взгромоздился на лошадь, совершил прогулку в пару миль и понял, что скоро будет совершенно здоров. Тогда он стал все чаще посматривать на север. Он ведь собирался примерно в это время быть уже в Киммерии. По его расчетам, недалек самый крайний срок, когда, выехав отсюда, он еще поспевал вовремя прибыть на склоны Бен Мора...

Накануне того дня, что он наметил себе для отъезда, Конан пораньше завалился под

одеяло. Он плотно поужинал, а вот выпил необычно мало. Он уже собирался задуть свечу, когда в дверь комнаты заскреблась чья-то Рука.

Дверь отворилась, и вошла Эльфрид. Конан отметил про себя, что ее походке еще предстояло обрести прежнюю легкость.

На ней было платье из зеленого шелка, купленное у заморийского торговца. Эльфрид подошла к постели и остановилась подле Конана, глядя на него сверху вниз.

Она не стала тратить времени попусту и сразу заговорила о деле.

- Не уезжай, Конан, - сказала она. - Оставайся со мной. Я сделаю тебя королем... Стань мне мужем, и мы родим детей, каких еще не видали в Северных Странах. Сильных, умных, красивых... Я, кажется, говорила тебе, что ни разу не желала мужчины с тех самых пор, как погиб мой Ральф... Но тебе я готова служить весь остаток своих дней...

Конан при всем желании не мог ответить на ее щедрость такой же щедростью. Он только мог, по крайней мере, не мучить ее понапрасну.

- Нет, Эльфрид, я не могу остаться с тобой, - сказал он честно. - На рассвете я должен быть уже в пути. Я поклялся священной клятвой исполнить одно поручение и не могу отказаться. Ты теперь сама знаешь, уважаю ли я данное мною слово. Дни становятся коротки... Завтра я должен уехать, иначе не выполню клятвы...

В голосе Эльфрид прозвенело отчаяние:

- А когда ты исполнишь... это свое поручение... ты и тогда не сможешь вернуться ко мне?

- Не смогу, - ответил киммериец. - Я вырос скитальцем. И не найду успокоения, пока не совершу всего, что мне судьбой предназначено. Мои скитания завершатся не здесь, я это нутром чувствую. Уж я-то узнаю свою судьбу, когда встречу ее... Прости меня, Эльфрид. Я никогда еще не встречал женщины достойней тебя. Только завтра наши пути разойдутся...

Она выпрямилась.

- Что ж... да будет так, - решительно проговорила она. - Я - вождь. Ты герой. Я не стану упрашивать, а ты - уступать, если решил...

Наклонившись, она пальцами загасила свечу. Наступила темнота, и в темноте Конан услышал шуршание шелка. Зеленое платье, сброшенное с плеч, заструилось на пол. Потом Эльфрид скользнула к киммерийцу под одеяло, и их руки встретились.

- Я не так быстро выздоравливаю, как ты, Конан, - прошептала она. - Спина еще болит... так что ты... поосторожнее...

Больше они не разговаривали...

Глава шестая
КРАЙ ТУМАНА И КАМНЯ

Двое мужчин сидели на скальном выступе, приглядывая за небольшим стадом косматого, длиннорогого скота. Один из мужчин был уже немолод, его волосы и бороду густо запорошила седина. Другой же - юн и безбород. Однако они походили друг на друга, как родственники: у обоих - крепко вылепленные лица, говорившие о сильных характерах.

Черные волосы мужчин обрезаны по плечи, а спереди - ровно подстрижены над бровями. Глаза тоже одинаковые: у обоих - сапфирово-синие. Обоих отличало поджарое, мускулистое телосложение. Несмотря на режущий ветер, их одежду составляли короткие домотканые рубашки да плащи из волчьих шкур. Обувь состояла из кусков овчины, крестообразно перехваченных ниже колена ременными завязками.

Мужчины вооружены копьями, кинжалами и длинными тяжелыми мечами на поясах. Это - киммерийцы. А ни один мужчина-киммериец с самого раннего детства не ходил безоружным. Простое, даже аскетическое с виду, их оружие не блистало украшениями, но изготовлено было отменно. Ибо оружейное ремесло являлось единственным, которое в Киммерии пользовалось должным почтением.

- Кто-то идет вверх по склону горы, - сказал тот, что был помоложе.

Его старший товарищ приставил к бровям ладонь и посмотрел туда, куда указывал юноша. Он различил крохотную человеческую фигурку, медленно прокладывавшую себе путь по заваленному скалами склону.

- Хорошие у тебя глаза, паренек, - похвалил мужчина. - Этот человек будет здесь прежде, чем солнце успеет опуститься к закату...

- Как по-твоему, это враг? - спросил юноша. На всякий случай он вытащил меч и пальцем попробовал его остроту.

- Какой же враг сунется в одиночку в земли Канахов?.. Я заранее могу сказать, что он киммериец. Ни один житель равнин не шагает такой походкой, когда попадает к нам в горы!

То, что приближавшийся человек явно был киммерийцем, в общем, вовсе ничего не говорило о его дружелюбии. Горные кланы то и дело резались между собой, и резались беспощадно.

Он был еще далеко. Так далеко, что глаза, непривычные к далеким расстояниям гор, вовсе не заметили бы его. И уж ни в коем случае не различили бы особенностей походки.

- Кто тогда может там быть? - вслух подумал юнец. - Что-то не припоминаю никого из мужей кланов, кто отправился бы путешествовать в Нижние Земли. По крайней мере, туда, откуда идет этот малый...

- Ты молод, мальчик, и память у тебя короткая, - был ответ. - А вот я, по-моему, знаю, кто это такой. - Мужчина смотрел вниз, туда, где далекий странник прыгал со скалы на скалу, считая ниже своего достоинства обдираться о камни, обходя препятствия. - Да, - сказал мужчина. - Я знаю, кто это. Это Конан, сын кузнеца.

- Конан? - удивился юноша. Имя было ему знакомо. Непутевый сын кузнеца успел натворить дел, прежде чем уйти искать счастья в чужедальних краях. - А я-то думал, он погиб давным-давно!

- Я тоже так думал, - согласился мужчина. - Он дрался вместе с нами во время штурма Венариума. Ему было тогда пятнадцать лет, меньше, чем тебе теперь. Но он уже в те годы показал себя опытным воином.

- Венариум!.. - завистливо вздохнул юнец.

Повсюду в горах до сих пор пели у костров песни о том великом сражении. Аквилонцы тогда принялись расселяться в Боссонских Пределах и, пересекши их, устроили укрепление на землях, вот уже сотню поколений принадлежавших горскому клану. Гандеры и боссониты - подданные аквилонцев - построили пограничную крепость, чтобы обороняться от набегов, и дали ей имя Венариум. Однако, когда киммерийцы поднялись на войну, это оказался не просто набег обозленного рода. Драться с захватчиками вышел весь киммерийский народ! Отложив на время междоусобицы, киммерийцы устроили аквилонцам жуткий разгром и невероятно свирепую резню, продолжавшуюся целые сутки. Ярость черноволосой орды смела и развеяла мужество дисциплинированного войска, точно свирепый северный ветер мелкую пыль...

Вот тогда-то, в тот день, юный Конан и совершил подвиги, о которых и теперь не забывали в горах. Сердце юноши-пастуха переполнила жгучая зависть. Венариум!.. С того времени, как он сам подрос и мог бы пойти на войну, таких значительных сражений более не случалось. И что за удовольствие сознавать, что там, где стоял когда-то город Венариум, пасся теперь скот киммерийцев?..

Были у юноши и иные, более глубокие причины для печали и сожаления...

Конан заметил стадо высоко над собой на склоне горы. А вскоре после этого разглядел и двоих пастухов. Они присматривали за скотом... а заодно и за ним, подходившим снизу. Вот уже три дня прошло с тех пор, как он оставил своего коня у одного поселенца. Лошадь, выросшая на равнине, неминуемо погибла бы на каменных кручах. Здесь могли выжить только горные козлы и олени, да еще мелкий жилистый скот, который разводили киммерийцы. И сами киммерийцы, конечно.

По откосам ползли клочья сырого тумана. В киммерийских горах почти всегда висел туман и моросил дождик. Скалистая почва и постоянные дожди приводили к обилию родников. Забравшись в горы, Конан все время слышал голоса водопадов то одного, то другого, то третьего. Он-то успел уже почти позабыть, как они разговаривают.

Он поглядывал вверх, гадая, кем могли быть двое пастухов. Скорее всего, наверху сидели его родственники. Он ведь уже ступил на земли, принадлежавшие его клану. Если, конечно, этот клан дочиста не перерезали какие-нибудь враги...

По дороге ему еще не попалось ни единой деревни, но, если подумать, ничего удивительного в том не было. Киммерийцы были наполовину кочевниками и каждый год переезжали из долины в долину, возвращаясь на то же самое место вряд ли чаще, чем один раз лет в десять. Конан уже миновал множество покинутых стоянок - скопища стен без крыш, всухую сложенных из камня. Леса в Киммерии почти не было и потому, откочевывая на новое место, его соплеменники неизменно прихватывали с собой драгоценные кровельные шесты.

Конан поплотнее закутался в плащ... Ветер, долетавший со стороны Гипербореи, хлестал тело, как плеть. И если Конан еще что-нибудь понимал, сегодня к вечеру собирался выпасть первый, ранний снежок. В общем, самое время встретиться с родственниками. Идти было еще далеко, но он уже различал физиономии: фамильные черты Канахов узнавались безошибочно. Из-за неизбежных при такой жизни близкородственных браков каждому клану

была присуща какая-нибудь характерная особенность. Муррохов узнавали по квадратной челюсти, Туногов - по высокому лбу, а Раэда - по длинному носу.

- Приветствую тебя, Конан, - сказал старший из пастухов, когда путешественник подошел достаточно близко.

- И ты здравствуй, Милах, - откликнулся Конан. Встретились родичи без ахов и охов, так, словно расстались всего несколько дней назад. - А у тебя, смотрю, повыросло серебряных волосков в голове! Так, а что тут у нас за мальчик?..

- Я - Куланн, твой родственник, и я не мальчик, а взрослый мужчина! ответил юнец. То, что у юного горожанина прозвучало бы как напыщенное хвастовство, в его устах явилось простым утверждением факта.

Конан коротко кивнул головой. С этого момента он будет обращаться с Куланном как с воином. Только и всего.

- Сын моей сестры, - пояснил Милах. - Он уже проливал кровь в стычках с ванами и Муррохами.

- Это хорошо, - сказал Конан. - Оружие молодого воина не должно залеживаться в ножнах.

Он не стал спрашивать, сколько жизней успел уже отнять юный Куланн. Киммерийцы не прельщались головами, руками и тому подобными кровавыми трофеями, высоко ценимыми среди других племен Севера. Когда юноша становился достаточно взрослым, чтобы поднимать оружие за свой клан, он делал то, что следовало делать мужчине-защитнику. Не более и не менее. Если он совершал нечто выдающееся и достойное разговоров у костра совета, он получал заслуженную похвалу. Всякий воин, проливший кровь, считался человеком опытным и подтвердившим свои качества. Трусы, надо сказать, в горах почти не водились. Их здесь не терпели.

Накрапывавший дождик между тем сменился крупными хлопьями снега. Конан поднял голову и посмотрел на низко ползущие облака. Он сказал:

- Первый снег нынешней осени... Есть здесь поблизости, где укрыться?

- Невдалеке есть хорошее место, - ответил Милах. - Как раз спасаться от снегопада. Давай-ка, Куланн, отгоним коров в долину Сломанной Ноги...

Конан взялся помогать пастухам. Стадо насчитывало десятка два маленьких, лохматых, привычных к горным дорожкам коров. До упомянутой долины было около мили. Когда животные благополучно разошлись по небогатому пастбищу, трое мужчин забрались в Милахово "хорошее место". Оно оказалось просто нависшим скальным козырьком, едва прикрывавшим от снега. А белые хлопья между тем сыпались все гуще. Костра разжигать не стали. Топлива в горах всегда слишком мало, чтобы тратить его ради обогрева пастухов на зимнем пастбище...

Конан завернулся в плащ: делалось все холоднее. Все-таки он поотвык от стужи, пока странствовал по теплым краям. Двое его родичей холода почти не замечали, но никаких замечаний по поводу его "изнеженности" делать не стали. Они были вежливыми и воспитанными людьми.

- Жив ли еще Куйпах, брат моего отца? - спросил Конан.

- Он погиб три года назад, - ответил Милах. - Попал в засаду, устроенную ванами.

- А Турах и Балин, мои двоюродные братья?

- Погибли во время усобицы с кланом Нахта.

- Нахта?.. - удивился Конан. - Я-то думал, мы давным-давно перебили всех Нахта, кто

был способен сражаться...

- Истинно так, - подтвердил Милах. - Но мальчики имеют обыкновение вырастать в мужчин. Да и дети, как я слышал, у них по-прежнему родятся.

Конан только молча кивнул. Обычная история, подобные ей все время происходили в горах. Сколько раз бывало, что в клане оставался один-единственный мужчина! Вот потому-то киммерийцы рано женились и сразу заводили множество детей. Проходило два-три поколения, и клан снова становился сильным и многочисленным...

- Ну и как тебе Южные Страны? - спросил Куланн.

- Ничего, - сказал Конан. - Знаешь, мне там даже понравилось. Там сверкает золото, а люди одеваются не в овчины, а в шелк. Еда там изобильна и вкусна, вино - сладко. Тамошние женщины нежны и пахнут благовониями... а не скотом и торфяным дымом...

- Зачем все это мужчине?.. - фыркнул Милах. - От этого только размякнуть!

- Но лучше всего, - продолжал Конан, - то, что они все время сражаются. Человек, знающий, как управляться с оружием, может многого там достигнуть.

- Сражаются?.. - хмыкнул Милах. - Ты что, вправду называешь их потешные игры сражениями?.. Спорю на что угодно, они там еще и приучили тебя сражаться сидя верхом на лошади, как будто мужчине недостаточно своих собственных ног... Да притом небось латы носить, прикрывая тело, а?

В его голосе звучало беспредельное презрение к подобным способам воевать, достойным, по его глубокому убеждению, лишь неженок.

- Верно, на Юге так принято, - сказал Конан. - Только ты там не был, а я был. Я бывал на полях сражений, содрогавшихся от громового топота многотысячной конницы. Там били барабаны и ревели трубы, а расшитые золотом яркие знамена сверкали так, что слепило глаза. Все-таки здесь, в горах, не происходит настоящей войны. Я бывал в море, сплошь забитом пылающими кораблями, я видел удары весел о борта, расколотые пополам бронзовыми таранами... Вот это я называю сражениями!

Милах вновь презрительно фыркнул:

- Только глупцам и трусам нужны верховые животные, чтобы стать выше ростом. А что за нужда драться из-за водного пространства? Ну, отвоюешь ты себе кусок моря, а дальше-то что? Чем, объясни мне, одна волна лучше другой?..

- Значит, ты видел море? - спросил Куланн. - Мне всегда хотелось попутешествовать... посмотреть на чудеса...

Конан с удовлетворением отметил, что мальчик вроде бы очнулся от снедавшей его неведомой грусти. С самого начала Куланн показался ему мрачноватым - даже по киммерийским понятиям.

- Да, - сказал он. - Я видел море. А еще я видел пустыню. И джунгли, окутанные душными испарениями. Я бывал в городах, которые так велики, что все кланы Киммерии, если собрать их вместе, едва населили бы самый маленький квартал. Я видел мраморные храмы, до того величественные и высокие, что не вдруг и поймешь: люди выстроили их или Сами Боги?.. - Его взгляд сделался далеким, как у человека, грезящего наяву. - Там, в тех краях, - продолжал он, - мужчина поистине может испытать, к чему он пригоден. Там у тебя не висит на ногах клан и не довлеют обычаи. Там странник без гроша в кошельке, но с добрым мечом в крепкой руке и храбрым сердцем в груди может завоевать себе королевство...

- Не слушал бы ты его, племянник, - сказал Милах. - Таким, как мы с тобой, на чужбине нечего делать. Человек должен жить там, где живет его род... Ну и что, Конан, где оно, твое

королевство? Как я посмотрю, ты возвратился ненамного богаче, чем был много лет назад, когда ушел с асами...

- Много раз я завоевывал состояния и растрачивал их, - ответил Конан. - И еще завоюю. А захочу, так однажды и на трон, может быть, влезу. Но до тех пор я еще погуляю. Еще не всюду побывал, не все посмотрел.

- А колдуны? - вдруг спросил Куланн. - Есть ли на Юге колдуны? Я слышал от людей, там чародей на чародее и чародеем погоняет...

- Да уж... - без особой охоты подтвердил Конан. - Чего бы хорошего, а этой дряни там навалом. Не дают продохнуть доброму человеку, вечно затевают что-то, примешивают Богов, демонов и кого там еще...

- Вот видишь! - назидательно вставил Милах.

- Тем не менее, - невозмутимо продолжал Конан, - я даже и на это согласен. За все надо платить! Вот и за то, чтобы жить полнокровной жизнью, видимо, тоже. Уж лучше держать ухо востро и стараться не попадать в сети какого-нибудь коварного колдуна, чем всю жизнь пасти коров и плодить детей, теснящихся на меховых одеялах у торфяного очага...

С этими словами Конан завернулся в плащ и улегся на каменистую землю. Повозившись, он снова приподнялся, сгреб ком снега и скатал его в плотный шар. Придав ему нужную форму, он опять улегся, положил снежный ком под голову и скоро уснул...

Милах хмуро смотрел на него.

- Вот видишь?.. - сказал он Куланну голосом, полным глубокого сожаления. Вот что делает с человеком долгая жизнь в чужедальних краях. Когда-то этот парень был отменным воином. А теперь он изнежился до того, что ему уже требуется подушка для сна!..

Женщина, вышедшая из двери каменного, с дерновой крышей дома, увидела троих мужчин, спускавшихся по склону холма. Они гнали перед собой стадо. Вершины уже укутало белое покрывало, но вниз, в маленькую долину, снег еще не добрался. Женщина ощутила укол любопытства: кем мог оказаться третий мужчина?.. Несколько дней назад пастухи отправились в горы - перегонять стадо с последнего летнего пастбища на зимнее. Но тогда они были вдвоем.

- Жена! - подойдя поближе, окликнул ее Милах. - У нас в гостях родственник!

- Вижу, - отозвалась она. - Доброго дня тебе, Конан! С тех пор как я последний раз тебя видела, ты здорово вырос. Стал весь в отца!

Женщина была высокая и худая. Ее плоть казалась такой же твердой, как камень ее родных гор, а волосы отливали сединой, точно снег на вершинах.

- И ты здравствуй, Дейтра, - приветствовал ее Конан. - Почтенная седина делает тебе честь!

Это был немалый комплимент: большинство уроженцев негостеприимной страны умирало, не достигнув зрелого возраста.

- Входи, - пригласила она. - На очаге согрелась еда. Она откинула дверную занавеску, и Конан последовал

в дом.

В домике вовсю плавал торфяной дым, а на огне действительно кипел котелок. У Конана невольно потекли слюнки. Он до того проголодался, что живот прилип к спине. Накануне двое родичей поделились с ним несколькими кусками жесткого сыра, а он вытащил из сумки последний ломоть вяленого мяса.

С точки зрения горцев, называть подобное положение дел тяготами и трудностями было

просто смешно. Вяленое мясо так и вовсе показалось им роскошеством. Однако Конан в последние годы привык наедаться досыта, как только предоставлялась возможность. Он голодными глазами поглядывал на пасшихся коров, но резать скот прежде обычного времени забоя было немыслимо. Если только этот скот не был уведен у врага.

- Ты как - насовсем возвратился? - спросила Дейтра. - Давно пора бы тебе жениться и родить для клана детей. Знаешь что? Неподалеку отсюда живет Джаха Однорукий. У него две крепкие дочери, обе еще не замужем.

- Нет, я не насовсем, - сказал Конан. - Дел у меня еще много, и жена с детьми на руках мне пока совсем ни к чему.

- Значит, минувшие годы тебя ничуть не исправили, - вздохнула она. Вытащив несколько глиняных мисок, женщина принялась накладывать в них еду, действуя деревянной поварешкой на длинной ручке. Дейтра передавала наполненные миски мужчинам, и те прямо пальцами отправляли дымящееся варево в рот. Конан невольно скривился. Угощение представляло собой овсяную кашу, совершенно безвкусную. Он успел уже и забыть, что на свете была еще и такая, с позволения сказать, еда.

От Дейтры не укрылась его гримаса.

- А ты чего ждал? - спросила она. - Пшеничного хлеба? Пшеница растет на равнинах, а у нас в горах - только овес. Когда случается трудный год, только им и живем.

- Ладно, не пили родственника, - с невинным видом заметил Милах. - Конан, знаешь ли, попривык к разным вкусностям, которыми питаются на равнинах...

Конан метнул на него кровожадный взгляд:

- Ты бы и сам туда свалил много лет назад, если бы кишка была не тонка!

Дейтра размахнулась поварешкой и наградила его звонким подзатыльником:

- Совсем о вежливости позабыл! Что это такое - цапаться с родичем, сидя у него в доме?

Конан потер ушибленное место, заодно смахнув с волос комки каши.

- Ничего я не позабыл, - буркнул он себе под нос. - Зато, кажется, начинаю вспоминать, почему бежал отсюда без оглядки.

- Теперь выкладывай, - сказала Дейтра. - Если ты пришел сюда не затем, чтобы остепениться и остаться, тогда зачем?

- Может мужчина просто соскучиться и захотеть повидать дом и родных? спросил Конан. - Какие тебе еще причины нужны?

- Никаких, - пожала она плечами. - Никаких, если бы речь шла о другом человеке, не о тебе. Если уж ТЫ пришел, значит, что-то тебя привело. И, боюсь, что-то такое, отчего клану не будет добра!

Конан хмуро подумал, что провести киммерийскую женщину, да притом родственницу, не удавалось еще никому. Эти женщины читали мысли своих мужчин с такой легкостью, какая не снилась ни одному некроманту.

- Я выполняю одно поручение, - сказал он. - Клан здесь, по большому счету, ни при чем. Но я хотел бы переговорить со старейшинами, прежде чем пойду это поручение завершать.

- Завтра, - сказал Милах, - мы снимаем кровельные шесты и гоним скот на зимовку. Еще несколько дней, и туда соберется весь остальной клан. А что у тебя за поручение?

- Расскажу, когда вожди соберутся, - сказал Конан. - Хорошего мало, но все это падет на мою голову, больше ни на чью.

Куланн вернул Дейтре чисто вылизанную миску

- Пойду, - сказал он - Посмотрю, как там коровы.

Кивнул Конану и ушел за дверную занавеску

- Что творится с парнишкой? - спросил Конан, когда юноша уже не мог его слышать - За три горы видно - гложет его что-то!

- Девчонка, - ответила Дейтра - Девчонка из клана Муррохов Они с нею встретились на зимней ярмарке, на границе, когда между кланами было перемирие Он хотел взять ее в жены... - тут Дейтра метнула на Конана многозначительный взгляд, - как полагается приличному человеку

Конан притворился, будто не понял намека.

- Он сговорился с кучей двоюродных братьев, и они отправились за нею к Муррохам, - продолжала женщина

- Похищение? - улыбнулся Конан. Когда два клана враждовали один с другим, древняя традиция призывала юношей совершать набеги за женщинами Молодой человек добывал таким образом и жену, и немалый почет, а клан предохранялся от близкородственных браков. - Ну и что, - спросил он, - чем кончилось дело? Верно, отец и братья девчонки выпороли их и отправили домой ни с чем?..

- Нет, все было не так, - подхватил повествование Милах - Они пробрались в селение незаметно, потому что Куланн хорошо знает, как вести себя в долинах, в лесу Но, добравшись до общинного дома, они нашли его разоренным! Стены были разрушены, а кругом валялись тела убитых мужчин. И не только мужчин, но даже и женщин! А женщины помоложе и все дети -пропали...

- Так! - проворчал Конан. - Ванский налет!.. Жал ко, конечно, но что поделаешь? Девок кругом много, рано или поздно присмотрит другую.

- Ваны тут ни при чем, - возразил Милах - На летчики не позарились на добычу, только увели женщин и детей. Оружие осталось лежать на земле, доброе оружие И потом, Муррохи торгуют на границе, так что серебра у них больше, чем у кого угодно другого Так вот, юноши видели серебряные монеты и украшения, валявшиеся среди хлама. Ваны никогда не прошли бы мимо серебра!

- Но хуже всего было то, как выглядели мертвецы... - пробормотала Дейтра.

- Что такое? - спросил Конан.

- Они все были растерзаны, - ответил Милах. - Так, словно их рвали громадные звери. Юноши и раньше видели трупы задранных хищниками, ну там, волками или медведями... но это... Таких зубов и когтей нет ни у одного чистого животного, которое мы знаем...

Он говорил все тише и наконец замолчал, явно не желая говорить больше.

- Скажи ему самое скверное, - мрачно велела Дейтра.

- Некоторые тела, - сказал Милах, - были наполовину съедены.

- Съедены?.. - теряясь в догадках, повторил Конан. - Так что с того, дикие звери почти всегда...

- Нет, - упрямо возразил Милах. - Их съели не так, как, скажем, волк ест человека. Их плоть жарили на кострах! Куланн с ребятами видели полуобглоданные руки и ноги, насаженные на деревянные вертела! Какое животное станет жарить себе мясо?.. Только человек!

Рука Конана невольно сомкнулась на амулете, висевшем на шее:

- Кром!.. Людоедство!..

В горах слыхом не слыхивали ни о чем подобном, даже самые старые легенды не упоминали о поедании человечины. Он спросил:

- Это единственный такой случай?

- Единственный известный нам, - ответил Милах. - Может, были и другие. Когда Куланн вернулся домой, была уже середина весны, время перегонять скот на верхние пастбища. С тех пор мы живем здесь и не встречали никого из нижних долин. А ты, пока путешествовал сюда, ничего подобного не приметил?..

Конан покачал головой:

- Я избегал людей, пока не добрался до земель клана. Откуда мне знать, кто с кем сейчас режется? Иногда я кого-то замечал, но близко не подходил и не разговаривал. Человек, у которого я оставил лошадь, - он живет внизу, на нашей границе, - неразговорчивый и глуповатый старик. Если бы у меня штаны на заднице загорелись, он и об этом мне вряд ли бы стал говорить.

- Это, должно быть, старый Хомма, - сказал Милах. - У него точно с черепушкой непорядок, но верить ему можно. Что ж, так или иначе мы кое-что скоро услышим, когда весь клан соберется на зимней стоянке...

Конан хмуро раздумывал над услышанным. Вот и опять нечто такое, что не имело ни малейшего отношения к предпринятому им делу... Почему-то эта мысль отнюдь не приносила ему утешения. Сколько ни пытался он держаться как можно дальше от колдовского зла, вся нечисть мира, казалось, только и делала, что искала с ним встречи.

Зато теперь хоть было понятно, почему так грустен мальчишка...

Глава седьмая
В СТРАНЕ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Баржа, двигавшаяся по широкой реке, была оснащена высокой мачтой, но треугольный парус вяло свисал с длинного гафеля. Стих ветер, и судно гнали вперед длинные весла в крепких руках гребцов. Река же в этом месте была до того широка, что течение едва ощущалось. Казалось, под знойными южными небесами раскинулся сверкающий серебряный щит.

По берегам реки стояли пальмы и расстилались возделанные земли. На полях трудились селяне: плодородная почва и благодатный климат позволяли им снимать два, а то и все три урожая в год. Внешне мирная картина земледельческих трудов и далекое сверкание храмов внушали ложное представление о жизни в этой стране, имя которой - Стигия.

Женщины, под полуденным солнцем полоскавшие в реке белье, после наступления темноты нипочем не решатся даже близко подойти к воде. Ибо с заходом солнца великий Стикс превращался в вотчину чудовищных крокодилов. А неповоротливые гиппопотамы выйдут на берег и станут вытаптывать и пожирать все то, что селяне с таким тщанием сажали и обихаживали на полях. Делать нечего: люди с этим мирились. Даже когда, не удовлетворив голода, звери брались за них самих. Крокодилов и гиппопотамов охранял священный закон. Равно как и вездесущих кобр и стервятников. В стране, где испокон веку почитали Отца Сэта и его отпрысков-змей, жители держали за величайшее святотатство убийство змеи. Хотя бы та змея угрожала их собственному ребенку!

Женщина, восседавшая под тентом на кормовой палубе баржи ни о чем подобном не думала. Хотя на самом деле змеи, крокодилы и еще менее симпатичные существа занимали в ее жизни столь значительное место, что уже все остальное казалось чем-то враждебным и чужеродным. Однако сегодня мысли женщины были заняты кое-чем куда более важным. Планы, которые она вынашивала вот уже много лет, близки были к осуществлению. Но для того, чтобы пожать плоды и достигнуть окончательного успеха, требовалось совершить еще немало работы. Женщина отлично понимала, что, дай она волю снедавшему ее нетерпению, никакого проку не будет. И потому единственным признаком беспокойства, который она себе позволяла, было легкое постукивание пальцами по подлокотникам кресла.

Старший баржи прошел на корму и низко поклонился Хатор-Ка. Это был невысокий смуглый мужчина, одетый в короткую юбочку-килт да головной убор.

- Госпожа моя, - сказал он. - Место, в котором ты пожелала пристать, откроется за следующим поворотом Отца Стикса.

Она чуть наклонила голову и повернулась к стоявшему подле нее человеку:

- Все ли у тебя готово, Мулэй?

Воин пустыни согласно кивнул:

- Все упаковано и уложено. Прикажешь ли поднимать твое знамя?

- Да. Я не хочу никаких задержек, когда доберемся до суши.

Мулэй отнес свернутое полотнище на шканцы и прикрепил его одной стороной к тросику, свисавшему с мачты. Он стал перебирать тросик и постепенно полотнище развернулось в длинное черное знамя. На нем золотыми нитками был вышит личный герб

Хатор-Ка: скорпион, чей хвост перерастал в змею, обвившую пустынного паука. Слуги, ожидающие на берегу, разглядят знамя и поймут, что прибывает их госпожа.

Миновав поворот великого Стикса, путешественники увидели впереди огромный каменный причал, далеко выдававшийся в реку. По мере приближения баржи на причале образовалась небольшая толпа. Пристань находилась внутри владений Хатор-Ка (а владения были немаленькие), толпа же состояла из рабов, слуг и жрецов, смотревших за ее храмом и святынями.

Огромный чернокожий поймал швартов, брошенный с баржи на причал. Он намотал швартов на причальную тумбу, вырезанную из камня в виде жука-скарабея, приподнявшегося на задние лапки. Рабы-гребцы, искусно действуя веслами, ловко причалили пурпурно-парусное судно к поблескивавшему мраморному пирсу. Слуги побежали на корабль, чтобы забрать вещи Хатор-Ка и перенести их на берег. Одновременно, запыхавшись, подоспели носильщики и притащили на плечах носилки для госпожи. Это не рабы, а бритоголовые послушники храма, который содержала Хатор-Ка.

Выйдя на берег, жрица забралась в носилки и уселась на трон, укрытый от солнца пологом из золотой парчи. Трон был сделан из слоновой кости и благовонного дерева. Худые, но жилистые и крепкие послушники подняли шесты носилок на плечи и понесли их в сторону храмового дворца. Они шли особенным, внешне неправильным шагом, благодаря которому в носилках не ощущалось ни качки, но неровностей дороги. Мулэй встал позади трона, держа руку на рукояти меча. Несмотря на то, что путь их пролегал по землям, принадлежавшим Хатор-Ка, верный телохранитель ни на миг не позволял себе расслабляться.

К ним подбежал мужчина и почтительно раскланялся, а потом пошел рядом с носилками. Он был одет, как одеваются прислужники в богатых хозяйствах, но его простой белый килт был не из полотна, а из тончайшего шелка, а головной убор расшит золотой ниткой. Он держал в руках кнут - знак власти надсмотрщика.

- Госпожа моя, - доложил он, - с тех пор как ты отбыла, мы собрали замечательный урожай пшеницы, а также чечевицы и лука. А потом сделали новые посевы. Умерло три тысячи двести восемьдесят четыре раба, зато родилось пять тысяч семьдесят пять, и похоже, что большинство выживет. Что касается другой живности, то скотина...

- Прекрасно, Птах-Менкаури, прекрасно, - отмахнулась от доклада хозяйка земель. - Попозже вечером ты все это изложишь мне письменно. Меня особенно интересует, как дела с добычей камня для новых храмов в Кеми. Тамошним жрецам уже не терпится приступить к строительству.

- Все будет сделано как ты велишь, госпожа, - пообещал надсмотрщик, простираясь в пыли возле носилок. Не в пример многим своим "коллегам" по колдовской иерархии Стигии - аскетам, углубленным исключительно в духовные сферы, - Хатор-Ка числилась еще и среди богатейших землевладельцев своей страны. Богатства ничуть не уступали ее чародейским способностям. И то и другое позволяло ей по-хозяйски заправлять в приречной стране.

Носилки двигались по несколько возвышенной дороге, вымощенной белым песчаником. Она тянулась от далекого укрепления, постепенно спускаясь к реке. По бокам расстилались тучные и ухоженные земли, на которых и в эту самую минуту не прекращался усердный труд. По временам у дороги попадались статуи, высеченные из зеленовато-черного камня. Фигуры походили одновременно на людей и животных и производили странное, беспокоящее впечатление. Работники не любили их рассматривать. Часто бывало: оглянешься - и кажется,

что статуя передвинулась...

В стране храмов, одновременно возносящихся и подавляющих, святилище, принадлежавшее Хатор-Ка, иначе, как весьма скромным, назвать было нельзя. Бог, которому она служила, был не из тех, что требуют роскоши. Храмовый дворец окружали здания поменьше. В них обитали слуги Хатор-Ка, ее рабы, жрецы и послушники. Во дворце обитала только она. В одиночестве.

Послушники внесли носилки в зал храмового придела. Вдоль стен рядами стояли колонны. Их капители в виде цветков лотоса тонули в потемках. В толстых стенах виднелись узкие маленькие окошки. Они располагались высоко наверху, дабы глаза мирян не могли подсмотреть ритуалы, отправлявшиеся внутри. Окошки служили в основном для проветривания: сквозь них наружу выходил дым благовоний... а то и куда менее приятные запахи, порою поднимавшиеся с алтаря. Освещался зал факелами, лампами и огромной "огненной корзиной", висевшей перед алтарем.

Носилки опустились на полированный пол, и Хатор-Ка сошла с них. Ее тут же приветствовал бритоголовый жрец; единственной деталью наряда, отличавшей его от послушников, был плащ из леопардовой шкуры, который ниспадал с одного плеча, оставляя другое обнаженным. Жрец преклонил колени и коснулся лбом пола возле сандалий Хатор-Ка.

- О Госпожа, Восседающая Одесную Отца Сэта, - проговорил он нараспев, добро пожаловать домой. Мы, Твои ничтожные слуги, желаем Тебе жить и здравствовать десять тысяч лет...

- Встань, Сенмут, - ответила она. - Даже мне смешно всерьез надеяться на такой срок! Однако, если наши планы принесут должные плоды, я получу в свое распоряжение по крайней мере девятьсот лет, а значит, по столько же достанется моим верным слугам. Все ли у нас хорошо?

Жрец поднялся на ноги:

- Все как нельзя лучше, госпожа. - Теперь, когда он оставил священнический тон, оказалось, что голос у него тихий и приятный. - Мы до последней мелочи исполнили все ритуалы, которые ты нам предписала, и пристально следили за твоими коллегами...

- Только один беспокоит меня, - сказала она. - Что слышно о Тот-Амоне?

- Наш соглядатай, проникший в его окружение, сообщает, что в минувшие недели он провел немало времени в трансе, вызываемом испарениями черного лотоса. Нет сомнения, что он занят подготовкой какой-то могущественной волшбы. Но никаких признаков того, что он ознакомился с пропавшим отрывком из Книги Скелоса, покамест не обнаруживается...

- Не случалось ли ему общаться с Тураном, Вендией или Кхитаем?

- Спустя несколько дней после твоего отъезда он получил послание от великого вендийского мага - Джаганата, - ответил Сенмут.

Услышав это имя, Хатор-Ка ощерилась:

- Какого рода послание?..

- Простой обмен любезностями, - заверил ее жрец. - Послание, по-видимому, представляло собой ответ на запрос Тот-Амона о свойствах вендийской породы синего лотоса. Джаганат пообещал прислать образцы цветов, когда они распустятся в следующий раз, и с ними - семена и немного почвы. По всей видимости, послание путешествовало в течение нескольких месяцев...

- Это утешает, - проговорила жрица. Значит, великие колдуны не обсуждали никаких

страшных тайн. - Вознаградить соглядатая. И вот еще что, Сенмут...

- Да, госпожа?

Она бросила на него взгляд, от которого издохла бы и кобра.

- Если я обнаружу такого же соглядатая в своем собственном доме, Сенмут, ты пожалеешь, что вообще родился на свет.

Жрец сложил руки на груди и низко поклонился:

- Тебе нечего страшиться, госпожа моя. Я неустанно беспокоюсь о сохранности твоих тайн. А о безопасности твоей священной особы недреманно заботится отважный Мулэй...

В сопровождении только что упомянутого Мулэя Хатор-Ка обогнула алтарь и сквозь дверь вышла в жилую часть здания. Там ее почтительно приветствовала группка девушек-рабынь. Они повели свою хозяйку принимать ванну. Горячую воду принялись таскать сразу, как только на реке был замечен черный штандарт Хатор-Ка. Весть об этом принесли во дворец вспышки начищенных бронзовых щитов, сверкавших на ярком стигийском солнце. По этому же сигналу и послушники помчались на берег с носилками.

Мулэй не отлучался от госпожи и последовал за нею даже в купальню. Юные невольницы совлекли с хозяйки одежду, и она нагишом вступила в воду, благоухавшую драгоценными маслами.

В отличие от многих домашних слуг Хатор-Ка, Мулэй сохранил свое мужское естество в неприкосновенности. Он с большим интересом присматривался к точеным фигуркам молоденьких рабынь, облепленным промокшими от пара рубашечками. Но при виде обнаженной красоты Хатор-Ка ему как-то не явилось на ум ни одной лишней мысли. Для Мулэя хозяйка была не обычной живой женщиной, а как бы просто предметом страха и поклонения. Он с радостью отдал бы за нее жизнь, но смотреть на нее, как мужчина смотрит на женщину?.. Такое ему даже в голову не приходило. Если бы кто спросил его, не влечет ли его это несравненное тело, не вызывает ли нагота Хатор-Ка понятного плотского возбуждения, Мулэй, вероятно, сначала искренне изумился бы, а потом - зарубил святотатца безо всякого сожаления. Поставить госпожу на одну доску с простыми смертными! Для Мулэя это и было самое настоящее святотатство...

- То сообщение о Джаганате встревожило меня, Мулэй, - сказала ему Хатор-Ка. - Его переписка с Тот-Амоном выглядит вполне невинной, и к тому же Тот-Амон, похоже, ведать не ведает о моих планах. Если бы некто вроде него, да еще живущий так близко, начал что-либо замышлять, я бы непременно почувствовала. Однако Джаганат хитер, очень хитер! Весьма в его вкусе рассылать ничего не значащие письма коллегам по искусству именно ради того, чтобы скрыть свои истинные намерения... Значит, ты уверен, что, когда мы находились в Хоршемише, там же присутствовала и группа вендийцев?..

- Всего двое, - ответил Мулэй. - Торговец тканями, с которым я переговорил, сказал, что узнает вендийцев с первого взгляда: все дело в любимых ими тканях. Один из двоих был пожилой толстый мужчина, а второй невысокий гибкий юноша. Возможно, это совсем не то, чего ты опасаешься, госпожа. Быть может, это простые купцы...

- Ну и чем они торговали? - осведомилась Хатор-Ка. Действуя губкой, смоченной в душистом масле, она умывала свое тело, действуя тщательно и совершенно бесстрастно. Так другой человек чистил бы колесницу. - Какие товары у них были с собой? Или они разведывали новые торговые пути? Предлагали ли они городским чиновникам взятки, чтобы их не притесняли на рынке?..

- Ты сама знаешь, госпожа, - возразил Мулэй, - для того, чтобы поподробнее разузнать о

тех вендийцах, у нас не было ни времени, ни возможности...

- Знаю, Мулэй, - сказала Хатор-Ка. - Быть может, я действительно делаю из мухи слона. Но можно ли не быть излишне подозрительной, когда ставки так высоки?.. Вендийцы редко заезжают столь далеко в западные пределы. И чтобы двое из них случайно оказались в том же самом городе, где мы предпринимали нечто жизненно важное?.. Простое совпадение?.. Ох, не верится что-то! Я никогда не видела Джаганата и не узнала бы его в лицо. Хотя, с другой стороны, у нас, сведущих в Искусстве, есть свои способы распознавать себе подобных... Похоже, однако, этот так называемый купец намеренно старался не попадаться мне на глаза. Сидел в четырех стенах. А это, насколько я вообще знаю купцов, достаточно странно!

- Но если там действительно был твой соперник, - сказал Мулэй, - чего он добивался? Он не предпринимал никаких попыток вмешаться в наши дела. Я, по крайней мере, ничего не заметил...

- Возможно, он шпионил, - предположила Хатор-Ка. - Возможно, он шпионил за мной, разузнавая, чем же я таким занята. Не исключено также, что он сам пробовал нанять киммерийца. Если пробовал, то, значит, ничего у него не вышло: я мигом выведала бы об этом у простодушного дикаря. Значит, можно предположить, что дело все-таки в совпадении. Маловероятное, конечно, предположение, но ведь Хоршемиш - один из знаменитейших мировых перекрестков... Где еще встретиться людям, занятым одинаковым предприятием?.. Но, как бы то ни было, все случившееся мне определенно не нравится. После Тот-Амона этот самый Джаганат - наиболее опасный среди всех моих собратьев по колдовству. Менее всего мне бы хотелось, чтобы пропавшим куском Книги Скелоса завладел именно он!

- Но каким образом этот отрывок мог угодить ему в руки? - спросил Мулэй. Чародейские хитросплетения ничего, кроме отвращения, у него не вызывали. Он был пустынным воином, человеком прямого действия. Но обсуждать и тем более осуждать деяния своей госпожи?.. Да никогда.

- Подобные вещи не подчиняются обычным законам случайности, - сказала Хатор-Ка. Она вышла из ванны: дымящаяся вода ручейками сбегала с густых волос и роскошного тела. Девушки принялись вытирать ее полотенцами, между тем как она продолжала объяснять телохранителю: - Много раз бывало так, что некий текст или предмет словно бы сам, по собственной воле, оказывался прямо под носом у мага. Это знак проявления Высших Сил, для которых мы - всего лишь пешки на игральной доске. Если Джаганат наткнулся на утерянный фрагмент, а Тот-Амон и знать о нем не знает, следовательно, такова была воля Сил...

- Но, госпожа, если Высшие действительно вмешиваются, как можешь ты... или твои соперники... рассчитывать на успех? - спросил Мулэй. Ему вдруг сделалось не по себе. - Прости, но не с Богами же вы намерены состязаться?..

- Глупец! - рассерженно прикрикнула на него Хатор-Ка. Потом добавила уже помягче: - Я, как всегда, позабыла, что ты несведущ в такого рода делах, мой верный Мулэй. Если бы я удовлетворялась простым исполнением воли Богов, я так и осталась бы обыкновенной жрицей, не более. Но я выбрала для себя иной путь. Я стала волшебницей, а это значит, что я не намерена склоняться даже и перед Самими Богами. А если эти самые Боги или иные Высшие Силы намерены поиграть со мной в игры, что ж! Я постараюсь играть чуточку лучше Их...

Мулэй собирался хранить верность Хатор-Ка при любых обстоятельствах, но от мысли

скрестить мечи с Богами на его обычно безоблачном челе выступил пот.

- А что ты скажешь, госпожа, о северном Боге по имени Кром, про которого говорил тот варвар? Есть ли у Него вообще какая-то власть?

- Мне доводилось читать кое-что об этих северных Божествах, - ответила Хатор-Ка, облачаясь в легкие одеяния, почтительно подаваемые рабынями. - Это самые настоящие Боги, пусть и не из главных. Ничего такого, что стоило бы равнять с нашим Отцом Сэтом!

И она сотворила священный Знак Змея. Ее движение тотчас повторили все присутствовавшие в комнате люди.

- Имир и киммерийский Кром - всего лишь исполины, завоевавшие божественное достоинство только благодаря тому, что в течение тысячелетий оставались наиболее могущественными Существами на безлюдных пустошах Севера. У Них нет магических тайн, и Они весьма мало интересуются людскими делами. Они даже на тех, кто Им поклоняется, обращают весьма мало внимания. Истинные Боги, Боги Юга, без конца строят заговоры и всячески борются за то, чтобы упрочить Свою власть на Земле. А мы, волшебники, живем и процветаем, черпая силу в этой борьбе за власть, происходящей между великими Силами...

От подобных разговоров Мулэю делалось все неуютнее.

- Но если северные Боги столь незначительны, - сказал он, - почему важнейшее событие должно состояться не где-нибудь, а непременно в пещере Крома?..

Хатор-Ка некоторое время молчала. Потом произнесла:

- Я сама об этом задумывалась. Действительно, у нас на Юге множество мест куда более подходящих Но у Богов, конечно, есть свои причины выбрать именно ту гору. Была своя причина и для того, чтобы соответствующий фрагмент оказался утрачен даже из тех немногих списков Книги Скелоса, которые считались наиболее полными. В общем, дело обстоит так, как если бы Боги хотели вручить этот текст наиболее продвинутым чародеям, а потом заставить их пропутешествовать в отдаленнейший уголок мира, чтобы там состязаться в силе, оспаривая высшую власть...

- Но как же Они обошли Своим вниманием Тот-Амона? - трепеща от сознания собственной дерзости, осведомился Мулэй. - Все считают его одним из наиболее могущественных колдунов...

К его великому облегчению, Хатор-Ка не прогневалась, лишь задумчиво наморщила лоб.

- Может быть, - сказала она наконец, - Высшие Силы уготовили Тот-Амону какую-то иную судьбу?..

Глава восьмая
КЛАНЫ СОБИРАЮТСЯ ВМЕСТЕ

Конан гнал коров. Впервые с тех пор, как он перестал быть мальчишкой. Вместо меча в руке у него была хворостина, и ею он направлял непослушных буренок вниз, к месту зимовки. Наверху, там, откуда они уже ушли, все ниже нависали темные облака, обещавшие снег. Конан шел к новому месту жительства вместе со своими родственниками - Милахом, Дейтрой и Куланном - и, подобно им, тащил на могучем плече отмеренную ему часть кровельных шестов.

И странное дело! Домашние дела и заботы, которые в юности вызывали у него своей тяжелой монотонностью столько раздражения и обиды, теперь казались ему чем-то само собой разумеющимся. И даже внушали некую уверенность в том, что не все пропало, что все еще будет хорошо. Конан не возражал даже тогда, когда старшие родственники временами начинали бранить его, как мальчишку. Это тоже было вполне в обычае киммерийцев. Если бы запахло рукопашной, Конан, Куланн и Милах схватились бы за мечи и выступили плечом к плечу, как воины и ровня друг другу. Все остальное время Милах и Дейтра обращались с Конаном и Куланном, как с несмышлеными юношами. Внутри маленького мужского общества, естественно, Конан и Милах держались как старшие ровесники, тогда как Куланн перед ними был еще почти ребенком. А возле домашнего очага безраздельно главенствовала Дейтра. Она помыкала троими мужчинами и раздавала затрещины, отлично зная: начнись какая-нибудь заваруха, и ее мигом укроют в высокогорной долине, а мужчины, от мальчишек до стариков, обнажат оружие и выйдут против врага...

... Когда они добрались до места традиционной зимовки клана, оказалось, что почти все остальные уже прибыли. Всеобщий сбор вполне отвечал воспоминаниям Конана: в долину сошлось не менее трех, а то и четырех сотен людей. По южным меркам, киммерийцы никак не могли быть названы многочисленным племенем. Но чего им не хватало в количестве, они брали качеством. Начать хоть с того, что каждый мужчина был воином. Даже однорукий ремесленник, весьма охотно хватавшийся единственной уцелевшей рукой за оружие. Киммерийские женщины были рослыми и статными, дети - шустрыми и подвижными и быстро взрослели.

Соседи-северяне часто называли киммерийцев "черноволосыми", но не у всех волосы были одного цвета, хотя темные оттенки, бесспорно, преобладали. Глаза у большинства были светлые - серые, синие, голубые, - однако встречались и карие. А вот что бесспорно отличало киммерийцев от всех соседних племен, так это их сила, могучее телосложение, язык и - самая главная особенность невероятное упорство и легендарная способность биться до последней капли крови, не отступая и не сдаваясь...

Конан с родственниками загнали свое стадо в общую загородку, где уже помещался другой скот, и закрыли ворота. Здесь, на обширном выгоне, стадо будет пастись до весны, если только снег не станет слишком глубоким. Весной стадо разберут владельцы, благо все клеймили скотину по-разному. И это тоже был киммерийский обычай, существовавший с поистине незапамятной древности.

Когда коровы были надлежащим образом устроены, Конан с родней подобрали свои

кровельные шесты и понесли их к каменной коробке дома, намеченного Дейтрой. Остаток дня прошел за работой: они укладывали шесты, резали дерн для кровли, выкладывали возле двери торф и высушенный коровий навоз - на топливо. По сравнению с той жизнью, к которой Конан успел привыкнуть на Юге, здешний быт выглядел попросту первобытным. Но Конан сам чувствовал, что удивительным образом черпает в нем силы. Милах все же прав: вот она, настоящая человеческая жизнь. С другой стороны, Конан понимал, что при его-то жажде странствий, вздумай он здесь задержаться, он бы подобной жизнью довольно скоро "объелся"...

Укладывая на крышу последний пласт дерна, Конан посмотрел вниз и увидел, что перед дверью домика собрались люди. Кое-кого из них он даже узнал. Неторопливо уложив дернину на место, Конан слез наземь. Его оружие лежало вместе с мечами Милаха и Куланна - внутри. Но, оказавшись безоружным среди свирепых вооруженных мужчин, Конан впервые за долгие годы никакой опасности не ощутил. Ибо все это были его родственники. Им, может быть, и не нравилось, как он себя вел. Но родство оставалось родством.

Конан отряхнул землю с рук и подошел к высокому седеющему бородачу, стоявшему впереди остальных. Этот человек был очень похож на самого Конана, если не считать длинной темной бороды. Его оружие, с виду простое и ничем не украшенное, было великолепнейшей работы. Не выделялся он и нарядами; однако нечто неуловимое выделяло его среди остальных.

- Приветствую тебя, Канах, - сказал Конан. Сам он и все остальные принадлежали к клану Канахов. А этот человек так и звался: Канах. Канах из клана Канахов. Вождь.

- И ты здравствуй, Конан, - отозвался Канах. - Много зим мы тебя не видали. В твоей семье почти не осталось мужчин. Ты вернулся, чтобы снова жить среди нас?

- По крайней мере, на какое-то время, - сказал ему Конан. - Я должен исполнить здесь, в горах, одно поручение, а прежде того рассказать о нем перед советом вождей.

- Расскажешь, - кивнул Канах. - Когда придет твоя очередь. Нынче вечером нам многое потребуется обсудить. Я рад видеть тебя, Конан, хотя в прошлом мы с тобой не очень-то ладили. Похоже, этой зимой нам потребуются все наши лучшие воины...

- Значит, - спросил Конан, - предстоит обагрять копья? Странное время для войны...

- Много странного сейчас происходит, - сказал Канах. - Сегодня вечером ты сам обо всем услышишь на сходке.

С этими словами вождь повернулся и пошел прочь, и за ним свита.

Конан забрал из дому свое оружие и двинулся в обход деревушки, возобновляя старые знакомства и расспрашивая о друзьях и общей родне. Он не слишком удивился, узнав, что большинства его прежних друзей уже нет в живых. Смерть всегда была частой гостьей в горных селениях. К тому же приятели Конана были беспутными юнцами вроде него самого. Вот они и окончили свои жизни, толком еще не начавшиеся...

Там и сям разгорались костры: здешняя долина располагалась недалеко от Пиктских Дебрей, и за десять лет, пока ее не посещали, успел накопиться хворост, пригодный на дрова. На торф придется переходить не раньше чем с середины зимы. У костров ходили вкруговую горшки пива, сваренного на нижних землях. Люди пели песни - странные, жутковатые, все без исключения похожие на похоронный плач, - песни, которые только и могла породить эта суровая земля.

Потом зашло солнце, и лишь отсветы из-за горизонта еще озаряли заснеженные вершины. Однако внизу, в долине, по-прежнему висел сырой осенний туман и моросил

дождик. Прежде чем здесь выпадет снег, успеет смениться луна. Отряды охотников уже наведались в ближние холмы, заросшие лесом, и добыли нескольких оленей и кабанов. В деревне вкусно пахло жарящимся мясом, а мужчины затеяли состязания: прыгали кто выше, бегали наперегонки и метали тяжелые камни. При этом, в отличие от собратьев-северян или пиктов, киммерийцы никогда не соревновались между собой не только на мечах, но даже и на палках. Слишком серьезно рассматривали они всякую схватку. Если уж киммериец брался за оружие, так только для того, чтобы убить!

Вокруг самого большого костра посередине деревни сидели вожди. Они ели мясо и передавали один другому кувшины с пивом. Конана пригласили к этому костру, и пышноволосая девчушка лет пятнадцати вручила ему большой ломоть оленины. При этом ее зоркие, можно даже сказать, хищные глаза обежали его мускулистую фигуру от макушки до пят: это был оценивающий взгляд женщины, старающейся определить достоинства возможного мужа. О возвращении Конана уже прошел слух, а она была еще не просватана. И поди-ка заполучи в женихи киммерийского мужчину в самом расцвете лет. Редкость!

Конан завернул кусок дымящейся оленины в плоскую овсяную лепешку и запустил в него зубы. Жестковатое мясо показалось ему восхитительно вкусным. И вызвало в памяти сотню таких же пиров, когда он, мальчишка, дрался со сверстниками из-за объедков, оставленных взрослыми. Конан запил мясо добрым глотком пиктского ячменного пива и услышал, как его приветствовал седобородый старейшина, сидевший неподалеку:

- Здравствуй, родственник. Я знал твоего отца и деда.

- И я помню тебя, Анга, - отозвался Конан.

Старейшина слегка нахмурился:

- Чудным каким-то акцентом ты обзавелся, сын кузнеца Вот что значит - жил на чужбине!

- Мне и на Юге все про мой акцент говорили, - пожимая плечами, сказал Конан. - Похоже, я ни одного языка в совершенстве так и не выучил.

Была у киммерийцев еще одна черта, разительно отличавшая их от соседей асов и ванов. Если те пировали до самозабвения весело и разухабисто, то киммерийцы даже на величайших праздниках сохраняли торжественную серьезность. У воинов не было привычки, напившись, хвастаться подвигами, тем более драться между собой. Хотя пиво и на киммерийских пирах обычно лилось рекой.

Утолив первый голод, Конан несколько затосковал по доброму рукоприкладству - конечно, бескровному.

- Вот у асов на пирушке, - сообщил он сидевшим поблизости, - сейчас уже хватались бы за мечи, а стропила подскакивали бы от воинственных песен, и воины вовсю выкликали бы имена вождей, которых им довелось зарубить

На старого Ангу его слова не произвели особого впечатления.

Это хорошо, - сказал он, - что ты наконец вернулся туда, где люди умеют себя вести как подобает!

- Вот именно, - вступил в разговор мужчина с печальным длинным лицом, сидевший по другую руку Конана. - Кому, кроме труса или глупца, взбредет на ум хвастаться убитыми врагами? Всякий воин - враг он тебе или друг - стоит ровно столько, сколько стоит его сердце и рука. Вот мне, например, случалось принимать жестокие раны от всяких там свинопасов с равнин. Зато я видел, как падали вожди, сраженные мальчишками, впервые вышедшими на поле битвы...

Мужчины кивали головами, соглашаясь, что прозвучавшие слова были мудры

- И все-таки, - упорствовал Конан, - я бы сказал, что в других странах знают цену веселью Там поют песни, играют на арфах и флейтах... Девушки танцуют, жонглеры мечут факелы, дрессировщики водят ученых медведей... А у нас что ни песня - все равно что мертвого несем хоронить.

На него оглянулись так, словно он говорил на чужом языке.

- Ну да шут с ним, с весельем, - вздохнул он недовольно. - Вам все равно не понять.

Конан увидел, как у края освещенного круга появился Куланн. Извинившись, он встал, прихватив с собой горшочек пива. Потом подошел к юноше и передал ему горшочек.

- Держи, двоюродный брат, - сказал он Куланну. - Выпей Не к лицу мужчине печаль в первый вечер зимовки.

Куланн отпил небольшой глоток и вернул горшочек.

- Спасибо, - коротко поблагодарил он Конана.

- Вот что, родственник, - сказал ему тот. - Я тут прослышал кое-что о тебе и о той девушке. Ты не первый, кто переживает такую потерю. Собери лучше друзей, и мы все вместе сходим за новой!

Куланн ответил ровным голосом:

- Мне нужна только она. Бронвит... Мы с ней дали клятву. Я ее жених.

- Ну... - ощущая неловкость, проворчал Конан, - если я правильно понял то, что мне рассказали, ваша клятва больше не имеет силы Даже Кром не станет спрашивать строго, если ты нарушишь обет, данный мертвой.

- Я ее мертвой не видел, - упрямо возразил Куланн. - Ее тела не было среди тех, что оставались на кочевье.

- Ты точно уверен, что ее там не было? - спросил Конан - Если не ошибаюсь, тела были в таком состоянии, что...

- Не было ее там! - с мрачной яростью выпалил юноша. - Я бы ее непременно узнал!..

- Даже если она жива, она потеряна для тебя навеки, - сказал Конан. Забудь и думать о ней.

- Никогда! - был ответ. - Я поклялся ей именем Крома, что приду и заберу ее с собой. И что ни ее родственники, ни демоны горные или небесные не смогут мне в том помешать!

Конан собрался было заметить ему, что давать направо и налево клятвы именем Крома было по меньшей мере неразумно... но вовремя прикусил язык: вспомнил свою собственную недавнюю неосторожность. Он только спросил:

- Ну и как же ты собираешься ее отыскать? Ты сам отлично знаешь: пленники, которых заковали в цепи и доставили на побережье, не возвращаются никогда...

- Этих никто на побережье не уводил. Там не ванские работорговцы орудовали, а какие-то демоны или сумасшедшие. Пленников увели на северо-восток!

- На северо-восток?.. - задумался Конан, отхлебывая пиво и роясь в своих географических понятиях. - В Асгард, что ли? Или в Гиперборею?..

- Нет. В те страны ведет много дорог, проложенных по удобным долинам. И в Пограничное Королевство тоже... Мы много дней следовали за похитителями, и они все время лезли вверх, в горы. На самые неприступные хребты, где живут только белые козы...

- Значит, к Бен Мору, - пробормотал Конан, чувствуя, как волосы на голове порываются встать дыбом.

- Вот именно. Мы почти добрались до Полей Мертвых и уже видели перед собой

снежный пик священной горы, когда спустилось очень плотное облако... Такое, что на расстоянии вытянутой руки ничего не разглядишь. И это был не обыкновенный горный туман! Облако оказалось черным, точно сердце вана, вот только дымом не пахло. Что до меня, я все равно пошел бы вперед, пусть даже и ощупью... но мои спутники идти дальше не захотели Они скрутили меня и силой оттащили назад...

- М-да, - сказал Конан. - А ты знаешь, похоже на то, что очень скоро нам с тобой придется действовать сообща. Подожди немного: послушай, что я стану говорить перед вождями...

- Действовать? - оживился Куланн. - О чем ты, двоюродный брат?

Ответить Конан не успел. Поднялся один из старейшин и, стоя перед костром, громко и протяжно протрубил в старинный рог. Это был великий рог всеобщего сбора, древнее, бережно хранимое сокровище клана Канахов. Когда-то, очень давно, его изготовили из рога громадного животного, неведомого в здешних горах. Всю его поверхность покрывали руны и рельефные резные фигурки. Легенда гласила, что он некогда принадлежал самому первому из Канахов.

Конан с Куланном передвинулись ближе к огню, туда, где сидели вожди. Собрание возглавлял Канах и с ним -предводители крупнейших родов (киммерийцы называли отдельные родственные семьи "септами"), а также наиболее прославленные воители. Многие из этих последних были люди самого простого звания, удостоенные чести сидеть среди старейшин не по принадлежности к могучему роду, а исключительно благодаря личным заслугам. Но были там и другие, и это обстоятельство мигом привлекло внимание Конана.

Рядом с Канахом сидел мужчина средних лет с волоса ми, заплетенными на висках в косы по обычаю клана Раэда У другого физиономия пестрела синей боевой раскраской - обычай Туногов. Этих-то что могло привести на собрание?.. Конану оставалось только недоумевать. В Киммерии, с ее бесконечными распрями, мирная сходка вождей разных кланов обычно происходила только на ярмарках: в середине зимы и ранней весной.

Вот Канах поднялся и простер обе руки над головой Громадный рог прозвучал еще дважды. И смолк.

- Дети Канахов! - прокричал вождь. - Все мы, не только клан Канахов, но и все кланы Киммерии, оказались перед лицом страшной опасности! Со времен Венариума нам еще ни разу ничто подобное не грозило... Нам следует объединиться и вместе побороться с напастью - или вымереть одному за другим, ибо враг не знает пощады. Настал час общей беды, а значит, мелкие войны должны быть немедленно прекращены. Никаких убийств из мести, никаких похищений девушек в жены! Никаких набегов за скотом!.. Пока вожди не объявят, что опасность миновала...

Слушатели, не сговариваясь, испустили общий вздох недовольства. Надвигались нескончаемо скучные зимние месяцы, и только что перечисленное Канахом представляло собой излюбленные развлечения.

Рог прокричал вновь, призвав к тишине.

- Вы все успели прослышать о попытке похищения девушки, предпринятой юным Куланном и его братьями, среди которых был и мой сын. Равно как и о том, что они обнаружили в становище Муррохов. Когда я сам услышал рассказ сына, я отправился из клана в клан, неся с собой белый щит мира. Я расспрашивал наших соседей, не было ли еще у кого подобных же происшествий... - Канах сделал паузу, люди клана слушали его молча,

взволнованно замерев. Сколько лет прошло с той поры, когда вождь последний раз путешествовал с белым щитом! А Канах продолжал: - И вот что мне рассказали... Многие становища - не менее сотни числом! - оказались уничтожены подобным же образом! Сидящие рядом со мной сами расскажут вам о своих горестях... - Тут он повернулся к мужчине с косами на висках и произнес обычную формулу приглашения к беседе: - Рорик из клана Раэда, скажи слово моим детям и братьям!

Тот поднялся.

- Я Рорик Раэда, - начал он. - Я брат Раэды Раэды. Я пришел сюда с белым щитом. Десять лун тому назад погибли шесть семей клана Раэда. Погибло сорок мужчин и женщин, и примерно столько же детей было уведено в высокие горы. И я говорю вам, что клан Раэда не обратит оружия против других киммерийцев, пока с напастью не будет покончено!

Произнеся эти простые, но веские слова, Рорик вновь сел.

- Твил из клана Туногов, - сказал Канах, - скажи слово моим детям и братьям!

Человек в синей боевой раскраске поднялся, опираясь на древко копья.

- Я - Твил, старший военный советник клана Туногов. Я пришел сюда с белым щитом. Нынешним летом было уничтожено четыре наших семьи. Тридцать душ погибло или попало в плен. Мы также знаем, что за пределами наших владений погибли две семьи из клана Лакхейш. Мы, мужи клана Туногов, раскрасили свои лица, готовясь к войне. Мы не смоем военной раскраски, пока с напастью не будет покончено. И до тех пор между нами и остальными кланами будет царить мир!

Туног сел.

- По словам Куланна, моего сына и остальных, выходит, что зло свило гнездо в горах близ Бен Мора, - несколько нараспев продолжал Канах. - Нечистым созданиям мало того, что они истребляют ныне живущих. Они решили надругаться еще и над мертвыми, ведь дорога в те места и обратно проходит Полями Мертвых! Не имеет значения, что это за существа. Люди или нелюди - они наши враги! Они осквернили землю Киммерии. Они должны умереть.

- Есть ли хоть кто-нибудь, кто воочию видел демонов и остался в живых, чтобы рассказать? - спросил седобородый воин.

- Один мальчик из клана Раэда пас овец неподалеку от становища как раз во время налета, - ответил ему Рорик. - Мальчик заметил какую-то суматоху в селении и побежал узнать, что же случилось. Он увидел с края высокой скалы, что поселение окутал очень странный черный туман. Он никогда еще не видел такого тумана. Мальчик лег ничком и стал наблюдать. Спустя время облако снялось с места и поползло на северо-восток. Он слышал, как там, внутри, плакали дети. Потом он рассмотрел разрушенные дома и трупы, лежавшие среди развалин. В том селении погиб Чамта, наш величайший воитель... Кто-то вырвал его сердце из груди и сожрал!.. Но и на мече Чамты остались чешуя и черная кровь Чешуи не металлические, вроде тех, в которые облачаются ваны Казалось, Чамта ранил гигантскую рыбину или змею Никому из нас не захотелось прикасаться к таким нечистым вещам, и мы сожгли их там же, где и нашли

- Завтра мы разошлем Кровавые Копья, чтобы собрать воинов всех кланов к Стоячему Камню, что на Поле Вождей, - сказал Канах. И указал на половинку луны, сиявшую в небесах - Воины соберутся там, когда луна снова станет полна Все до последнего человека!

- Не все! - сказал Конан, выходя в круг света. - Меня там не будет Я сперва должен сделать кое-какие иные дела.

Толпа народа разразилась возгласами удивления, разочарования и презрения. Стоявшие

ближе других отодвинулись прочь, как если бы рядом с ним можно было запачкаться Канах смотрел на него, гневаясь и не веря себе.

- Ты отроду ни с кем не считался, Конан, - сказал он наконец. - Но трусом ты, кажется, до сих пор не был

- Дело не в трусости! - проворчал Конан. - Дело в том, что я дал слово и должен его сдержать... - И он, стараясь говорить как можно короче, рассказал о деле, на которое подвигла его необдуманная клятва, данная Хатор-Ка. - Теперь вы видите, - закончил он свою невеселую повесть, - если я стану дожидаться собрания кланов и похода через Поля Мертвых, я не доберусь до Бен Мора ко дню осеннего равноденствия. Чтобы поспеть, я должен отправиться туда прямо завтра...

Канах плюнул наземь:

- И почему я не умер, не увидев дня, когда мой родственник поставит клятву чужеземной колдунье превыше блага своего клана?..

- Превыше всего для меня верность данному слову! - рявкнул Конан. - Я поклялся именем Крома! И тот, кто попробует заставить меня отказаться от клятвы, подавится сталью! Хотя бы он был моим собственным братом!

Конан хлопнул ладонью по рукояти меча. В ответ на это движение добрая сотня мужчин выхватила оружие. Слитный шорох ста мечей, извлекаемых из ножен, породил эхо в долине.

- Остановитесь! - крикнул Канах. Все замерли на своих местах. Вождь продолжал жечь Конана гневным взглядом: - Ты, Конан, редкостный дурак. Таким ты родился, таким, верно, и помрешь. Но ты, конечно, не трус. Надо поистине быть храбрецом, чтобы бросить вызов всей вооруженной мощи клана Канахов... Что ж, отправляйся за этим своим проклятым делом: я не сомневаюсь, что это еще одно несчастье в той цепи зол, которые нам уготованы... Если в дороге выяснишь что-нибудь, присоединяйся к походу кланов, как только сможешь. А если попадешь в плен... - тут он наставил на Конана указующий палец и заговорил голосом угрюмым и непреклонным, точно сама судьба, - ... если попадешь в плен - умри под пытками, ни словом не упомянув о нашем собрании и о тех решениях, которые мы здесь принимали!

- Да уж не бойся, не заговорю, - проворчал Конан. - Этот клан, кажется, еще не рождал слабаков. А ты, Канах, сделай одно хорошее дело. Когда станешь рассылать Кровавые Копья, отправь одно Вульфхере асу, если только он еще жив. Передай ему, чтобы приходил со своей дружиной сражаться вместе с нами. Скажи, мол, Конан зовет его. Он мой давний должник...

Тут поднялся один из воинов. Его лицо от лба до подбородка пересекал чудовищный шрам. Края плохо сросшейся раны мешали ему открывать один глаз. Он спросил:

- Когда это нам требовалась помощь желтоволосых?..

- Она нужна нам сейчас! - сказал Твил Туног. - Во имя Крома, нам пригодится любая помощь! Учитывая, что за враг перед нами, я бы и от ванов принял подмогу!..

Из потемок в круге света появился рослый юноша.

- Конан завтра пойдет не один, - прозвучал голос Куланна. - Я иду с ним.

- Прежде чем идти, назови-ка причину, да притом достойную! - сказал Канах. - Если ты хочешь прославиться, первым сойдясь с врагом, так лучше скройся и не позорь свой дом! Твое место - среди воинов рода!

- Я тоже дал клятву, - просто и с достоинством ответил Куланн - Я долго ждал, пока мне представится случай ее соблюсти. Речи Конана напомнили мне о моем долге...

- Ладно, - вздохнул Канах. - Идите, если иначе не можете. Грех осуждать людей за то,

что они верны своему слову... - Его суровые глаза старались пронизать сумрак за пределами освещенного круга. - Я говорю только об этих двоих! Все остальные, кто способен носить оружие, отправляются со мной к Стоячему Камню!

И указал пальцем на молодого человека, державшегося поодаль от костра:

- Ты, мой сын, возьмешь своих двоюродных братьев и отправишься на розыски трех семей, которые еще не прибыли. Выясни, не расправились ли с ними чудовища. А вы, остальные... - и он обвел собрание яростным взглядом, готовьтесь к тяжелому переходу и к бою, который будет еще тяжелей!..

В полночной тьме Конан, Куланн и Милах молча шли к своему домику на краю поселения. Остановившись у двери, они оглянулись на поселение, скупо освещенное кострами, догоравшими перед некоторыми жилищами. С той стороны доносился звук, напоминавший сдержанное гудение роя насекомых. В нем мешались скрип, звон и царапанье. И производили его вовсе не насекомые. Это каменные точила скользили по лезвиям мечей, кинжалов, секир и наконечников копий. Киммерийцы, и в благодушном-то настроении производившие впечатление людей свирепых, готовились к бою с тщательностью поистине ужасающей...

- Все мечи вдосталь умоются кровью... - проговорил Милах. И повернулся к Куланну: - Ну что, паренек? Все еще сожалеешь, что опоздал родиться и не поспел к осаде Венариума?..

- В тот раз вы, по крайней мере, сражались с врагами из плоти и крови, ответил Куланн. - Я бы лучше пошел в одиночку на десять тысяч обыкновенных врагов, чем на поганых неведомых тварей с Бен Мора...

- Меч Чамты уже доказал, что, когда их порежешь, у них течет кровь, сказал Конан. - А коли у них течет кровь, то, во имя Крома, это значит, что их можно прикончить! Пошли-ка немного поспим: прежде чем над горами взойдет солнце, мы должны уже спешить по дороге к Бен Мору!..

Глава девятая
НА ПОЛЯХ МЕРТВЫХ

Старкад хлопал в ладоши, стараясь согреть руки: даже его широкий плащ из куницы и волчьего меха не мог спасти от горного холода. Дыхание паром вырывалось из ноздрей и, схваченное утренним морозом, оседало на нащечниках полированного железного шлема, отделанного серебром. Холодно было в горах, зверски холодно! Когда люди Старкада пробудились нынешним утром, их латы густо покрывал седой иней...

Вождь посмотрел из-под стрелки шлема на человека, сидевшего на выступе скалы выше по склону. Это был Джаганат, и занимался он явно тем, что готовил какую-то бесовщину. Старкад ничуть в том не сомневался. В обычное время вендиец, уроженец теплой страны, был гораздо чувствительнее к холоду, чем самый "изнеженный" среди северян. И вот поди ж ты! Сидит, скрестив ноги, на самом юру, облаченный всего-то в набедренную повязку да тюрбан, можно сказать, голой задницей на льду... выставив непристойно жирное тело на лютый морозный ветер, который и Старкада-то до костей пробирал...

Молодой вендиец, тот, которого звали Гопалом, наоборот, кутался в меховую одежду такой толщины, что мог бы сойти за небольшого кругленького медведя. Он подошел к Старкаду, бочком передвигаясь по склону.

- Мой дядя творит великую магию, северянин, - сказал он вождю.

- А со стороны похоже, что спит, - отозвался ван. - Я еще понимаю, плясал бы, вопил, руками размахивал... А то ни жертв не приносит, ни дыма тебе, ни пламени...

- То, о чем ты говоришь, - - фокусы для простодушных детей, - сказал Гопал. - Истинные подвиги магии совершаются вот здесь... - И пальцем в перчатке он постучал себя по виску сквозь меховую шапку. - Настоящие маги, такие, как мой великий дядя, могут месяцами пребывать в трансе, беседуя с Богами и творя могущественное колдовство!

Старкад сверху вниз посмотрел на коротышку и фыркнул. По обе стороны шлемовой стрелки вырвались струйки белого пара.

- Мы, - сказал он, - на наших священных праздниках сотнями вешаем пленников на деревьях заповедных рощ. А остальным режем глотки, обливая кровью почитаемые камни. Это ублажает Имира и дарует нам победу в войне. Вот волшба, которой я верю! А то, понимаешь, какое-то бормотание... ме... меди... медитации разные!

Юноша лишь улыбнулся с видом полного превосходства. Старкаду же стало ничуть не легче от высказанных вслух полупрезрительных слов. Хотел бы он знать, каким образом толстяк выдерживал холод?..

- Этот мороз происходит не от естественных причин! - сказал ван, решив переменить скользкую тему. - Мы, конечно, забрались высоко, но такого холода здесь еще не должно быть. Сейчас только середина осени, а морозит так, словно стоит коренная зима!

- Все дело в том, что в этих местах сшибаются могущественные волшебные силы, - ответил Гопал. - Чему ты удивляешься? Самим Богам нынче не по себе. Силы Неба, Земли и Нижнего Мира сошлись в схватке за первенство. В такие времена само Колесо Вечности придерживает свое вращение, а привычные вещи происходят не так, как всегда... Смотри! - Гопал вытянул руку, указывая в небеса. - В этом году загорелась новая звезда. В созвездиях

Скорпиона и Дракона вспыхивали кометы, а потом неожиданно пропадали. В море видели странных тварей, летом стоит иссушающая жара, зимой свирепствует небывалый мороз... Стигию нынешним летом дважды затапливал ужасающий ливень: подобного не видело много поколений! Земля сотрясается от края до края: незримые драконы грызутся в ее недрах...

- Хватит! - поежился Старкад. - Как я жалею, что согласился сопровождать тебя и твоего сумасшедшего дядю, что вообще дал себя впутать в эту дурацкую историю...

- Не обманывает ли меня слух? - спросил Гопал. -Может ли такое быть, чтобы великим воителям Ванахейма, оказывается, ведом был страх?..

Старкад потянулся было схватить и как следует встряхнуть коротышку, но вовремя одумался и опустил руки.

- Нет такого воина, который не страшился бы черной магии, ты, дуралей, проворчал он. - Никто не видит бесчестья в этой боязни. Одно дело - завоевать расположение Божества, принеся Ему жертву. И совсем другое - играться с Силами, постичь которые не дано человеческому уму! Вот это-то мне и не нравится!..

- Зато ты любишь золото, - улыбнулся Гопал.

- Верно, люблю. Очень даже люблю. И не будь вы с дядей так нафарширована золотом, я сейчас сидел бы у себя в доме, как подобает уважающему себя предводителю. Скажи спасибо, что я побаиваюсь колдовства твоего дядюшки! Не то я давно бы уже прирезал вас обоих и забрал казну себе...

Гопал засмеялся:

- И впрямь хорошо, что ты опасаешься. Хорошо для тебя же, Старкад. Уж не думаешь ли ты, что такому магу следовало бы бояться чего-то со стороны мелкого разбойничьего вожака вроде тебя?.. Великому Джаганату случалось втаптывать в кровавую пыль целые армии...

- Тогда, - с торжеством спросил Старкад, - на кой ляд ему вообще понадобился эскорт?..

- Да уж не затем, чтобы он охранял его от каких-то там киммерийцев, высокомерно заявил Гопал. - Просто, когда мы доберемся до нашей цели, он должен будет сотворить еще более могущественную волшбу. Вот дядя и не хочет, чтобы кто-то начал беспокоить его посредине обрядов, требующих полного сосредоточения...

На этом их разговор был прерван самым невежливым образом. К ним, недобро поглядывая на вождя, подошла группа ванов, возглавляемая тем самым здоровяком воином, что еще дома подвергал сомнению целесообразность похода. Он сказал:

- Поговорить бы надо, Старкад!

Старкад отвернулся от ученика колдуна и небрежно оперся на боевой топор:

- О чем станем говорить, Гверт?

- Мы тут с ребятами перекинулись словечком, - басовито пророкотал тот в ответ. - Мерзкая погода, которую мы нынче терпим, не иначе, происходит от какой-нибудь дьявольщины. Это великанская зима, навеянная демонами! А уж путешествовать в обществе колдунов - совсем себя не любить. Вот мы и порешили: зарубим-ка чужеземцев, возьмем себе золотишко, да и свалим домой!

- Мы решили! - передразнил Старкад, и во взгляде его была смерть. - Вот так взяли и порешили! И до того важным был ваш совет, что даже и вождя забыли на него пригласить!

Он обвел воинов свирепым взглядом. Никто не захотел встречаться с ним глазами, только Гверт.

Гверт без предупреждения вскинул топор, намереваясь расколоть череп Гопалу.

Вендиец, быстрый и ловкий, отреагировать не успел - так и стоял с отвисшей челюстью, вытаращив глаза. Секира Старкада взвилась навстречу и перехватила топор Гверта нижней частью лезвия. Тем же самым движением Старкад послал вперед обух секиры и сбоку ударил Гверта по шлему. Гверт рухнул наземь, загремев чешуйчатыми латами. Старкад замахнулся снова, чтобы разрубить его пополам, но сбитый с ног воин проворно откатился в сторону. Лезвие зазвенело, ударившись о промороженную землю.

Гверт немедля вскочил, и двое мужчин закружились по склону. Каждый держал свой топор одной рукой за конец топорища, другой - под самой головкой. Остальные наемники следили за поединком, дипломатично храня тишину. Все знали: начнешь "болеть" за того, кому суждено проиграть, и победитель не скоро это забудет. Они встали широким кругом: поединок на топорах требует изрядного места.

Потом Гверт издал вопль безумной ярости и прыгнул вперед, предполагая прижать Старкада спиной к высокой скале. Тот, однако, легко отскочил в сторону, так что секира высекла искры, грянув о камень. Гверт на миг потерял равновесие, и в это время топор Старкада взвился в коварном размахе, врубаясь в металлические чешуи, прикрывавшие позвоночник противника. Гверт судорожно вскинул руки, его топор полетел прочь. Старкад выдернул лезвие, и Гверт рухнул, как бревно, вниз лицом на холодную землю. Старкад шагнул вперед и вновь замахнулся. Голова Гверта откатилась от тела. Его рыжая борода была срезана чуть пониже подбородка. Стылый ветер потащил прочь клочья слипшихся от крови медных волос.

Старкад поудобнее перехватил оружие и с обманчивой небрежностью обратился к зрителям:

- Если еще кто желает оспорить мое право быть вождем, выходите! Я как раз разогрелся, так не лучше ли покончить с этим делом прямо сейчас?.. - Он огляделся кругом, но никто из его людей как-то не пожелал ответить на вызов. Вот и отлично, - сказал Старкад. - Значит, идем дальше в Киммерию.

Джаганат, успевший облачиться в свои обычные меха, обошел мертвое тело, стараясь не наступить в расползавшуюся кровавую лужу.

- На нас что, враги напали, пока я медитировал? - обратился он к Старкаду.

- Да так, ничего особенного: просто маленькие разногласия, касавшиеся порядка наших действий, - ответствовал ванский предводитель. - Все уже улажено. Ты готов продолжать поход?

- Готов! - заверил его Джаганат.

- Сегодня пересечем границу Киммерии, - сказал Старкад. - Это значит, что всякий, кого мы ни встретим, - наш враг. Если повезет, может, сумеем приблизиться к Бен Мору незамеченными. Киммерия, на наше счастье, не так густо заселена, как Ванахейм. Может случиться даже, что удастся до самого места дойти без сражения. Но вот вернуться без драки... в это как-то не верится.

К его удивлению, Джаганат рассмеялся. Его смех больше напоминал глубокий рокот, доносившийся из недр обширного чрева.

- Твое дело, Старкад, доставить нас туда, - сказал он. - О возвращении можешь не беспокоиться.

Его племянник подхватил дядин смех. Старкад ничего не понял, но про себя еще больше уверился, что эти двое просто сошли с ума.

Конан и Куланн вышли в путь до рассвета. Они не взяли с собой никакого имущества,

кроме оружия и теплых плащей да кремня с кресалом, чтобы разводить огонь. Еще у них был с собой мешочек черного хлеба, немного вяленого мяса и твердого сыра. Фляг они с собой не потащили: путешествуя по Киммерии, трудно было более чем на несколько шагов удалиться от речки или ручейка. Оба шли широкой походкой горцев. Такой шаг буквально пожирает милю за милей, покрывая расстояние гораздо вернее, чем копыта готовой споткнуться лошади. А горцы, отшагав так целый день, почти не чувствовали усталости.

Посоветовавшись, они решили двигаться по возможности кратчайшим путем. Перемирие, заключенное между кланами, позволяло им выбирать лучшие дороги и сполна использовать дневные часы. Но даже и при столь благоприятных условиях путешествие обещало стать долгим и многотрудным. К тому же им предстояло забираться все выше в горы...

Под вечер пятого дня они заметили вооруженных людей, двигавшихся гуськом. Воины шли по гребню горного кряжа, четко видимые на фоне опускавшегося солнца. Куланн инстинктивно дернулся спрятаться... Потом вспомнил о перемирии и смущенно присоединился к Конану.

Тот усмехнулся:

- Трудно расставаться с привычкой... Судя по хвостикам на макушках, это воины клана Галла.

- Может, лучше все-таки не показываться им на глаза? - хмуро предположил Куланн. - Этот клан живет далеко... Как знать, добрались ли уже до них Кровавые Копья?

Но в это время воины, шедшие по гребню, заметили двоих путешественников и принялись размахивать копьями над головой в знак мирных намерений. Если бы они хотели напасть, они издали бы боевой клич и изготовились для атаки.

- Пошли поговорим с ними, - сказал Конан. - Вдруг они видели или слышали что-нибудь полезное?

И двое мужчин рысцой направились к гребню.

Клан Галла даже по киммерийским меркам считался отсталым и диковатым. Его воины сплошь татуировали свои тела замысловатыми полосами и спиралями, а волосы, связанные в хвосты на затылках, украшали костяными амулетами. Они носили длинные плоские деревянные щиты и единственные среди всех киммерийских племен предпочитали в качестве оружия сучковатые палицы. Эти палицы они изготавливали из твердой, как камень, древесины скрюченных деревьев, которые росли на их землях. Кое у кого были копья с железными наконечниками. Из одежды присутствовали только килты из волчьих шкур, татуированные ноги не ведали обуви.

- Почему вы идете не к Стоячему Камню? - безо всяких предисловий спросил двоих Канахов вождь Галла.

- Мы исполняем иной долг, - ответил Конан. - Мы идем на Бен Мор.

- Что же за дело ведет вас на священную гору?

- Оно касается только нас одних, - без лишней учтивости ответил Конан. - А вы давно ли покинули свои жилища?

- Две ночи назад к нам явился бегун и принес Кровавое Копье. Мы двинулись в путь вчера на рассвете.

- Большинству армий, - проворчал Конан, - понадобилась бы неделя, чтобы покрыть расстояние отсюда до земель Галла...

- Демоны уже нападали на Галла? - спросил Куланн.

- Четыре семьи уничтожены, - мрачно сказал предводитель. - Нам не терпится выяснить, есть ли у этих тварей мозги, которые можно размазать по камню...

И он потряс устрашающего вида палицей, а потом взмахнул ею над головой так легко, как если бы это был прутик.

- Что ж, не будем вас задерживать на вашем пути к воинскому собранию, сказал Конан.

И Галла, не прибавив более ни слова, затрусили прочь ровной рысью Таким образом они могли бежать хоть весь день. Уже сгущались сумерки, но они преодолеют еще множество миль, прежде чем темнота наконец вынудит их устроить привал.

- Хорошо бы иметь подобных союзников, когда грянет бой, - сказал Конан. Они с Куланн ом тоже без дальнейшей задержки зашагали вперед

- Жаль, что я не побываю на общем сборе, - вздохнул Куланн - Я еще ни разу не видел сбора большого войска То-то было бы о чем рассказывать внукам...

- Если останемся живы, войско ты увидишь обязательно, - утешил его Конан А не останемся, тогда и насчет внуков беспокоиться не придется.

Ночь они провели под козырьком нависшей скалы, ибо начал падать снежок Под свесом скалы обнаружилось несколько кусков торфа, пригодного для костра, остатки запасов какого-нибудь пастуха. Кресало ударило по кремню, скоро разгорелся огонь Веселое пламя отогнало прочь тьму Некоторое время двое мужчин задумчиво смотрели в костер Каждого донимали свои собственные нелегкие мысли

- Конан, - заговорил наконец Куланн. - Как по-твоему, с чем нам придется бороться? Что нам может встретиться на Бен Море?.

- Откуда ж мне знать, - проворчал тот. - Чудовища, демоны, какие-нибудь духи племен Куша. Мало ли что!

- Но на что этим тварям пленники? - не унимался Куланн

- Может, им нужны рабы, - сказал Конан. - Или просто еда

- Почему же только дети и женщины?..

- Наверное, женщины и дети вкуснее, - предположил Конан. - Не удивлюсь, если киммерийские мужчины жестковаты даже для демонов.

Куланн вновь замолчал и уставился в пламя, живое воплощение мрачного уныния. Только представить себе, что Бронвит... его Бронвит... послужила пищей какому-нибудь ужасному, отвратительному монстру, способному явиться лишь сумасшедшему в страшном сне!..

Когда они приблизились к Полям Мертвых и впереди начала вырастать величественная громада Бен Мора, они увидели, что в небе над священной горой дрожало зловещее мертвенное сияние В сумерках вырисовывались силуэты каменных курганов, выложенных много столетий назад над могилами киммерийских вождей и героев. Земля здесь была слегка припорошена снегом, но на крутых склонах каменных груд хлопья не задержались.

- Что там за свечение? - спросил Куланн. - Что могло его породить?.. Неужели огонь? Но на Бен Море ни торфа, ни дерева нет...

- Сколько вопросов, - проворчал Конан. - Это ты мне их задаешь? Я что, больше твоего знаю?.. Я бы на твоем месте поберег силы для вещей более важных, - скажем, для драки...

- С кем драться-то? - удивился Куланн.

- Для начала, - сказал Конан, - с теми засранцами, что прячутся по другую сторону кургана...

И с этими словами Конан взлетел вверх по обомшелому склону ближайшей насыпи.

Куланн, киммериец до мозга костей, ушами хлопать не стал: проворно вскарабкался следом за спутником. Он поравнялся с Конаном еще прежде, чем тот успел полностью вытащить меч. С вершины они заметили двух типов, вооруженных чем-то вроде копий, затаившихся в темноте и готовых снять головы зазевавшимся путникам. Те не успели поднять голов, как сверху на них свалились два черноволосых воителя.

Двое внизу внешними своими обводами сильно напоминали людей, пусть даже сходство было неполным. Но вот шипение, вырвавшееся у одного из них, человеческая глотка породить ни в коем случае не могла. Конан, спрыгивая вниз, замахнулся мечом, и его клинок расколол череп оглянувшейся твари еще прежде, чем ноги киммерийца коснулись земли.

Куланну повезло меньше: он приземлился далековато от намеченного врага, и тварь ткнула в него коротким копьем, наконечник которого скорее напоминал широкий меч. Куланн увернулся от выпада неуклюжего оружия, в свою очередь ударил копьем... и едва сумел проколоть чешуйчатую шкуру на груди монстра. Раздраженно зашипев, чудище вдруг развернулось... и хвост, длинный, мускулистый хвост хлестнул, точно кнут. Он хватил Куланна по боку и отбросил парня к склону каменной кучи. Широкое лезвие взвилось для добивающего удара, но Куланн вовремя откатился, а тут подоспел и Конан, проткнувший монстра мечом со спины. Злобно зашипев в последний раз, двуногий ящер издох.

- Кром!.. - вытирая меч, выдохнул Конан. - Чуть руку не вывернул, пока прорубил! У них, похоже, кольчуги прямо на теле растут!..

Куланн поднялся, болезненно пошатываясь.

- Прости, Конан, - сказал он, с трудом переводя дух. - Надо было бы взять одного живым для допроса. Я хотел было прижать своего... где ж мне было знать, что копье сквозь шкуру не полезет...

- Эти красавчики нам вряд ли бы что рассказали, - буркнул его старший товарищ. Действуя кинжалом, он разомкнул пасть одному из поверженных монстров и осмотрел язык. Язык оказался длинным, толстым и раздвоенным. - Если у этих тварей вообще есть членораздельная речь, спорю на что угодно, человеку уж точно ее не понять! С таким языком невозможно произносить человеческие слова. Ну там, разве что тайную речь прислужников Сэта...

- Сэт? - удивился Куланн. - Это кто такой? Это Бог?..

- Да, Бог, и не из добрых. Знаешь, не удивлюсь, если он вправду стоит за всеми здешними мерзостями. Все колдуны Стигии - на побегушках у этого злобного Бога...

Конан говорил ровным голосом, но Куланн уловил нотку врожденного ужаса перед сверхъестественным.

- Чтобы этот, как его... Сэт бросил вызов Отцу Крому на Его собственной земле? - не поверил Куланн.

- Неисповедимы пути демонов и Богов, - сказал Конан. - Никто не может заранее знать, что они сделают, чего не сделают... Ладно, мы выяснили самое главное: эти голубчики умирают, если треснуть как следует. И в дальнейшем не забывай про хвосты! Такой предательский удар может и врасплох застать честного воина... Эх, рассмотреть бы гадов получше! Но в такой близости от Бен Мора костер жечь не годится...

- Интересно, - сказал Куланн, - эти двое сидели здесь просто на карауле? Или их нарочно выслали нам навстречу?

- Я сам не отказался бы это выяснить, - ответил Конан. Мысль о том, что неведомый враг, быть может, в самом деле знал об их приближении, очень ему не понравилась.

Резко тронувшись с места, он зашагал прямо в сторону горы, да так быстро, что Куланн еле угнался за ним.

- Значит, мы говорили об этом свечении в небесах, -сказал Конан так, словно и не было у них только что опасного столкновения с людьми-ящерами. Видал я на Юге жирный черный камень, который там жгут как топливо. Его добывают в земле, там, где нет ни торфа, ни дерева. Но от него получается густой вонючий дым, а здесь я дыма что-то не вижу...

Они почти добрались до верхнего конца Полей Мертвых, когда их глазам предстал некто, восседавший на макушке одного из курганов, быть может древнейшего на Полях. Незнакомец сидел неподвижно и молча, только холодный ветер развевал лохмотья рваных одежд. Рассмотреть его толком было невозможно, виднелся лишь силуэт на фоне кроваво-красного неба. Два меча зашипели, как змеи, выползая из ножен. Киммерийцы остановились в десятке шагов от насыпи.

- Говори, кто ты такой есть и что ты тут делаешь, сказал ему Конан. - И говори быстро, не то напоишь своей кровью одного из наших древних вождей!

Человечек поерзал на камнях и вдруг захихикал:

- Что, северянин? Никак твоя надумала прикупить еще амулета? Моя продавай! Моя дешево продавай!

На несколько мгновений Конан точно прирос к месту от неожиданности.

- Кром!.. - сказал он наконец.

- Нет, тут не Кром. Тут просто Ча, прорицатель Кром, он живи там, повыше... - И кхитайский гадатель ткнул пальцем через плечо, в сторону Бен Мора

- Ты что, Конан, знаешь этого старикана? изумился Куланн. Он, конечно, ничего не понял из их короткого разговора.

Кхитаец повернулся к юноше.

- Моя и Конан давние друзья, сообщил он ему на ломаном киммерийском.

- Он хоть человек? спросил Куланн Он говорит еще хуже пиктов...

- Человек, - успокоил его Конан. - Весьма своеобразный, но человек. - И вновь обратился к кхитайцу: - Почему ты, старик, притворялся простым шарлатаном? Продавцом дешевеньких амулетов?..

- О чем твоя говори? - возмутился Ча тоном оскорбленной невинности. - Твоя не нравись моя амулет? Стояла бы ты тут, пожалуй, если бы не моя амулет!..

Конан попробовал пальцем остроту своего меча.

- Не люблю я, дед, когда со мной в игры играют, - тихо и зловеще проговорил он. - Хатор-Ка, стигийская сука, уже выставила меня дураком. А теперь и ты мне лапшу на уши вешаешь!

- Моя с самого начала тебе говори: твоя - всего лишь фишка на игральной доске Богов! - заявил Ча. - Теперь твоя злись, потому что это окажись правда?

- Правда не правда, а только мне почему-то охота кое-кого прирезать, заворчал Конан. - А ты так удобно сидишь...

И он начал подниматься на насыпь.

- Погоди! - заторопился кхитаец. - Я нужен твоя. Твоя нужен мне.

Конан приостановился.

- Ну и на кой ты мне? - осведомился он подозрительно.

- Твоя горазд только драться, а моя... моя - великий маг. Там, наверху... - он вновь указал на пламенеющую вершину Бен Мора, - там происходит великое волшебство. Злое

волшебство! Чтобы сражаться с ним, одних мечей недостаточно!

- Да, - сказал Конан. - Твои занюханные амулеты там, конечно, очень помогут.

- Твоя не боись! - блестя зубами в сумерках, заулыбался кхитаец. - Моя магия сильный, очень сильный. Как по-твоему, каким образом я сюда добрался?

- Я как раз собирался спросить! - озадаченно проговорил Конан. - Слышь, Куланн!.. Последний раз я видел бессовестного попрошайку еще знаешь где? В Хоршемише. Это город такой. На Юге. Я путешествовал оттуда много недель. А он каким-то образом меня обогнал! Как тебе это удалось, гадальщик?

- Да совсем просто, - ответил кхитаец, слезая с камня и с достоинством поправляя лохмотья. - Моя прилетай верхом на драконе. Ну так что, пошли влезем на гору?

Двое изумленно примолкших киммерийцев снова зашагали к Бен Мору, и с ними - обтрепанный кхитайский волшебник...

Рассвет озарил молчаливое, пустынное Поле Вождей. Ни один клан не возделывал эту землю, ничьи коровы и овцы не паслись между странными, жутковатыми камнями Поля, покрытыми непонятной резьбой. Камни эти так обросли мхом, что забредший сюда человек мог долго бродить между ними, прежде чем заметил бы геометрический узор на поверхности. И еще больше времени потребовалось бы ему, чтобы осознать: это была совсем не та геометрия, которую преподавали ученикам аквилонские мудрецы.

Что касается киммерийцев, они просто не имели никакого понятия о геометрии - такой ли, этакой. Странность узора никогда не бросалась им в глаза.

Камни были разбросаны по небольшому плоскогорью, - округлые горбы, которые мох покрывал несколько необычным образом: равномерно со всех сторон. А посередине возвышалось то, что киммерийцы именовали Стоячим Камнем. Это был голый каменный "палец", и камень такой породы нигде больше в горах не встречался. Поверхность "пальца" была шершавой и изрытой, и мох на нем не рос совершенно. Если верить древней легенде, некогда этот монолит послужил чем-то вроде метательного копья в войне между Богами: Кромом и Имиром. Имир, Бог Северных Стран - Асгарда и Ванахейма, - послал вызов Крому, желая единолично править всем Севером. Имир, повелитель бурь и предводитель йнеистых великанов, наслал ужасную зиму, отнявшую жизни многих подданных Крома. Сочтя наконец, что Кром достаточно ослабел, Имир со своими великанами вторгся в Киммерию. Но Кром, по-прежнему полный сил, сорвал громадный камень с одной из горных вершин Гипербореи, и камень этот светился в Его руке от внутреннего жара земных недр. Кром метнул его во врага, и камень, пролетев по воздуху множество лиг, наконец упал наземь в этом самом месте, прямо у ног великанского войска, так близко, что от его жара у Имира чуть не растаяла борода. Поняв, что сил у Крома нисколько не убыло, Имир тут же развернулся и отступил в свои родные пределы.

Вот после этого Кром и наделил Свой народ удивительной выносливостью к холоду и жаре, чему не уставали дивиться жители иных земель...

Юноша, карабкавшийся по Стоячему Камню, все время думал именно об этой легенде. Пальцы рук и босых ног без труда находили, за что зацепиться на неровной поверхности. Киммерийцы с раннего детства привыкали лазать по скалам, вот и он взбирался наверх с такой же быстротой, с какой его цивилизованный сверстник поднимался бы по лестнице. Он добрался до вершины, ничуть не запыхавшись. Итак, он прибыл сюда первым! Не зря он встал посреди ночи и покинул лагерь, опередив всех своих родственников. Теперь он станет рассказывать внукам, как явился вперед всех на Поле Вождей и влез на вершину Стоячего

Камня. Если, конечно, удастся выжить в бою...

Тело юноши украшала лишь синяя боевая раскраска клана Туногов. Несмотря на злой холодный ветер, он пренебрег толстым плащом: только набедренная повязка из волчьей шкуры прикрывала его чресла, но пояс оттягивали ножны с мечом и кинжалом. Копье свое он оставил стоять прислоненным к подножию Камня. Черные волосы развевал ветер: юноша стоял полупригнувшись, в излюбленной стойке горного воина. И не имел никакого понятия о том, что художник из какой-нибудь просвещенной страны, пожалуй, счел бы его великолепным олицетворением дикого, воинственного Севера. Ему, однако, не было ни малейшего дела до подобных вещей. Он щурился от ветра и ожидал собрания кланов.

Острые глаза паренька уловили первое движение, как только краешек солнца выглянул из-за гор на востоке и залил Поле Вождей кровавым утренним светом. Бегуны, появившиеся с разных сторон, наперегонки направлялись к облюбованному им насесту. Это были лучшие бегуны каждого клана, те, что несли Кровавые Копья своих родов впереди остального войска. Прошло совсем немного времени, и всю равнину заполнили темноволосые воины. Собрались они быстро: киммерийцы не шагали на битву, как делали регулярные армии других стран. Они предпочитали бегать той самой рысцой, поглощающей милю за милей.

Приближаясь, каждый бегун метал свое копье в Камень, следуя давней традиции, которую никто уже не мог истолковать, но соблюдать продолжали неукоснительно

- Привет вам, воины! - прокричал юноша, взобравшийся на вершину.

Раэда с заплетенными волосами посмотрел наверх и улыбнулся ему.

- Я-то надеялся быть первым! - сказал он - Ты, верно, рано встал нынче, Туног!

- Твоя правда, - откликнулся тот. - Забирайтесь скорее сюда! Увидите такое, чего никогда в жизни не видели!

Юные бегуны взобрались наверх с ловкостью обезьян. Площадка наверху была неровной и тесной, но парни устроились там так же непринужденно, как какие-нибудь городские щеголи - на главной площади Тарантии, аквилонской столицы

- Идут!.. - восхищенно проговорил один - Раэда, Туног, Канах, Лакхейш, Дал Клайд... все кланы собрались! Кто когда-нибудь видел подобную красоту?..

Другой вытянул руку, указывая на северо-восток там как раз показалась из узкого ущелья длинная вереница людей Они размеренно бежали вперед, возглавляемые своим копьеносцем.

- А вот и дикие Галла: я различаю хвосты волос у них на макушках. Никогда еще не видел живьем никого из этого клана! Говорят, они удивительно жадны до сражений

В устах киммерийца это определение звучало, право же, достаточно необычно

- Смотрите!.. - восхитился юноша с висками, выбритыми по обычаю клана Лакхейш - Как славно играет утреннее солнце на копьях небывалого войска!

Тут к подножию Камня приблизился седобородый вождь и посмотрел, подбоченившись, на юнцов.

- Ну что? - сказал он. - Насмотрелись? А теперь - живенько вниз! На вершине Камня вряд ли будет сражение, зато внизу - прорва работы!

Пока ребята спускались, к окликнувшему их вождю подошли несколько других. Был среди них и Канах. Как первый призвавший к объединению, он был провозглашен верховным вождем, - пускай на время и в той степени, в какой вообще кто-то мог повести за собой киммерийские племена, дикие и необузданные даже в самые мирные периоды жизни.

- А быстро мы собрались, - проговорил он удовлетворенно. - Не придется долго ждать,

прежде чем выступим. Даже Галла прибыли утром самого первого дня!

- Галла передвигаются быстрее многих других, - заметил Раэда. - В течение дня, я думаю, подойдут и другие. Разве что некоторые низинные кланы, возможно, задержатся до завтра...

- Надеюсь, они все же прибудут до полудня, - сказал Канах. - Что-то подсказывает мне: надо спешить. Нужно обязательно двинуться в путь завтра в середине дня, не позже. Даже если к этому времени кого-то еще не будет...

В течение дня войско все росло и росло. Длинных речей не произносили: все и так знали, зачем сбор, все были готовы к сражению. Зачем еще какие-то разговоры? Люди сидели вокруг костров, кто-то подкреплялся скудным дорожным пайком. К наступлению ночи подошли последние кланы. Возле Стоячего Камня, таким образом, собралось все мужское население Киммерии, способное носить оружие. За исключением лишь Конана и Куланна.

Канах сидел у огня вместе с другими вождями, когда из темноты появились еще какие-то люди, и эти люди не были киммерийцами.

- Чужеземцы пожаловали, - негромко прокомментировал кто-то. Канах вгляделся в потемки. Его слуха достигло тихое позвякивание оружия и доспехов. Киммерийцы таких звуков не производили даже в полном вооружении. В обычное время нечто подобное заставило бы Канаха мигом схватиться за меч, но сейчас он точно знал: на Поле Вождей пришли не враги.

Потом у костра появились трое мужчин

- Мне сказали, здесь я увижу вождей, - сказал самый высокий. У него, как и у двоих других, были длинные золотистые волосы и такая же борода. В отличие от киммерийцев, все трое носили шлемы, увенчанные короткими - чтобы не сбил вражеский меч - рогами, а также доспехи из бронзовых или железных чешуй. Еще эти воины носили многочисленные золотые украшения с самоцветами.

Канах и остальные вожди поднялись с земли, но рук к оружию не протянул ни один.

- Перед тобой вожди Киммерии, воин, - сказал Туног, самый старший среди собратьев. Его снежно-белые волосы и борода обрамляли выкрашенное синей краской лицо.

- А вы - те самые асы, о которых говорил Конан? - спросил Канах.

- Те самые, - сказал предводитель. - Я - Вульфхере, сын Хьяльмара, и в промежутках между объявлениями вне закона Гарлинги называют меня принцем. Как раз теперь я опять вне закона - за человекоубийство. И я сам, и все мои люди. Большинство я оставил у границы вашего лагеря...

- Садись, - пригласил его Канах, гостеприимным жестом указывая асу на голую землю. - Мы бы с радостью предложили тебе угощение, но сами сюда мало что принесли, кроме припасов в дорогу.

- Зато мы снарядились как следует, - ответил Вульфхере. Он протянул руку назад, и один из его людей подал ему тугой бурдюк для вина. Вульфхере вынул затычку и отпил большой глоток, потом вручил бурдюк киммерийцам.

Канах покачал головой, и следом за ним - остальные вожди.

- Мы благодарим тебя, - сказал он. - Но не годится нам пить, в то время как у наших родственников в животах сухо.

Некоторое время предводители сидели молча. В отличие от своих двоюродных родичей ванов, асы вовсе не были непримиримыми недругами киммерийцев. Они, конечно, воевали,

но - большей частью, а не все время, как с ванами. Бывал между ними и мир, и даже иногда по целому году. В целом два народа друг дружку недолюбливали, но притом и уважали за несомненное воинское мужество. Ростом асы не уступали киммерийцам, но жилистая легкость, присущая "черноволосым", в их телосложении встречалась лишь изредка. Как все северяне, асы были сильны и свирепы, но, опять же в отличие от киммерийцев, знали толк в пирах, веселье и выпивке. Они любили украшения и драгоценности, в особенности отобранные у кого-либо. За все это киммерийцы полагали их порядочными распустехами. "Одно добро в асах и ванах, - гласила старинная киммерийская мудрость. - Они часто и помногу убивают друг дружку..."

И в самом деле: как ни свирепа была вражда ванов и киммерийцев, если дело касалось асов и ванов, то тут была даже не вражда, а какое-то кровожадное безумие. И это при том, что асы и ваны поклонялись одним и тем же Богам, говорили на одном языке и соблюдали почти одинаковые обычаи! Если уж на то пошло, даже внешне два народа различались лишь одной характерной деталью: цветом волос. Ваны были почти сплошь рыжими, асы - светловолосыми.

С другой стороны, цивилизованным народам хватало еще более ничтожных поводов для войны...

- Значит, демоны и вас достали, как нас?.. - спросил вождь с выбритыми висками, глава клана Лакхейш.

- Еще как! - кивнул Вульфхере. - Перестали существовать целых три поселения, все - на границе с вашей страной. Поначалу кое-кто даже думал, что это постарались ваши молодцы, но потом мы поняли, что не киммерийцы приложили там руку. Правда, пока не появился ваш бегун, мы понятия не имели, в какую сторону обратить свою месть. Если бы вы согласились немного подождать с походом, к вам на подмогу, пожалуй, подоспел бы весь народ асов...

- Вряд ли нас обрадовало бы пришествие всего народа асов, - с легкой улыбкой ответствовал Канах. - Даже в качестве союзников.

- Значит, обойдетесь нашим отрядом, - сказал Вульфхере. - Много нас или мало, только с бедой должно быть покончено, и покончено навсегда. Мы хотим отомстить!

Вожди степенно кивнули. Подобные устремления были хорошо понятны любому северянину, к какому бы народу он ни принадлежал...

Глава десятая
НА СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ КРОМА

- Но почему они берут в плен моих соплеменников? - требовательно спросил Конан маленького волшебника, шагавшего с ним бок о бок по снегу.

- Тот, кто готовит великое волшебство, собирается произнести страшное заклинание, - ответил Ча. - Возможно, ему потребуется для этого огромное жертвоприношение.

- Так, как это делают ваны? - спросил Куланн. - Они покупают благосклонность своего Имира, принося ему жертвы в святых рощах...

- Может, и так, - сказал Ча. - Но я думаю, что за этим стоит нечто большее. Тут дело не просто в милости какого-то Божества. Земля, небо, звезды, планеты - все нынче перемешалось, все утратило порядок и строй. Стали возможны заклинания, не имевшие силы в течение тысяч лет...

- Мне это не по мозгам! - проворчал Конан. - Но ведь и ты, кажется, говорил, что не больно-то понимаешь?..

- Смертному человеку ничего не дано знать наверняка, - охотно согласился Ча. - Все иллюзия. Как говорил Правитель Ли...

- Хватит с меня твоих восточных завихрений! - рявкнул Конан. - С этого момента, если не можешь предложить ничего дельного, держи-ка лучше свои соображения при себе!.. Лучше предупреди вовремя, нет ли какой колдовской опасности впереди. А об остальном мы уж как-нибудь и без тебя позаботимся...

- Твоя моя не доверяй? - Кхитаец снова перешел на ломаный жаргон.

- Люди, заявляющие, что летали на драконах, мне обычно доверия не внушают, - сказал Конан.

Они продолжали карабкаться вверх, хватая ртами разреженный воздух высокогорья. Однако от Конана не укрылось: чем выше они поднимались, тем меньше снега делалось на земле, а воздух становился ощутимо теплее. Потом он заметил, что у его спутников при дыхании перестал идти пар изо рта.

- Теплее делается, - заметил Конан.

- Значит, даже северный варвар способен кое-что ощутить, - хихикнул Ча. Моя - хороший учитель! Уже успела кое-чему твоя научить!

Конан нежно погладил рукоять меча и поинтересовался:

- А от разрубленного черепа твои амулеты помогают, паршивый ты кхитаеза?..

- Я же и говорю - варвар, - пробормотал Ча. - На все у него один-единственный довод.

- Которого, - ответил Конан, - в большинстве случаев вполне хватает...

- Неужели все кхитайцы такие же болтливые, как этот?.. - спросил Куланн.

- Да наверное, - предположил Конан. - У людей, живущих в городах, обычно другого дела нет, кроме как чесать языком...

- У нас, у кхитайцев, по крайней мере есть возможность поговорить с умными людьми, - сказал Ча. - И о вещах, достойных обсуждения. Вот вам, киммерийцам, о чем беседовать? О коровах? О снеге? Потому вы такие и молчаливые. Зато мы, кхитайцы...

Конан вдруг резко взмахнул рукой и зашипел, призывая к молчанию. Все трое замерли,

напряженно вслушиваясь. Впереди по-прежнему было мало что видно, кроме зловещего свечения в небе, но зато начали доноситься звуки. Жуткие это были звуки. Хриплое пение. Пронзительные вопли. И низкий, ритмичный, глухой гром барабанов...

- Точно души проклятые жалуются... - пробормотал Куланн.

- Может, именно это вы и слышите, - заметил Ча.

- Пока поближе не подберемся, не выясним, - сказал Конан.

Они стали снова красться вперед - с удвоенной осторожностью, стараясь держаться под прикрытием камней и производить шума не больше, чем их собственные тени, скользившие по камням. Конан был приятно удивлен, заметив, что Ча двигался с той же бесшумной легкостью, что и они с Куланном, и для этого ему, кажется, даже к магии прибегать не пришлось. Росточком кхитаец был не больше двенадцатилетнего мальчишки-киммерийца, к тому же он находился в чужой для себя стране и шел навстречу неведомой, но явно смертоносной опасности... однако не было заметно, чтобы он испытывал страх.

Видимо, примерно это же почувствовал и Куланн. Юноша подобрался поближе к Конану и шепнул:

- А знаешь, по-моему, некоторые из цивилизованных народов совсем не так мягкотелы, как мне рассказывали...

Конан ничего говорить не стал, только согласно кивнул.

Джаганат рассматривал мертвое тело, лежавшее на мерзлой земле. Тело принадлежало очень молодому мужчине, почти мальчику. Лицо, так и не успевшее обрасти бородой, застыло в зверином оскале ярости и ненависти. Черные волосы разметались, серые глаза смотрели в пустоту. Правая рука еще держала черен длинного прямого меча с лезвием немного уже тех, что носили ваны. В другой руке мертвый юноша держал копье. Джаганат поднял голову и посмотрел на троих раненых, стоявших подле Старкада.

- Неужели весь этот ущерб причинил какой-то сопляк?.. - спросил вендиец, обращаясь к вождю.

- Я же тебе говорил, дерутся они как одержимые, - ответил Старкад. - А этот еще и исполнял поручение, причем такое, по его мнению, важное, что предпочел прорубаться сквозь отряд в сотню мужей, не желая обегать, как полагалось бы разумному человеку, кругом!

- Что же за поручение? - поинтересовался Джаганат.

Вместо ответа Старкад нагнулся и вынул копье из левой руки мертвеца. Чтобы высвободить древко, ему пришлось наступить ногой на запястье мальчишки и несколько раз дернуть. Потом он протянул копье Джаганату.

От острия до самого края втулки наконечник был покрыт чем-то красно-коричневым.

- Да оно все вымазано! - брезгливо отстранился Джаганат. - Эти киммерийцы что, никогда оружия не чистят?

- Это Кровавое Копье, - пояснил Старкад. - Оно обозначает призыв на собрание всех кланов. Таких бегунов рассылают по всем родам, и те кланы, которые получают Кровавые Копья, собираются в месте, именуемом Полем Вождей.

- А что это за кровь? - побуждаемый профессиональным интересом, спросил Джаганат.

- Если причина войны - убийство киммерийцев какими-нибудь чужаками, они используют кровь жертв. В иных случаях воины того клана, что рассылает Копья, режут себе руку и окрашивают Копья собственной кровью.

- С какой же стати им сейчас-то собирать ополчение? - спросил Джаганат.

Старкад вновь посмотрел на мертвое тело:

- Этот парень нам уже вряд ли что-то расскажет... Не думаю, однако, чтобы наша маленькая прогулка дала им достаточный повод. Мы еще довольно далеко от Полей Мертвых, да и откуда бы киммерийцам знать о нашем присутствии? И тем более о том, куда мы направляемся! И вообще, против сотни врагов черноволосые выставили бы воинов всего одного клана, а вовсе не ополчение. Наверное, над ними нависла какая-то угроза посерьезнее нас! Может, опять вторжение из Аквилонии...

- Но если это так, - сказал какой-то воин (и с каждым словом из недр его рыжей бороды вырывалось облачко пара), - если это так, они, наверное, слишком заняты, чтобы вообще обращать на нас внимание!

Остальные с готовностью закивали: всем хотелось, чтобы дело обстояло именно так.

- Будем надеяться, - улыбнулся Старкад. - Тем более что собираются они далеко отсюда.

- Почем тебе знать? - спросил Джаганат.

- Кровь на Копье засохла три, а то и четыре дня тому назад. И ты мне не поверишь, если я скажу тебе, как далеко может убежать за три-четыре дня такой горный козел, как этот мальчишка.

- У нас в вендийских горах тоже есть бегуны, поэтому я представляю, сказал Джаганат. - Так, значит, маленькое путешествие в роли эскорта больше не кажется тебе таким уж обременительным?

И маг улыбнулся, поддразнивая.

- Бояться мы и не думали! - упрямо заявил ван. - Только кому охота лезть на рожон, если можно без этого обойтись?

- А я думал, вы, ваны, только и смотрите, как бы подраться, - заметил Гопал.

- За честь - всегда пожалуйста! - пожал плечами Старкад. - Ну там, еще ради мести... или просто из удовольствия... Но если драться приходится из-за золота, почему бы не попробовать получить золотишко без боя? Слава живет гораздо дольше смертного человека, и потому-то за нее стоит проливать кровь и отдавать жизнь. А золото? Золото приходит и уходит. Рискнуть из-за него можно, но умирать?.. Пускай дурак гибнет ради богатства...

- Стало быть, северным варварам не чужда философия, - сказал Джаганат. Воистину настало время чудес!..

Двое киммерийцев и с ними кхитаец лежали на скальном выступе, глядя вниз, в обширную впадину, откуда и происходило адово свечение, окрасившее небеса. Они отважились высунуть за каменную кромку только макушки до глаз, так чтобы можно было смотреть. Высоко над ними, на восточном склоне горы, зиял вход в пещеру, называемую Обителью Крома. Однажды Конан уже видел эту пещеру: он был в то время совсем еще подростком, и его клан собрался на Поле Вождей, чтобы похоронить старого Канаха, погибшего при Венариуме.

Впадины, в которую они теперь заглядывали, тогда здесь не было...

Гром барабанов перешел в кошмарную какофонию, под аккомпанемент которой крики и стоны, доносившиеся снизу, звучали особенно страшно. Впадина была полна тумана и пара, сквозь который временами вырывались языки сверхъестественного бездымного пламени. Тогда становилось возможно рассмотреть внизу, во мгле, неясные, зыбкие тени. Часть силуэтов несомненно принадлежала человеческим существам. Другие, сгорбленные, уродливые, явно были тенями каких-то нелюдей. И эти нелюди явно не заслуживали того, чтобы дышать чистым воздухом гор.

- Что там за огонь?.. - шепотом спросил Конан

- Это возгораются испарения, - так же шепотом ответил кхитаец. - Они исходят из земных недр и схожи с дыханием наших драконов. Я видел в Кхитае одно такое место, расположенное на морском берегу. Селяне пользуются подземным огнем, выпаривая из воды соль.

- Тут-то уж точно выпариванием соли не занимаются, - проворчал Конан.

- Небо на востоке светлеет, - заметил Куланн Лучше поищем укрытие и спрячемся, пока нас не заметили!

Конан поднял голову и посмотрел на склон Бен Мора Вечный лед, покрывавший вершину, в самом деле поблескивал, отражая первые лучи рассветного солнца Конан сказал.

- Я бы предпочел получше рассмотреть, что делается внизу.

- Твой юный друг прав: сейчас лучше скрыться отсюда, - возразил Ча. Вернемся, когда снова стемнеет

- Повременим еще немного, - сказал Конан. Он говорил спокойно, ровным голосом, но это кажущееся спокойствие снова скрыло ледяной ужас, который всегда охватывал варвара в присутствии волшебства. - Я хочу посмотреть хотя бы одним глазком. Как мы собираемся сражаться с тем, чего совершенно не понимаем?

И в это время раздался новый звук Это было басовитое громыхание, даже ниже, чем глухой рокот барабанов. И каким-то образом сразу сделалось ясно, что производил его не инструмент, а невообразимо громадное существо, таившееся внизу, в тумане. Вновь вспыхнули языки бездымного пламени, и глазам затаившихся спутников на краткий миг предстал силуэт двигавшейся твари, столь огромной, что разум отказывался постичь. Но самое страшное оказалось еще впереди. Чудовище заговорило. Его голос был столь низким, что человеческое ухо едва воспринимало его как звук, - скорее, как сотрясение И все же это был ГОЛОС. И он произносил СЛОВА. Язык тоже был нечеловеческим и чужим, но в том, что снизу доносилась членораздельная речь, никаких сомнений не оставалось.

- Давай уйдем отсюда, Конан... - попросил Куланн, и в голосе юноши чувствовалась легкая дрожь.

- Это похоже на... погодите! - И Конан вскинул руку, удерживая своих сотоварищей, уже изготовившихся для поспешного отступления. Они помедлили и посмотрели туда же, куда смотрел он.

Силуэт чудовища отступал и постепенно растворялся внизу, а вместе с ним гасли и пламена, как если бы в ямине угасал адов огонь. Мучительные крики еще звучали, но и они делались глуше, словно пропадая вдали. Странные тени перестали колыхаться в тумане. В самую последнюю очередь прекратился бой барабанов. Сперва он тоже начал отдаляться, потом вдруг резко стих на середине ритмической фразы. На какое-то время внизу воцарилась полная тишина. Затем утренний ветерок начал растаскивать клочья тумана, впуская в земную дыру отблеск рассвета. В яме не было никого: ни нелюдей, ни людей, ни живых, ни мертвых. Каменистое дно было сплошь покрыто резными изображениями, непонятными, но очень неприятными с виду. И нигде никаких отверстий, сквозь которые могли бы исчезнуть обитатели углубления...

- Вот теперь пошли отсюда, - сказал Конан.

Троица на животах отползала прочь от края, пока не оказалась на дне узкого каменистого ущелья, во всем подобного сотням других, разбегавшихся в разные стороны по склонам Бен Мора. По этому ущелью они спускались все ниже, пока не нашли тесную

маленькую пещерку - только-только поместиться втроем. Они забились туда и смотрели, как раннее солнце заливает светом долины.

Чтобы ничем не обнаружить своего присутствия, они сорвали несколько кустиков, торчавших неподалеку, и тщательно замели все следы. Потом прикрыли кустиками устье пещерки.

- Ну, давай, великий волшебник, - сказал тогда Конан. - Разобъясни нам, дремучим, что же за хреновину мы только что видели!..

Кхитаец посидел некоторое время с закрытыми глазами, бормоча что-то себе под нос. Потом как будто очнулся от транса.

- Я думаю, - сказал он, - мы видели то самое Существо, о котором упоминается в некоторых древнейших легендах. Эти легенды древнее Скелоса, древнее Пифона и Ахерона... - Узкоглазый старик покачал головой: - Да, по сравнению с тем, что мы видели только что, Ахерон был поистине вчера...

- Значит, ты увидел поболее моего, - сухо проговорил Конан. - Ибо я видел только туман и огонь, да еще слышал какие-то бесовские звуки, которые я нисколько не рвусь услышать опять!

- У тебя обычное зрение, а у меня - волшебное, - сказал Ча. - Я вижу и слышу больше, чем ты. И уж конечно, больше понимаю! - Он, похоже, совсем отказался от своего ломаного жаргона и заговорил языком образованного человека. - Это Существо, - продолжал он, - есть Зло столь древнее, что во времена его рождения знаменитая Атлантида еще не поднялась из морских волн... которые, впрочем, позже благополучно поглотили ее... Сама наша Земля, чей возраст безуспешно угадывают философы, моложе виденного нами Существа. Множество раз великие маги человечества изгоняли его в области вне нашего времени и пространства, туда же, где оно некогда зародилось. Но каждый раз оно изыскивало способ вернуться. Его призывало назад мелочное властолюбие безумных магов, возмечтавших об абсолютном господстве...

- А куда, - спросил Конан, - оно слиняло, когда стало светать?

- Вниз, - был ответ. - Оно подчинило своей воле обитателей Нижнего Мира, и они пробили для него тоннели к поверхности, а также яму, у края которой мы побывали. Они умеют закрывать входы в свои норы так хитро, что смертному человеку ни за что туда не проникнуть.

Конан поинтересовался:

- Сколько у нас еще дней до равноденствия?..

- Шесть, - ответил кхитаец.

- Как бы мне влезть к ним в тоннели? - спросил юный Куланн. - Я должен отыскать Бронвит, если только она еще жива.

Кхитаец переводил взгляд с одного на другого, и его узенькие глаза-щелочки постепенно округлялись от изумления.

- Вы хотите сказать, - проговорил он наконец, - что не отказываетесь от своих планов, несмотря даже на то, что я вам рассказал?.. - Ча снова посмотрел на две каменные физиономии и вдруг пакостно захихикал: - Если бы моя знай, что ваша страна живи такие интересные дикари, моя бы давно-давно сюда приходи!..

Глава одиннадцатая
В ДОМЕ КОЛДУНЬИ

Целый день и целую ночь Хатор-Ка вершила этот обряд: самый длинный и самый сложный из всех, на какие она когда-либо отваживалась. Теперь поистине настало ее время. Звезда, именуемая Звездой Демона, вошла в "глаз" созвездия Змея впервые со времени падения Пифона, случившегося тысячи лет назад. Последнее соположение принесло с собою погибель ужасной Ахеронской империи, разгромленной варварами-хайборийцами. Хатор-Ка твердо намеревалась использовать нынешнюю возможность, чтобы совершить в судьбах мира столь же драматический поворот.

Лишь самые ближайшие помощники и послушники были допущены помогать волшебнице во время обряда. Менее опытные неизбежно были бы убиты либо сведены с ума чудовищными колдовскими силами, бушевавшими внутри храма. Даже верного Мулэя выставили за дверь, где он и нес стражу.

Стены и пол сплошь покрывали иероглифы, в воздухе густо висел дым курений. Хатор-Ка пронзительным голосом распевала заклинания на языке, который никогда не был предназначен для человеческих уст. Багровые струйки стекали с алтаря на каменный пол. Обнаженные руки Хатор-Ка и ее тяжелые плотные одеяния были заляпаны тем же багрянцем. За спиной жрицы послушники подпевали своей хозяйке, наигрывая на странного вида музыкальных инструментах. Инструменты издавали ритмические звуки, не вполне подходившие под определение музыки.

Над алтарем колыхалось туманное облако. Временами оно начинало мерцать, как будто отодвигался некий занавес, позволяя заглянуть в ужасающие бездны. Эти бездны обычный человеческий разум вряд ли сумел бы обозреть, не испытав помрачения.

И вот наконец тайнодействие приблизилось к завершению. Среди ничто замаячило ужасное нечто. Бездонный провал не позволял даже приблизительно оценить его размеры, но некое внутреннее чувство подсказывало: существо было неописуемо огромно. И притом окрашено в цвета, удивительным образом смущавшие взгляд. Форма существа постоянно менялась. Это говорило о том, что природа его далеко выходила за убогие рамки чувственного восприятия, отмеренные человеку.

Вот такое нечто приблизилось к окошку между мирами, созданному Хатор-Ка. При виде его колдунья запела с удвоенной энергией. Лицо ее оставалось бесстрастным, но из-под диадемы по лбу и вискам, промочив одеяния, ручьями потек пот. Перепуганные послушники тем не менее продолжали исполнять свое дело.

Существо, призванное заклинаниями Хатор-Ка, выпустило нечто вроде щупальца и вытянуло его сквозь окошко. Храм тут же переполнился вонью настолько омерзительной, что послушникам, сумевшим против нее устоять, потребовались для этого все силы.

Щупальце было там и сям испещрено членистыми когтями и пастями, полными зубов, расположенных по всей окружности. Еще его усеивали глаза, похожие на драгоценные камни, но эти глаза в земном свете казались слепыми. Щупальце принялось незряче шарить вокруг, достигло иероглифов, окружавших алтарь, и остановилось, словно упираясь в незримый барьер. За первым щупальцем последовали другие. Послышались жуткие,

малопристойные звуки: существо пожирало кровь и плоть жертв, убитых на алтаре.

Пение Хатор-Ка сменило тональность, и щупальца убрались, оставив чистый алтарь. Никаких следов жертвоприношения на нем более не было. С той стороны "окна" послышались низкие, размеренные звуки. Казалось, до находившихся внутри храма докатывалось далекое эхо, ужасающим образом подпевавшее послушникам и самой жрице. Медленно-медленно существо удалилось обратно в бездны, его породившие. Отверстие между мирами стало затягиваться и наконец пропало совсем.

Хатор-Ка уронила воздетые ладони и едва не свалилась на пол, но сильная рука Сенмута подхватила ее.

- Отдохни, госпожа, - сказал жрец. - Даже величайшие маги испытали бы упадок сил, совершив то, что смогла совершить ты.

- Я отдохну, Сенмут, - пробормотала она. Еще никогда она не чувствовала себя настолько измотанной - Вели очистить храм да присмотри, чтобы книги и орудия были разложены как подобает... И еще удвой стражу, теперь нас могут обнаружить...

- Будет сделано, госпожа

Хатор-Ка удалилась в свои покои, чтобы вымыться и отдохнуть.

...Она очнулась от глубокого, лишенного сновидений сна, ощутив, что Мулэй стоит возле ее ложа и осторожно встряхивает ее за плечо:

- Проснись, госпожа! Злодеи проникли в твой дом и обворовали святыню...

- Что?!.. - Хатор-Ка отшвырнула шелковую простыню и вскочила. Ее ложе помещалось на возвышении, вырезанном в виде свернувшейся змеи. Спускаясь оттуда к небольшому столику, колдунья шагала, как по ступеням, по толстым виткам змеиного тела. - Немедленно объясни, что это значит!..

Она взяла со столика кувшин с напитком из трав. Этот напиток был специально составлен таким образом, чтобы помогать скорейшему восстановлению сил.

- Взломано подземелье под храмом, где ты хранишь самые ценные рукописи и инструменты, моя госпожа, - стал рассказывать Мулэй. - Один из моих людей, совершая обычный обход, заглянул ко входу в храм и почуял непорядок В буквальном смысле, госпожа. Там пахло кровью. Воин побежал за мной, потому что самому ему входить внутрь запрещено. Я вошел туда и увидел мертвые тела в подземелье. Даже я не отважился проникнуть далее и сразу кинулся к тебе.

Его хозяйка уже устремилась наружу.

... Хатор-Ка спустилась в подземелье Перед нею со светильником в руке шел послушник, а позади, с обнаженным мечом, - Мулэй.

- Где Сенмут? - внезапно спросила она.

- Был в подземелье, госпожа, - ответил послушник. Светильник в его руке так и дрожал. - Он и еще трое других несли вторую стражу нынешней ночью. Сенмут всячески старался сохранить твое имущество в целости, госпожа...

- Даже так? - спросила она, нахмурившись.

- Он принес с собой меч, госпожа. Он никогда раньше этого не делал...

Трепеща, послушник сошел в самое подземелье, и фонарь залил мертвенным светом жуткую сцену. С верхней части лестницы были видны только раскиданные, неподвижные руки и ноги. Теперь стало возможно разглядеть троих мертвецов. Их кровь растеклась по всему полу Одна на бледных рук словно бы последним усилием указывала не пристойного вида статую в стенной нише...

Мулэй подошел и ногой перевернул два тела на спины.

- Убиты ударом в горло, - сообщил он хозяйке. - Сделано быстро. Их захватили врасплох. Убийца, верно, приставил клинок к горлу третьего, пока первый еще толком упасть не успел... - Сенмута среди мертвых тел не было, и это кое о чем свидетельствовало Мулэй только спросил: - Но как он проскочил незамеченным мимо моих стражников?..

Хатор-Ка обошла мертвых и присмотрелась к руке, указывавшей на ту самую нишу. Потом повернулась к послушнику:

- Поставь фонарь и ступай. Ничего никому не говори, пока я не вернусь.

Когда послушник убрался, она начала в определенном порядке поворачивать похабно извращенные выпуклости статуи. Часть стены отодвинулась, открыв темный тоннель.

- Вот куда скрылся предатель, - сказала Хатор-Ка. - Прежде чем моя семья выстроила над этим подземельем храм и дворец, оно служило могилой высшего жреца древности. Тоннель же много веков назад пробили могильные воры. Другой его выход - в полях, близ реки, внутри небольшого святилища... Один из моих предков скрыл оба отверстия, превратив тоннель в тайный ход на случай внезапного бегства...

- Но каким образом Сенмут прознал?..

- Секрет никогда не покидал пределов семьи, - сказала она. - Следует предположить, что без Тот-Амона здесь не обошлось. С помощью своего искусства он и о тоннеле выведал, и одного из моих приближенных сумел подкупить... Хатор-Ка была бледна, ее так и трясло от ярости. Мулэй никогда еще не видел свою госпожу в таком состоянии. - Как долго?.. - вопрошала она. - Как долго Тот-Амон уже хозяйничает в моем доме, точно в своем собственном?..

- Почему же он не пришел сам? - спросил Мулэй.

- Потому, что я выставила стражей, миновать которых не может ни он сам, ни его порождения. К сожалению, они не в состоянии остановить моего послушника, удирающего с краденым добром!

- Что же оказалось похищено?

- И ты еще спрашиваешь! Конечно, тот отрывок из Книги Скелоса. Он, наверное, стащил что-то еще, но это - самое важное. Текст необходимо вернуть!

- Но если Тот-Амон уже завладел им, стоит ли его возвращать?

- Да, - ответила Хатор-Ка. - Стоит. Этот фрагмент - не какой-нибудь школьный урок, который можно затвердить наизусть, а потом использовать когда заблагорассудится. Его вещественное присутствие многократно увеличивает силу волшебных заклятий... Вот почему настолько ценны великие древние книги магии, а их же позднейшие списки стоят не в пример меньше подлинников, хотя текст в них один и тот же... - Хатор-Ка вновь проделала манипуляции с изваянием, и проход закрылся. - Завтра утром я приставлю рабочих и велю заложить тоннель камнем. А теперь, Мулэй, собери своих лучших людей... Воинов пустыни, искушенных в ночных набегах. Завтра ночью мы нанесем моему коллеге Тот-Амону ответный визит!

Остаток ночи и все утро Хатор-Ка продолжала прерванный отдых. Потом взялась за приготовления. Напитки и заклинания помогли ей восстановить силу, быстроту и выносливость: все это должно в полной мере пригодиться ей при исполнении задуманного. В будущем, верно, она жестоко поплатится за нынешнее перенапряжение, но ставки в затеянной ею игре слишком высоки, чтобы принимать во внимание такие ничтожные соображения, как боль и усталость. Затем Хатор-Ка принялась собирать таинственные

сооружения из кости и хрусталя и изучать заклинания, от одного прочтения которых вокруг холодел воздух.

Когда солнце склонилось к закату, волшебница вышла во двор, где ее со своими людьми уже ожидал Мулэй.

Он подобрал для предстоявшего Дела двенадцать молодцов один к одному: все были из его племени, все - фанатично преданы Хатор-Ка. Каждый по самые глаза закутан в убор жителя пустыни и облачен в прилегающие штаны и куртку, а поверх - в просторный плащ. Вся одежда была серо-бурого цвета, чтобы сливаться с пустыней. Вооружение воинов составляли мечи, кинжалы и короткие луки. Под куртками скрывались жилеты из тонкого кольчужного полотна, нашитого на шелковую ткань нарочно ради того, чтобы не производить ни звука. Черные глаза воинов горели нетерпением. По своему темпераменту все они были разбойниками; обязанности часовых, хотя бы и исполняемые во имя обожаемой хозяйки, успели им отчаянно надоесть.

- Все готово, моя госпожа, - сказал Мулэй.

Конюхи уже выводили коней. Поводья были веревочные, на копытах - кожаные "башмаки", опять-таки скрытности ради. Хатор-Ка кивнула, и все забрались в седла.

- Мы преодолеем восточную дамбу и углубимся в пустыню, - сказала волшебница. - К тому времени, когда луна поднимется над рекой, мы должны достигнуть сфинкса, воздвигнутого царем Рахотепом. Там мы оставим коней и двинемся дальше пешком. Когда же доберемся до обиталища Тот-Амона, памятуйте превыше всего о двух обстоятельствах. Во-первых, никакого насилия по отношению к самому Тот-Амону. И во-вторых, предатель Сенмут мне нужен живым.

Миновав ворота, они поскакали вверх по дороге, что поднималась к дамбе, отделявшей плодородную долину Стикса от открытой пустыни. Мимо, навстречу им, с лопатами и мотыгами на плечах устало шагали крестьяне. Они поднимали головы, с невольным любопытством посматривая на всадников. Лошади редко использовались в Стигии: здешний люд путешествовал все больше пешком либо по реке. Лишь караванщики ездили верхом, да и то на верблюдах. А на лошадях - и вовсе почти никто, кроме разбойников из пустыни.

Дорога все круче поднималась к так называемой дамбе, вырубленной в твердой скале. Ее соорудили давным-давно, чтобы использовать как дорогу, не подверженную затоплению, на тот случай, если придет нужда быстро перебрасывать войска в приграничную крепость. Вот уже много столетий ни один враг не атаковал Стигию с того направления. Тем не менее Хатор-Ка, как владелице прилегавших земель, вменялось в обязанность содержать дамбу в пристойном порядке. Мало ли, вдруг в будущем пригодится!

Пустыня за дамбой была почти не населена. Только виднелись там и сям развалины старинных укреплений, храмов, воздвигнутых в честь давно позабытых Богов, лачуг пустынных мистиков и умерших отшельников... и еще загадочные статуи и памятники, которых, куда ни плюнь, полно в любом углу Стигии. Ибо, несмотря на то что большинство населения страны обитало на узкой полоске земли вдоль берегов Стикса, цари-жрецы считали непременным долгом оставить знак своего пребывания повсюду, куда, как они полагали, простиралась их власть.

Мулэй скакал впереди, безошибочно находя путь в пустынной ночи. Хатор-Ка обозревала небеса, выискивая крылатых посланцев своего соперника. На тот случай, если бы над головой в самом деле замаячил силуэт вроде летучей мыши, у нее были приготовлены заклинания, которые лишили бы тварь способности видеть ее. Или вовсе заставили бы

летуна рухнуть в песок. Проглоченное питье позволяло Хатор-Ка заглядывать дальше и яснее, чем простым смертным. Все, что она при этом видела, окутывал мерцающий серебряный свет.

Наконец впереди заслонила звезды громада сфинкса, воздвигнутого царем Рахотепом. Отряд остановил коней между его громадными лапами. Никто из ныне живущих не знал, с какой целью было построено, вернее, вырезано из одной необъятной глыбы песчаника это чудовищное творение человеческих рук. Сфинкс стоял здесь с времен столь незапамятно древних, что от его строителя, царя Рахотепа, сохранилось лишь имя... да неблаговидная репутация: любил, как говорили, всяческие безобразия и непотребства. У статуи было тело льва, крылья дракона и лицо царя-волшебника. Каменные глаза, как и много столетий назад, смотрели в пустыню.

- Пока ехали, я не видела никаких соглядатаев, - сказала Хатор-Ка.

- Их в пустыне и не было, - подтвердил Мулэй.

Сняв плащ, волшебница свернула его и убрала в седельную сумку. Под плащом у нее была почти такая же одежда, что и у мужчин. Только все ее облачение сшито из тончайшего черного шелка. Ни кольчуги, ни оружия у нее при себе не имелось, но с плеча свисала сумка, наполненная чародейскими принадлежностями ужасающей мощи.

Прежде чем вступать на завершающий отрезок пути, Мулэй выслал двоих воинов - присматривать по бокам, и еще одного - на сто шагов вперед остальных. Наконец маленький отряд двинулся, но не шагом, а размашистой рысцой. На бегу мужчины жевали листья и лепестки . синего лотоса: это придавало сил и выносливости. Так они покрывали милю за милей, пока не взобрались на гребень возвышенности. Внизу расстилался небольшой оазис, окаймленный пальмами. У темного пруда виднелся ничем не примечательный дом, окруженный высокой стеной.

- Стражники?.. - прошептала Хатор-Ка.

- Вижу троих на стене, - ответил Мулэй.

Один из пустынных воинов подобрался к предводителям и вытянул руку, указывая на некое движение с северной стороны дома.

- Караул ходит... идут сюда.

- Мы с ними легко разделаемся, - сказал Мулэй, обращаясь к Хатор-Ка. - Мы можем незамеченными перебраться через стену. Ты знаешь, как войти в дом?

- Я много лет держу там шпионку, - отозвалась она. - Но теперь я ни в чем не уверена. Я не знаю, правду ли она сообщала мне все эти годы...

- Приказывай, госпожа, - сказал Мулэй. - Мы выполним все, что ты прикажешь.

- Для начала уберите караульных, которые там ходят, - распорядилась она. Потом переправьте меня через стену. Там я с первого взгляда пойму, истинны ли были мои сведения... Дальнейшие приказания - позже!

Стелясь по земле, сливаясь с тенями, которые отбрасывали при луне складки песка, камни и кусты, Мулэй с несколькими подручными незамеченными подобрались вплотную к дорожке, где прохаживались Тот-Амоновы стражники. Те оповестили о своем приближении едва слышным звяканьем металла. Люди Мулэя приготовились к схватке: кто-то вытащил кинжалы, другие перекатывали в ладонях тетивы, свитые в удавки.

Приближавшиеся шаги замедлились... потом и вовсе остановились. У переднего стражника был на голове шлем, сработанный в расчете явно не на человека. И вот эта самая голова завертелась туда и сюда, как если бы ее обладатель почуял нечто настораживающее.

Потом он громко зашипел... но никаких иных звуков издать уже не успел. Удавка обвила его горло и рванула назад. Остальных караульных постигла та же участь: их шеи обвили удавки, в животы воткнулись кинжалы. Слабый шум схватки стих, едва начавшись.

Пока воины чистили оружие, Хатор-Ка подошла взглянуть на тела.

- Люди-ящеры с островов, что к востоку от древней Лемурии, - задумчиво проговорила она. - Далеко же пришлось Тот-Амону закидывать свою колдовскую сеть, чтобы их отыскать!

Действуя так же тихо и быстро, маленький отряд направился дальше - к стене. Стражники, стоявшие наверху, гибели своих товарищей попросту не заметили. Они спокойно переговаривались, и голоса звучали вполне по-человечески. Добравшись к подножию стены, один из пустынных воинов встал на четвереньки, второй забрался ему на спину и сцепил перед собой руки. Третий легко вспрыгнул на эти сцепленные руки и, подброшенный товарищем, взлетел на гребень. Вскоре подобным же образом в проход наверху стены проникло шестеро воинов. Никто не увидел их и не услышал. Прошло еще несколько мгновений, и один из них свесился вниз, чтобы помахать остальным. Те быстро присоединились к передовым. Часовые лежали на своих постах, все были мертвы.

Хатор-Ка, пришурясь, обозрела открывшийся перед нею двор. Больше никакой стражи не видно, но это вовсе не означало, что дом беззащитен. Колдовское зрение помогло ей разглядеть цепочку странных рун, узкой полоской обегавших весь дом.

- Следуйте вплотную за мной! - велела она своим людям.

Они спустились со стены и двинулись за Хатор-Ка. Потом остановились перед магическим заслоном.

- Нельзя тревожить волшебный круг, - предупредила воинов колдунья.

Мулэй послушно кивнул. Хотя лично он там, куда указывала Хатор-Ка, ничего особенного не видел.

Заставив мужчин сбиться в плотную кучку, чародейка вынула из сумки короткий жезл. И, начав с одной стороны группы, принялась чертить этим жезлом вереницу сходных рун таким образом, чтобы они постепенно соединились с Тот-Амоновым кругом. Рисуя, она видела исходившее от письмен зеленоватое свечение. Ее спутники не видели ровным счетом ничего. Когда оба круга слились, Хатор-Ка стерла руны непосредственно перед ними и провела своих людей сквозь заслон. За их спинами круг, чуть деформированный на месте прохода, продолжал как ни в чем не бывало испускать зеленоватое свечение, видимое только Хатор-Ка и ей подобным.

Внушительных размеров дверь стояла распахнутая. Видимо, Тот-Амон полагал, что его охрана - человеческая, нечеловеческая и магическая - обеспечивала более чем достаточную безопасность. Отряд вступил внутрь дома. Там было тихо, лишь в прихожей негромко журчал маленький фонтанчик. Нигде не горело ни светильника, ни свечи. Хатор-Ка пробормотала заклинание. Она-то видеть могла, но ее сообщникам нужен был свет. И вот над ее головой возник крохотный огонек и вырос в мягко светящийся шар. Шар всплыл к потолку, озарив удивительные фрески, изображавшие невиданные существа и целые миры.

Из прихожей вела единственная дверь, и по ту сторону ее лежала глубокая тьма. Хатор-Ка миновала фонтанчик и прошла в комнату. Светящийся шар поплыл за нею, воины устремились следом, но она сделала им знак остановиться. В дальнем конце чертога, на троне, установленном на невысоком возвышении, восседал не кто иной, как сам Тот-Амон. Великий маг был облачен в черное одеяние, оставлявшее открытым лишь выбритую голову аскета и кисти рук.

- Не это ли ищешь, Хатор-Ка? - спросил он, показывая ей большой кусок пергамента с растрепанными краями.

- Ты сам хорошо знаешь, что я ищу, - ответила она. - Верни мне украденное, и будем продолжать жить, как будто ничего не случилось!

- Оставим пустые слова, Хатор-Ка. Стал бы я совращать твоего послушника и обнаруживать, что знаю о потаенном тоннеле, если бы собирался возвращать тебе текст?

- Не стал бы. Но не стал бы ты и разговаривать со мною теперь, если бы не собирался кое-что мне предложить. Назови цену!

- Ты так легко вошла сюда только потому, что я этого захотел, - сказал маг. - А предложить тебе я хочу вовсе не выкуп. Я хочу заключить с тобой союз.

- Союз?.. - спросила она подозрительно. - Чего бы это ради мне объединяться с тобой?..

- Потому что иначе у тебя нет ни малейшего шанса выбиться в верховные маги. - И Тот-Амон вновь поднял пергамент: - Эта запись бесполезна, если не добавить к ней полный текст Великого Вызывания Сил.

- Я и без тебя владею этим заклятием! - не сдавалась Хатор-Ка.

- А вот и не владеешь. Всего два волшебника на свете в полной мере владеют этим величайшим из заклинаний. Один из них - я. Второй - вендиец по имени Джаганат. Еще девять располагают неполным вариантом, тем самым, который ты почерпнула у Хептех-Себека, соблазненного тобою и потом убитого...

Хатор-Ка прямо-таки окрысилась и ответила ему яростным взглядом. Но опровергать обвинение и не подумала.

- Твои усилия пропали даром, - продолжал Тот-Амон. - В твоей версии недостает шести стихотворных строчек и пяти очень значительных телодвижений. Произнести урезанное заклинание в миг величайшей ответственности - значит, всего лишь накликать на себя невероятно мерзкую и жестокую смерть. Клянусь в этом именем Отца Сэта!

- Ну так и что ты мне предлагаешь?..

- Я предлагаю посвятить тебя в истинный ритуал Великого Вызывания Сил. Когда в день осеннего равноденствия твое заклинание перенесет тебя на Бен Мор, ты возьмешь с собой моего эфирного двойника. Таким образом, когда церемония должным образом произойдет, мы с тобой разделим равную власть и станем вместе властвовать над миром.

- Не верь ему, госпожа! - прошипел Мулэй. - Если у него и текст и полное заклинание, почему он не желает стать единоличным правителем?..

- Потому, что ему не достичь Бен Мора ко дню осеннего равноденствия, ответила она. - Обнаружь он текст Скелоса прежде меня, думаешь, стал бы он теперь со мной торговаться?..

- Так ты принимаешь мои условия? - спросил Тот-Амон.

Хатор-Ка быстро прикинула про себя все плюсы и минусы этой сделки... Без истинного Вызывания ее в самом деле ожидала кошмарная гибель. Ну а если Тот-Амон вздумал научить ее ложному заклинанию?.. Нет, таким образом он ничего не выиграет, ибо в этом случае повелителем вместо нее становился Джаганат. Что ж, потом у нее будет масса времени, чтобы перехитрить и предать Тот-Амона.

- Принято! - решительно сказала она. - Но с одной оговоркой. Предателя Сенмута ты отдашь мне.

- Согласен, - кивнул Тот-Амон. - Тем более что мне он все равно больше не нужен.

Он сделал жест рукой, и в комнату вошли двое его слуг-людей. Они вели связанного Сенмута.

Хатор-Ка вперила в изменника змеиный взгляд. Тот под этим взглядом так и обмяк.

- Нам предстоит еще одна церемония, - сказала она. - Там требуется жертва. Ты как раз подходишь, Сенмут!

Его глаза округлились от ужаса: он сам был жрецом и без труда понял, на что она намекала. Слуги поволокли его прочь. Вопли предателя постепенно стихли в отдалении...

Глава двенадцатая
ПЕЩЕРАМИ ДЕМОНА

- Где-то здесь все-таки должно быть отверстие, - сказал Куланн. Прошел уже примерно час после восхода солнца. Трое спутников обшаривали дно странной ямы, пытаясь отыскать проход в подземелья, где скрылись виденные ими исчадия зла.

Конан, действуя эфесом кинжала, тщательно выстукивал камень, но пока безо всякого толку. Осязание и звук говорили об одном и том же: повсюду сплошной камень. Без каких-либо признаков пустот.

Ча тем временем изучал странные рельефы, разбросанные по дну. Кое-что, похоже, было высечено из цельного монолита, другое - отлито из расплава. Третьи фигуры состояли из камня, резко отличавшегося от местных пород. Казалось, они каким-то немыслимым образом выросли прямо на своих местах...

- Эй, кхитаец! - окликнул колдуна Конан. - Иди лучше помоги отыскать лаз внутрь! Потом разберешься со своими фигурами!

- Твоя слишком торопится! - заявил Ча. - Здесь много всякая интересная. Может, потом никогда не имей возможность увидеть подобное. - И он слегка пнул один из "выросших" валунов: - Вот это, например, не имеет никакого отношения к нашему миру. Это произошло из пустых пространств далеко за пределами нашей Вселенной с ее звездами и планетами. Никогда ничего похожего не видал!

Конан, имевший весьма смутное понятие о том, что такое планета, наотрез отказался удивляться.

- Сейчас не время ахать над диковинами, - сказал он. - Надо забраться туда и отыскать пленников, да притом успеть вылезти наружу прежде, чем зайдет солнце и нелюди опять начнут разгуливать по горам!

Кхитаец обошел стены ямы, потом внимательно обозрел пол.

- Нет здесь никакого входа, - уверенно заявил он наконец. - Мне кажется, я знаю, каким образом они это делают, но таким путем пройти мы не сможем. Надо забраться выше, в пещеру Крома. Возможно, что там...

Куланн покачал головой:

- Туда мы входим только ради наиболее значительных священнодействий, да и то - одни лишь вожди. Мало кто вообще бывал там, кроме старейшин. Мы не хотим навлечь на себя немилость Отца Крома...

Но Конан уже заметил тропинки, протоптанные по земле и относительно рыхлому щебню. Было похоже, что народ нелюдей вовсю сновал туда-сюда между пещерой и ямой.

- У вашего Крома последнее время было столько незваных гостей, - сказал Ча, - что еще троих, я имею в виду двоих немытых варваров и одного кхитайского мудреца, Он вообще вряд ли заметит.

И волшебник первым двинулся вверх по склону, прямо к зияющему входу в Обитель Крома. Внутренность пещеры оказалась безобразно загажена. Повсюду валялись испражнения и вонючий мусор - ни дать ни взять брошенная стоянка очень распущенного войска. При виде оскверненной святыни оба киммерийца пришли в тихую ярость, но ни тот

ни другой ничего не сказали. Потом Конан отпихнул в сторону груду обугленных поленьев, оставшихся от костра, и обнаружил под ними несколько начисто обглоданных костей. Человеческих.

Они забирались все глубже внутрь, пока не начал иссякать проникавший снаружи солнечный свет. Пещера здесь резко расширялась, уходя в кромешную тьму, лишь впереди виднелось что-то вроде гигантского валуна. Присмотревшись, люди увидели, что валун был не чем иным, как нижней частью скульптуры - парой гигантских ступней. Когда глаза начали привыкать к темноте, сделалось возможно различить всю статую, возвышавшуюся над головами. Она представляла собой великана, сидевшего на каменном троне. Оттуда, где они стояли, его можно было различить лишь до груди. Плечи и голова тонули в непроницаемом мраке.

- Это Кром, - сказал Конан. - Его изображений нет больше нигде. Я не знаю, кто сделал эту статую. Мой народ не владеет подобным искусством.

- Владел когда-то, - негромко поправил Ча. - Твой народ гораздо древнее, Конан, чем тебе представляется. И далеко не всегда вы были дикарями, живущими среди каменных гор.

Куланн с благоговением обозревал изваяние, достойно запечатлевшее угрюмое величие его Бога. Опустив наконец глаза, он заметил широкую дыру в камне как раз перед подножием статуи. Юноша вытянул руку:

- А это еще что такое?.. Вожди никогда не рассказывали, чтобы возле ног Крома был какой-то ход вниз...

- Так его тут и не было, - сказал Конан, подходя и приглядываясь. - Ох, Митра!.. Да они целую лестницу прорубили вниз, в свое логово!..

Ча внимательно изучил ступеньки, спускавшиеся во тьму.

- Эта лестница прорублена не вниз, - заявил он наконец. - Ее пробивали снизу. Посмотрите на отметки инструментов...

В каменотесном деле киммерийцы были весьма слабо осведомлены, а посему охотно поверили Ча на слово.

- Собери сколько-нибудь поленьев и палок, - велел Конан Куланну. - Нам понадобятся факелы... - Собрав немного горючего мусора, они изготовили подобия факелов и перевязали их гибкими прутьями. - Наверное, пленников заставляли притаскивать все это снизу, - сказал Конан и вытащил из кошеля кремень с кресалом.

- Я зажгу, - вызвался Ча.

Киммерийцы ждали, что он примется произносить заклинание, но он лишь вытащил из-под своих лохмотьев занятное механическое приспособление из камня и стали с приделанной к нему коробочкой Для промасленного трута. Взведя пружину, Ча щелкнул ею несколько раз. Полетели искры, трут скоро вспыхнул.

- Сейчас, - пояснил он, - с магией придется поосторожнее. Если я потревожу эфир волшебством, эти твари могут учуять наше присутствие!

Конан первым шагнул на ступеньку, и теплый ветер, дунувший снизу, взъерошил факельное пламя. Сквозняк нес с собой отчетливо ощутимое веяние древнего зла, и притом гулял туда-сюда, как если бы там, глубоко внизу, дышало чудовищное животное. Киммерийцы, спускаясь, держали руки на рукоятях мечей, кхитаец следовал за варварами на цыпочках. Ступеньки казались несоразмерно высокими и слишком широкими. Чувствовалось, что делали их не для людей.

По мере того как они спускались, в пещере, против всякого ожидания, делалось все

теплее. Вот кончилась крутая лестница, и открылся длинный, с гладким полом тоннель. Он тоже вел вниз, но гораздо более полого. Ча попросил своих спутников приостановиться и внимательно оглядел стены. В отличие от голого камня лестницы здесь повсюду рос тонкий пушистый мох.

- Старое, очень старое место, - сказал волшебник. - Не то что те ступеньки. Наши хвостатые друзья либо воспользовались древнейшим тоннелем... либо строили его долгие, долгие годы!

Они продолжили спуск. Вскоре начали попадаться тоннели поменьше, ответвлявшиеся от главного.

- Держитесь основного коридора и никуда не сворачивайте, - предостерег Конан. - Иначе заблудимся.

- А что, если наших держат где-нибудь там? - спросил Куланн, кивая в сторону бокового прохода.

- Кому будет прок, если мы потеряем дорогу? - сказал Конан. - Сделаем что сможем, а там видно будет!

Тоннель начал расширяться. Его пол утратил прежнюю гладкость и сделался более похож на пол естественной пещеры. Теплота, происходившая непонятно откуда, все усиливалась. По углам начали попадаться бледные грибы вроде поганок, гигантские наросты какой-то болезненной мерзости, скрученные в бараний рог неведомые побеги и иные гадости, еще менее описуемые словами. Кое-где эта дрянь, озаряемая отсветами факелов, еще и тошнотворно люминесцировала...

- Что это за нечистое место?.. - спросил Куланн. Его спутники промолчали: ответа не было ни у того ни у другого.

И вот спереди начали доноситься явственно различимые звуки и даже забрезжил неясный свет. Они погасили горевшие факелы и оставили не зажженные под шляпкой одного особенно уродливого гриба, мимо которого трудно было пройти, не заметив. Факелы еще пригодятся по дороге назад.

Впереди открылась широкая арка, обрамлявшая, по-видимому, вход в очень просторное помещение. Спутники подкрались к арке со всей осторожностью. По потолку тоннеля бродили зловещие отсветы: казалось, где-то там, существенно ниже пола, бушевало адово пламя.

- Будет стража?.. - шепотом предположил Куланн.

- А для кого ее тут выставлять? - сказал Ча. Тем не менее оба киммерийца вытащили кинжалы. Они передвигались пригнувшись, быстро и осторожно, как хищники на охоте. Оружие, которым они были увешаны, не издавало ни лязга, ни звона. Ни того ни другого не радовала перспектива бегать и прятаться по каким-то крысиным подвалам, но варвары были готовы вытерпеть все. Даже гнусную смерть в вонючей темноте вместо честной и славной гибели на чистом воздухе, под горным солнцем. Все, что их заботило, - удастся ли вызволить родню?..

Из пещеры впереди доносились самые разнообразные звуки: громыхание, рокот, кваканье, пронзительные крики боли. Тоннель завершился карнизом, нависавшим над грандиозным провалом, пожалуй, даже превосходившим тронный чертог статуи Крома. Трое мужчин легли на животы и бесшумно, как змеи, подползли к краю. Их глазам предстало зрелище, достойное кошмарного сна обезумевшего чародея...

Ни дым, ни туман более не прятали от взгляда творившихся внизу непотребств.

Сновавшие там нечеловеческие твари принадлежали, как оказалось, ко многим разным породам. И все они с лихорадочной поспешностью занимались непонятно чем. Кто-то гонял туда-сюда пленников-людей, подкалывая несчастных изуверского вида копьями, другие совершали странные ритуалы перед мерзкими святынями, подвергая бесцельным на первый взгляд пыткам не только человеческие существа, но и друг друга...

Большинство нелюдей относилось к тому же роду полуящеров, с которыми Конану и Куланну уже пришлось иметь дело на Полях Мертвых, но обнаружились и иные. Часть лишь отдаленно напоминала людей и походила скорее на гигантских суставчатых насекомых, другие ползали точно слизни, оставляя за собой скользкие полосы. Со стен свисали толстые мохнатые пауки. Твари, напоминавшие обезьян, сидели на корточках, бездумно колотя в барабаны. Еще какая-то нечисть с крыльями, как у летучих мышей, беззвучно парила под сводами, и, похоже, глаз у этих существ не было.

Другим порождениям Преисподней и вовсе невозможно было подобрать никакого связного определения. Здравый, ясный рассудок попросту отказывался признавать за подобным право на существование. Создания, чьи очертания все время менялись и оплывали, явно не имели никакого отношения ни к одному миру, хоть как-то пригодному для человека...

С пленниками-людьми - в большинстве своем молодыми женщинами и детьми вся эта дрянь обращалась как с последним скотом, не только бессловесным, но еще и отвратительным и нечистым. Было заметно: некоторые из людей опустились в бездны апатии и животного безразличия ко всему, даже к боли. Другие помешались от ужаса. Лишь некоторые сохранили гордость и порывались сопротивляться насилию. Причем было видно, что их за это неоднократно наказывали, и наказывали жестоко. Большинство пленников, судя по всему, относились к киммерийскому племени. Конан, однако, высмотрел и иных: асов, ванов, гиперборейцев и еще кого-то из племен, неведомых даже ему. А уж он где только не путешествовал!

... В темном уголке громадного помещения, отгороженном каменной стенкой, сидела кучка молодых людей, в основном киммерийцев. Глаза у всех пылали плохо скрываемой яростью. Присмотревшись к ним, юный Куланн едва не вскочил на ноги. Только тяжелая рука Конана, пригвоздившая парня к полу, удержала его от необдуманных действий.

- Бронвит?.. - прошептал Конан.

- Она!.. - выдохнул Куланн. - Там, в углу! В синем плаще!..

Конан немедленно высмотрел ее. Красивая крепкая девушка, только что достигшая брачного возраста. У нее были большие карие глаза и черные волосы. Синий плащ, накинутый на одно плечо, составлял всю одежду, которую сохранили ей мучители.

Ее товарищи по несчастью выглядели не лучше. Остатки одежды висели на их телах кровавыми клочьями. На лице Бронвит не было страха, но взгляд так и метался по сторонам. Не от ужаса: она как будто все время искала возможности убежать. На какой-то миг ее взгляд задержался на каменном карнизе, откуда на нее смотрели трое мужчин. Но только на миг. Бронвит снова начала оглядываться...

Конан дотянулся до обоих своих спутников, и они отползли назад, туда, где топорщились уродливые грибы.

- Ты присмотрел себе отличную девку, малыш, - сказал Конан Куланну. Настоящая киммерийка. Она ведь заметила нас. Но ничем этого не показала. А те ребятишки, что сидели кругом нее? Они выглядели далеко не такими запуганными, как все остальные.

Спорю на что угодно, все дело в ней. Она не дает ребятам сломаться!

- Это так, - ответил Куланн, и в его голосе мешались гордость и страх. Мы обязательно должны спасти ее. Все остальные, которых там держат, младше Бронвит. Трудно будет их вытащить...

- Ты прав, - кивнул Конан. - И она их, конечно, не бросит. Тем более что они, кажется, почти сплошь Муррохи. Должно быть, их захватили в том же набеге, что и ее...

- Каким образом вы определяете, к которому клану принадлежат раздетые ребятишки? - поинтересовался Ча. Насмотревшись на измывательства, творимые нелюдями, кхитайский колдун как-то странно притих.

- Глаза, - пояснил Конан. - В других кланах не бывает столько кареглазых.

Ча передернул плечами:

- По мне, так они все одинаковые...

- Ну и как же мы будем их выручать? - спросил Куланн. - Тут, насколько я понимаю, не бывает ни ночи, ни дня. Может, эти твари и вовсе не спят. И потом, их там столько...

Конан повернулся к Ча.

- Давай, колдун, - сказал он. - Твоя очередь. Отрабатывай свой хлеб. Если ты вправду великий маг, как хвастался, так примени свое мастерство и сооруди нам какой-нибудь способ выручить соплеменников. А дойдет до мечей, тут уж можешь положиться на нас...

И тут кхитаец впервые за все время разволновался, даже рассердился.

- Значит, хотите, чтобы я пожертвовал собой, выкупив таким образом несколько человек из вашей родни? - Костлявая рука вынырнула из лохмотьев и простерлась в сторону ужасной пещеры. - Видели, что там происходит? А ведь это всего одно маленькое местечко. Под одной-единственной горой. Вы что, не понимаете? Если я оплошаю, весь мир станет как там!..

Конан ответствовал невозмутимо:

- Всякому овощу свое время, колдун. Нечего тут нам сразу задвигать про мировые проблемы. Для начала мы вытаскиваем оттуда наших ребят и прячем их куда-нибудь в безопасное место. Потом начинаем заниматься твоим делом. Опять же и я должен исполнить поручение, за которое взялся... Что бы там ни было, а клятвы я не нарушу!

- Варвары!.. - простонал Ча. - Забьют себе голову одной какой-то идеей и ничего больше не замечают вокруг!..

Куланн озадаченно посмотрел на него:

- Мы ценим наше родство. И наше слово. О чем еще ты говоришь?..

Ча зашипел с видом величайшего отвращения. Потом сказал:

- Да будет так!.. Я дам вам возможность. Но всего одну! И поторопитесь!..

- Одна-единственная возможность - это все, что нам надо, - сказал ему Конан. - А насчет быстроты, ты уж не сомневайся.

- Я не буду пользоваться магическим оружием, - сообщил ему Ча. - Приберегу на потом. Я сотворю иллюзию. Отвлеку демонов. У вас будут считанные мгновения, чтобы вытащить ваших драгоценных родственников сюда наверх. Потом придется бежать, и по возможности быстрее, чем демоны. Ибо я ничем не смогу вам больше помочь!

- Давай, - сказал Конан. - Действуй. Скажи нам, когда будешь готов.

Бронвит сидела на жестком камне, обхватив руками колени. Она ждала. Она не осмелилась открыть остальным то, что ей недавно посчастливилось заметить. Исстрадавшиеся меньшие могут не утерпеть и как-нибудь выдать пробудившуюся надежду, и

тогда их мучители сразу поймут: что-то не так. Бронвит только непроизвольным движением натянула на плечи продранный плащ, хотя в пещере было тепло.

Она видела троих мужчин, заглянувших в пещеру сверху, через каменный край. Две головы были всклокоченными, черноволосыми. Третья сверкала почти сплошной лысиной. Теперь Бронвит гадала, померещилось ей или один из мужчин в самом деле был Куланн? Но если так, то кто был тот, второй киммериец?.. Конечно, оба могли оказаться и ее родственниками. Даже скорее всего, что так. Мог, правда, и Куланн явиться за ней в одиночку, презрев все ужасы и опасности ради данного когда-то слова. Но чтобы его родич согласился рисковать головой ради девчонки из клана Муррохов?..

Немного подождать, и она узнает ответы на все свои. вопросы. А пока надо подготовиться к действию. Чтобы, когда настанет решительный миг, не оплошать, отвоевывая свободу младшеньким и себе. Бронвит была здесь самой старшей. Она за них отвечала. Перед кем? Перед собственной совестью.

Бронвит была высокой, сильной и красивой девушкой, даже не слишком исхудавшей в заточении, несмотря на более чем скудную пищу, которой им приходилось довольствоваться. Остальная ребятня тоже умудрилась не особенно ослабеть и зачахнуть. Киммерийским детям было не привыкать к лишениям. Вот с чем они никак не могли примириться, так это с несвободой, и примерными узниками отнюдь не являлись. Кожа у каждого была обильно располосована ударами шипастых бичей, что таскали с собой чешуйчатые охранники-полуящеры. Бронвит украшало даже побольше страшных отметин, чем всех остальных. Она всякий раз пыталась защищать младших. За что и платила собственной кровью.

Томясь в ожидании, она вполголоса напевала печальную песенку. Ее лицо над краем синего плаща светилось красотой, несломленным мужеством и разумом. И, что самое прекрасное, разум этот был здравым. Чтобы сохранить его таковым, Бронвит понадобилось немало усилий, особенно в последние недели. Или это были не недели, а целые месяцы?.. Счет времени легко терялся в пещерах. Иногда пленников вытаскивали на поверхность и заставляли трудиться внутри огромной ямы, исполняя работу непонятного предназначения. Вот только невозможно было понять, какие отрезки времени разъединяли эти ночи: день? или несколько дней?..

Еще Бронвит знала, что только ее твердость удерживала маленьких подопечных от отчаяния. И как следствие - от безумия.

Это тоже было непросто. Ребятишек уволокли из дому демоны Преисподней. Некоторые видели, как демоны убили их старших родственников, а потом сожрали тела Памятуя об этом, киммерийские подростки стоически отказывались от мясных обрезков, которые мучители время от времени предлагали им в пищу.

Но хуже всего была неизвестность. Зачем их сюда привели? Для какой цели держали? Что за судьба ждала впереди?.. До сих пор Бронвит думала, что самая худшая участь, которая только может выпасть человеку, - это рабство. Подумаешь, смерть!.. Смерть приключалась достаточно часто, ее смешно страшиться. Как и все киммерийцы, достигшие возраста самостоятельных решений, Бронвит давно уже поклялась, что скорее убьет себя, чем позволит, чтобы ее насильно увезли на чужбину и продали в рабство Но этот плен... Слишком близко был дом, а значит, еще оставалась надежда. Мучительная надежда, до недавних пор казавшаяся несбыточной.

Бронвит сидела на камне и гадала, скоро ли придут те, кого она видела наверху.

Постепенно усталость взяла свое, и девушка готова была задремать, но внезапная

тишина, воцарившаяся в пещерах, тотчас выдернула ее из объятий сна. Неожиданное прекращение сатанинского гвалта потрясало не меньше, чем поначалу - постоянный истошный крик вокруг.

Те из тварей, что имели шеи, вовсю изворачивали их, силясь посмотреть наверх, где происходило нечто поистине необыкновенное.

Там, под самым потолком, прямо из воздуха возникало невиданное существо. Оно постепенно принимало отчетливую форму, и форма эта была отчетливо человеческой, если не считать гигантских размеров. Лик существа был величествен и безмятежен, тело и конечности - безупречно соразмерны. Рук, правда, оказалось несчетное множество, и все двигались. Существо как бы исполняло замысловатый танец под неслышимую музыку.

И от пяток до макушки оно было ярко-синего цвета...

Нелюди-стражи между тем несколько пришли в себя от первоначального потрясения и выражали свое смущение и замешательство какофонией кваканья, шипения и хриплого клекота. Бронвит затруднилась уловить связь между необыкновенным видением и тройкой отважных незнакомцев, но то, что неожиданный поворот событий мог способствовать побегу, было для нее очевидно.

- Будьте готовы, - тихо сказала она своим подопечным. - Может, это наш шанс!..

Подростки осторожно задвигались, разминая затекшие ноги. Чтобы не подкачали, если в самом деле последует отчаянный рывок на свободу!

Потом Бронвит услышала негромкий переливчатый свист и, оглянувшись, увидела двоих мужчин, скорчившихся у стены каменной загородки. Один из них в самом деле был Куланн. Ее Куланн. При всем самообладании, сердце у Бронвит встрепенулось в груди, точно горный олень. Второй человек оказался незнаком ей. Ясно было только, что Куланн привел с собой родственника: у незнакомца были те же характерные черты лица, присущие всем Канахам. Куланн поманил девушку жестом, Бронвит подала знак остальным, и подростки, низко пригибаясь, почти ползком поспешили к двоим мужчинам, которые без лишнего промедления помогли им перелезть через ограждение. Часовые, торчавшие поблизости на посту, продолжали безмозгло таращиться на пляшущее видение под потолком. На счастье беглецов, никто из их противников, кажется, не был обременен излишним умом.

Перебежав вдоль стены пещеры, мужчины повели беглецов по узенькому карнизу, который поднимался, извиваясь, по стене к тому самому выступу, где Бронвит их увидела в самом начале. Даже младшие ребятишки ступали по предательски узкой тропке уверенно, точно горные козлята. Подсадив последних малышей на спасительный выступ, мужчины забрались туда сами. Невероятно, но их до сих пор не заметили!.. Должно быть, благодаря завораживающему танцу, еще длившемуся над головами охранников...

По-прежнему незамеченными они достигли устья тоннеля.

- Куланн... - начала было Бронвит, но старший из мужчин перебил:

- Не время! - И проворчал: - Бегите-ка лучше. Там, подальше, найдете зажженный факел и кучу негорелых. Возьмите их и топайте прямо, никуда не сворачивая. Лестница выведет вас в Обитель Крома. Вылезайте наружу - и быстренько вниз, через Поля Мертвых. Если не будете мешкать, друзья встретят вас раньше, чем успеют сцапать демоны!

Куланн пояснил:

- Это Конан, мой двоюродный брат.

- Конан... - повторила Бронвит. И вспомнила, что ей уже доводилось слышать это имя.

Тут подал голос всклокоченный мальчишка лет двенадцати от роду:

- А с какой бы стати Муррохам доверять собаке Канаху?

Усмехнувшись, Конан развернул паренька и увесистым шлепком пониже спины направил его в сторону далекого выхода:

- Там, снаружи, только что разослали Кровавые Копья, малыш. Вот настанет мир, тогда и выясним отношения.

- Не сердись на него, - сказала Бронвит. - Это мой брат, и упрямства в нем не меньше, чем в любом из мужчин нашего клана. А вы двое что собираетесь делать?

- Прикроем ваш отход, - ответил ей Конан. - Тот пляшущий вендийский идол всего лишь иллюзия, созданная нашим приятелем колдуном, и рано или поздно демоны допрут, что к чему. Давайте-ка делайте ноги!

Бронвит быстро, с необыкновенной страстью поцеловала Куланна - и побежала Подростки последовали за ней, за исключением мальчишки, обозвавшего Конана собакой. Он сказал.

- Еще не хватало, чтобы Муррох убегал, а Канах прикрывал ему спину! Я остаюсь с воинами!

И паренек выпятил тощую грудь, подхватив с полу острый обломок камня

Конан проговорил с полной торжественностью, без малейшего намека на иронию:

- Мы прикрываем тыл, воин Муррохов. Это опасно. Но кто знает, что там таится впереди, в этих пещерах? Быть может, еще большая опасность. Кто же защитит от нее беглецов?

Какой-то миг мальчишка помедлил в задумчивости.

- Ты прав, - сказал он наконец. - Удачи вам, мужи Канахов.

И, не выпуская камня из рук, он со всех ног помчался туда, где уже мерцал во тьме огонек факела.

Конан вновь усмехнулся:

- Ты присмотрел жену из хорошей семьи, родич. Такие, как эти брат и сестра, составят гордость любого клана.

Куланн улыбнулся. Это была улыбка человека, обретшего душевный покой.

- Я пришел за ней, как велела мне клятва. Теперь я могу умереть и не стыдясь предстать перед Отцом Кромом... - Он прислушался к тому, как вновь переменился доносившийся снизу гвалт, и заметил - Как бы не случилось это совсем скоро, двоюродный брат! Хитрость колдуна, похоже, раскрыта!

- Пошли, - сказал Конан.

И они рысцой, стараясь не оступиться в потемках, направились следом за беглецами. Вскоре сзади послышался шум погони. Канахов утешало только одно: самого побега стражники не видели, а значит, понятия не имели, в какую из множества дыр юркнули бежавшие. Наверняка они разделятся, чтобы обшарить весь лабиринт. Конану и Куланну, таким образом, не придется биться против всех сразу.

Темнота и непривычная обстановка подземелий немало замедлила их бег, так что шум погони вскоре приблизился Киммерийцы, не сбиваясь с шага, разом вытащили мечи. Впрочем, первая стычка произошла с врагами, выскочившими спереди, а не сзади. Из какого-то узкого бокового тоннеля возникла пара людей-насекомых. В каждом - не менее семи футов росту, угловатые тела блестели в отблесках света, точно спинки жуков. Множество рук - или лап? - сжимало странного вида оружие, с которым они и устремились в атаку.

Конан увернулся от удара зазубренного меча, занесенного раскроить ему череп, и

резанул тварь поперек груди, отколов пластину плотного, точно рог, хитина. Существо зашипело и попыталось ухватить его свободной суставчатой лапой. Клешня впилась в левую руку Конана, причиняя невероятную боль. Силы тварь оказалась ужасающей, и киммериец понял, что следует разделаться с ней как можно быстрее, иначе - смерть Безвыходность положения удвоила силы. Конан приставил конец меча к тому месту, откуда только что снес естественный панцирь, и пырнул изо всей мочи. Раздался треск, и голубое лезвие неожиданно проломилось насквозь. Человек-насекомое издал отвратительный вопль, выпустил руку Конана и попытался высвободиться сам. Воин схватил рукоятку меча обеими руками и вырвал оружие из раны Хлынула желтая жидкость, мерзко пахнувшая кислятиной. Тварь рухнула на пол и стала корчиться в предсмертных муках, гремя панцирем о камни.

Конан стряхнул с меча поганую кровь, обернулся и увидел, что Куланн прижал своего супротивника к стене пещеры. Существо неуклюже отмахивалось корявым копьем. Куланн наседал на него со всем пылом свершившейся мести. Сперва он отсек монстру лапу по локоть. Потом подрубил колено. И наконец снес ему, уже падавшему, безобразную голову. Конан заинтересованно проследил взглядом полет отрубленной головы. Та пролетела, вращаясь, немалое расстояние по направлению к большой пещере И с невнятным шлепком приземлилась где-то далеко за пределами видимости.

- С этими не в пример легче справляться, чем с ящерами, - спокойно заметил Куланн.

- Зато пещеры они знают не хуже, - откликнулся Конан - Хорошо бы больше с ними не сталкиваться!

Добравшись до подножия лестницы, они полезли наверх. Они явственно слышали за собой погоню, в том числе громкое шипение людей-ящеров. Пришлось прибавить шагу. По высоким ступенькам бежать было зверски неудобно, но выносливость, присущая горцам, выручила и на сей раз Выбравшись наверх, оба дышали лишь немногим чаще обычного.

Обитель Крома была залита ярким солнечным светом. Демоны были вынуждены оставить погоню, только доносилось раздосадованное шипение Киммерийцы остановились передохнуть.

- Солнечный свет, похоже, остановил их, - полуутвердительно проговорил Куланн.

- На время, - сказал Конан. - Они ведь выходили на солнце, когда отправлялись громить поселения. Лучше убраться подобру-поздорову, пока опять не собрали черное облако и не последовали за нами!

Они направились к выходу, и Куланн указал родичу на огарки факелов, брошенных беглецами.

- По крайней мере, сюда Бронвит с ребятами добрались благополучно, сказал юноша. - Наверное, сейчас они пробежали уже полпути до подножия!

Они шагнули наружу из пещеры...

- Давай догоним их поскорее, - продолжал Куланн. - Я не успокоюсь, пока...

Тут они увидели, ЧТО их ожидало снаружи.

- Кости Крома!.. - хором выругались двоюродные братья и дружно рванули из ножен мечи.

- Еще двое!.. - сказал. Старкад. - Вот только этих двоих нам живьем, похоже, не взять!..

Глава тринадцатая
ВОЛКИ ВАНАХЕЙМА

Мгновения, пока меч покидал ножны, хватило Конану, чтобы зрачки зорких глаз во всех подробностях запечатлели представшее зрелище. Перед устьем пещеры широким полукругом стояли вооруженные ваны. Их было здесь не менее сотни. Сбоку Конан заметил человека в богатом вооружении: наверное, вождь. Рядом с вождем держалось двое явных чужестранцев довольно странной наружности. Один ван валялся мертвым. Голова у него была проломлена зазубренным камнем. Подле него лежал на земле братишка Бронвит. Черные волосы подростка слиплись от крови. Саму Бронвит и остальных ребят-киммерийцев ваны держали между собой и пещерой.

- Ваны на склонах Бен Мора! - прокричал Куланн Вид у юноши сделался полубезумный. Зрелище заклятых врагов, ванов, попирающих священную гору, подействовало на киммерийца не хуже, чем вид демонов, оскверняющих святыню народа

Конан, отнюдь не потерявший самообладания, глухо зарычал:

- Делай как я!..

Ему не раз приходилось бывать в таких переделках. Ваны слишком растянули свой строй, устраиваясь полукругом перед пещерой. В глубину этот строй был один-два человека, не больше. Завязывать бой со всеми врагами сразу бессмысленно, а вот прорубить пленникам лазейку на свободу - отчего бы и не попробовать?.. Там, где стоял вождь, ванский строй показался Конану тоньше всего, и он выбрал для прорыва именно это место

- Убить двоих собак! - приказал Старкад.

Его воины двинулись вперед, предвкушающе усмехаясь, но успели сделать всего один шаг. Из глотки Конана вырвался дикий боевой клич, знаменитый военный клич киммерийцев. Молодой великан рванулся вперед. Навстречу ему из строя вышел какой-то ван. Он держал в руке топор и прикрывался щитом. Конан нанес стремительный удар снизу, рубанув по краю щита Голубое лезвие, даже не задержавшись, снесло щит и врубилось воину в бок. Окровавленные железные чешуи полетели в лица стоявшим поблизости

Конан же уперся ногой в грудь сраженному воину и отшвырнул прочь тело. Меч вышел из страшной раны, издав хлюпающий звук. Мгновенно развернувшись, Конан использовал энергию движения, напав на вана, подбиравшегося к нему справа. Он ударил наотмашь, не успев восстановить равновесия, но даже такой удар оказался достаточно мощным, чтобы рассечь рогатый шлем врага от виска до носовой стрелки, а заодно перерубить топорище секиры.

Между тем двое ванов попробовали сладить с Куланном. Юноша нырнул вперед и кувырнулся прямо им под ноги, изумив и сбив с толку нападавших. Куланн же, катясь между ними, ударил правого вана снизу под щит, до кости разрубив бедро. Тот с воем свалился, а Куланн вскочил на ноги, оказавшись за спиной у второго. И обрушил быстрый удар на его шею пониже шлема. Голова свалилась на камни. Тело еще не успело упасть, а Куланн уже поворачивался, чтобы схватиться со следующим...

Ванский строй и вправду распался. Образовалась прореха в несколько шагов шириной. Конан обернулся к пленникам и рявкнул:

- Бегите!

Бронвит первым долгом подоспела к брату и вскинула мальчишку на плечи. Благо тощее тело весило не больше мешка с мукой, которые она с детства привыкла таскать. Девушка первой устремилась в прорыв, и за ней понеслись остальные. Какой-то ван изготовился ухватить беглянку, но Куланн на миг оставил соперника, с которым рубился, и отсек вану руку еще прежде, чем та коснулась девушки. За это Куланну пришлось поплатиться неглубоким порезом поперек груди, но его ответный удар решил дело. разрубил и носовую стрелку шлема, и череп под шлемом.

Давая время пленникам скрыться, Конан яростно насел на ванов, заставив их попятиться еще больше. Храбрости его врагам было не занимать. Но этот вихрь стремительной ярости и умопомрачительного мастерства хоть кого мог заставить попятиться. Конан расколол еще чей-то щит, снес с какого-то шлема украшение в виде крыла, потом повернулся - и дал деру.

- Бежим! - заорал он, обращаясь к Куланну.

Юноша прекратил бой так же внезапно, как Конан, и беспрекословно последовал за родичем. Прошло целое мгновение, пока ваны поняли, что, собственно, произошло. Потом они устремились в погоню. Но гнаться, как скоро выяснилось, было бесполезно. Киммерийцев не отягощали доспехи - только оружие. И они летели вниз по склону, легконогие, точно горные козлы Ваны, непривычные к горам и разреженному воздуху, тяжело и медленно ковыляли следом.

Старкад презрительно запыхтел, наблюдая, как его воины, запыхавшись, останавливаются после какой-то сотни шагов, а потом поворачивают и тащатся назад. Черноволосые тем временем почти совсем скрылись из виду

- Чтоб я еще когда отправился в Киммерию с оравой ни к чему не пригодных молодых дуралеев!.. - плюнул Старкад - Отныне и впредь буду водить на черноволосых только опытных, проверенных воинов!

Джаганат чуть улыбнулся, услышав из его уст "отныне и впредь". Старкад его улыбки не заметил.

- Если эти двое были типичными киммерийцами, - сказал волшебник, - я более не удивляюсь тому, что вы, ваны, предпочитаете нападать только на уединенные становища, притом по ночам и намного превосходящими силами.

- Мы их не ждали! - мрачно проворчал Старкад. - А люди мои - дурак на дураке Кажется, чего проще - зайти со спины, когда одинокий враг дерется сразу с двоими! Обойди и руби его в свое удовольствие. Так ведь нет, даже и до этого не додумались. Приспичило, вишь, недоноскам ввязываться в единоличные поединки! Можно подумать, певцы про них поэмы складывать собирались!.. Старкад подошел туда, где лежали на земле мертвые и умирающие. - Ну и дел натворили эти двое черноволосых. И хоть бы один шлем или кольчуга на двоих...

Предводитель остановился над телом самого первого павшего от руки Конана. Мертвый еще держал расколотый щит. Сквозь дыру во вспоротой броне было видно тело, разрубленное сбоку до позвоночника. От обнаженных внутренностей шел пар.

Старкад выпрямился.

- Тот из двоих, что постарше и повыше, - это, наверное, кто-нибудь из ихних великих воителей, - высказал он свое мнение. - Сказали бы мне, что есть человек, способный нанести такой удар, я бы в глаза плюнул лжецу. Юнец тоже здорово дрался бил, когда мог, туда, где не было лат... Но этот старший... Старкад покачал головой, как бы не вполне веря

увиденному. - Он же разрубил щит и броню, точно струйку дыма!.. - И, свирепея, повернулся к Джаганату. Это что, какое-то волшебство? Я еще ни разу не видел таких мечей, как у него. Голубая сталь!.. Клинок небось заколдованный?

Джаганат отрицательно покачал головой

- Я плохо разбираюсь в мечах, - сказал он, - однако никакой колдовской ауры не ощутил. Так что не надо оправдывать неуклюжесть своих воинов, перекладывая вину на каких-то там сверхъестественных помощников киммерийца Многие правители до тебя совершали эту ошибку!

Отповедь больно ужалила самолюбие Старкада, но прямо перед глазами была не менее обидная правда, и ван промолчал.

- Пошли внутрь, - сказал Джаганат. Они с Гопалом первыми вошли под высокие своды, Старкад двинулся следом.

Они остановились у подножия каменного исполина. Старкад уставился вверх, слегка подавленный величием статуи.

- Так вот он какой, старый Кром-из-Горы, - проговорил он наконец. Велю-ка я своим людям развести костер побольше, да и рассмотрим лицо!

В голосе Джаганата впервые за все время послышался некий отзвук боязни:

- Не думаю, что тебе в самом деле хочется увидеть Его лицо...

Он смотрел вверх, в темноту, с таким видом, словно видел это самое лицо совершенно ясно.

Старкад глянул под ноги, на рваное отверстие в камне, на таинственные ступени, уводившие вниз. Оттуда доносилось шуршание. Чьи-то шаги?..

- Вот что, колдун, - проговорил предводитель отряда - Пора уже тебе рассказать мне кое о чем, чего я не знаю. Что здесь делают все эти киммерийцы? Если не считать двоих воинов и девушки, беглецы были детьми и подростками. Они удирали из этой самой пещеры. И выглядели так, как если бы их долго держали в плену. А там, внизу, кто-то шуршит, и мне это не по нутру. Там кто-то есть. На кой ляд мы все приперлись в эту пещеру?..

Джаганат ответил ему со своим обычным высокомерием:

- О том важном деле, которое меня сюда привело, тебе знать незачем. Незачем тебе и бояться того, что внизу. Моя волшебная сила тебя защитит Что же до киммерийцев... Все это - слишком высокие материи, уразуметь которые могут лишь могущественнейшие чародеи. Ты не поймешь, даже если я попробую объяснить. Отдыхай и тешься мыслью, что все идет согласно задуманному мною! - И он сделал небрежный жест, как бы отмахиваясь от сущей чепуховины. - Завтрашний день мы посвятим отдыху, а я займусь необходимыми приготовлениями. Послезавтра - день осеннего равноденствия, когда я намереваюсь свершить свой обряд. Через час после рассвета все мои дела здесь будут полностью завершены.

Его слова ничуть не развеяли сомнений Старкада. Ван крепко подозревал, что волшебник был вполовину не так осведомлен, как пытался его убедить. А уж присутствие киммерийцев Джаганата и вовсе сбило с толку.

- Ладно, - смягчился наконец Старкад. - Потерпим до послезавтрашнего утра. Через час после рассвета выступаем домой. Ты учти, ни мгновения лишнего мы тут торчать не намерены. Когда черноволосые доберутся до родной деревни, сюда прямым ходом побегут все вооруженные киммерийцы, какие только сыщутся на три дня пути окрест!

Джаганат согласно кивнул, и тонкая улыбка вновь тронула его губы:

- Значит, времени у нас более чем достаточно. Покамест ты мне больше не нужен.

И Старкад вышел наружу, где топтались его воины. Дождавшись, пока ван больше не мог их подслушать, Гопал обратился к дяде:

- Все действительно обстоит именно так, как ты ожидал, дядя?..

Джаганат нахмурился:

- К сожалению, другие маги успели поработать здесь, племянник. Могущественные маги, владеющие высшими знаниями. И у кого-то из них хватило дурости открыть прямо здесь дорогу в наш мир демонам из иных измерений. А с этими тварями лучше не связываться, пока не приобретешь полной власти... Но вот кто все это учинил? Тот-Амон?.. Хатор-Ка?.. Минг Тзу?.. Не могу взять в толк, у кого хватило бы разом глупости и могущества... - Джаганат огляделся. Но покамест на месте присутствую один я. А мы с тобой хорошо знаем, что никакие хитрости не помогут, если взыскующий высшей власти не сможет лично присутствовать на рассвете в день равноденствия... - Джаганат вновь огляделся. - Еще я чувствую здесь какое-то странное, очень странное колдовство. И я опять-таки не могу понять, кому оно принадлежит. Знаю только, что ко всему этому... - он указал на дыру со ступеньками, - ... оно не имеет никакого отношения. - Его взгляд вновь скользнул вверх, к исполинской фигуре на окутанном сумраком резном троне. - И потом, этот Кром... Он совсем не таков, как я ожидал!

Гопал испытывал величайшее беспокойство. Сколько он себя помнил, его дядя всегда не просто говорил, а изрекал нечто, исполненное непоколебимой уверенности. Теперь было похоже, что некий соперник умудрился эту уверенность поколебать. И Гопалу казалось, будто сама земля готова уйти у него из-под ног.

- Ты победишь, дядя, - выговорил он неверным голосом. - Ты превзойдешь всех и обязательно победишь!

Джаганат стряхнул дурные предчувствия и снова заулыбался:

- Ничего не бойся, Гопал! Минует день равноденствия, и я стану величайшим из магов, когда-либо живших на этой земле!..

Достигнув дна долины, именуемой Полями Мертвых, Конан, Куланн и бывшие пленники остановились передохнуть. Тем более что многие из младших ребятишек были не в самом лучшем состоянии после долгой неволи.

Куланн взобрался на вершину одного из могильных холмов и посмотрел назад, туда, откуда они пришли.

- Погони нет, - доложил он, вернувшись.

- Так я и думал, - ответил юноше Конан. Присев на камень, он принялся тщательно отчищать свой клинок. - Любой ван, попав в горы, превращается в мешок дерьма. Я всегда это говорил!

С удовольствием убедившись, что лезвие нисколько не пострадало и не обзавелось ни единой зазубриной, Конан убрал его в ножны и поднялся на ноги. Бронвит склонилась над неподвижным братишкой. Она так и тащила его на плечах все это время.

При приближении Конана она с пробудившейся стыдливостью запахнула на себе остатки плаща.

- Живой, - сказала она.

Конан наклонился и раздвинул на голове мальчика черные пряди, запекшиеся кровью. Кожа под волосами была рассечена, в ней зияла рваная рана, но черепная кость осталась цела.

- Поправится, - сказал Конан. - У Муррохов всегда были толстые черепа.

Куланн подошел к ним и спросил:

- А что там твой чужеземный приятель?

Конан пожал плечами:

- Мне-то откуда знать? У него там, в горе, был еще какой-то свой интерес... Так что без дела кхитаеза, наверное, не сидит. А позаботиться о себе он и сам прекрасно способен.

- Как же нам быть дальше? - спросила Бронвит. - Кое-кто из малышей не сможет завтра идти.

- А демоны непременно вылезут, когда опять станет темно, - добавил Куланн. - Где-то примерно тут мы встретили давеча двоих...

- Останемся здесь, - проговорил Конан. - Я своих ванам и демонам на растерзание не бросаю. Пока я дышу, больше ни одного киммерийского ребенка они не получат. Будем ждать... Войско скоро должно сюда подойти.

- А если оно не успеет и враги на нас нападут? - спросила Бронвит.

Конан обвел глазами могилы давно умерших героев:

- Коли так... Здесь, где спят великие предки, не самое худшее место для встречи со смертью!

Обшарив долину, беглецы набрали достаточно топлива, чтобы жечь костер до рассвета. Конан первым встал на стражу у верхнего входа в долину. Когда небо стало темнеть, он увидел, что к нему наверх лезет брат Бронвит. Голова у паренька еще кровоточила, но глаза были ясные, и шел он уверенно.

- Привет тебе, воин, - окликнул его Конан.

- И тебе привет, - отозвался подросток и уселся рядом с Конаном. - Меня зовут Бодхранн. Я весьма сожалею, что не смог посмотреть, как ты сегодня крошил ванов. Моя сестра говорит, ты неплохо сражался... Для Канаха, конечно.

- Великая честь услышать такую похвалу от Мурроха, - сказал Конан.

- Но что эти ваны делали на Бен Море?..

- Я бы многое отдал, - сказал Конан, - чтобы узнать ответ на этот вопрос. Я, между прочим, видел там с ними двоих чужестранцев. И я почему-то не сомневаюсь, что именно они и привели сюда рыжебородых. Что-то чародеев нынче на Бен Море как блох!.. Те двое, если я еще не ослеп, были родом с Востока. И явно не дураки в колдовстве...

Мальчик пожал плечами:

- Какая разница? Они чужеплеменники. Они будут убиты за то, что осквернили прах наших мертвых. А что, правду сказала моя сестра, будто собралось великое ополчение?

- Да, это правда. Кланы сошлись к Стоячему Камню и скоро придут сюда. Надеюсь, не позже чем завтра. Они идут быстро и времени не теряют. Какой бой будет! Такого наша земля еще не видывала.

Куланн присоединился к ним, явившись со стороны лагеря.

- Всех уложили, - сказал он. - Устроили как можно удобнее, хотя... А впрочем... Они сбили ноги, замерзли и изголодались, но до чего счастливы!

Конан хмыкнул:

- А ты бы на их месте не радовался?

- Мне надо с тобой кое-что обсудить! - сказал Бодхранн Куланну.

- Я слушаю, - ответил Куланн.

- Ты, значит, собрался взять в жены мою сестру?

- И возьму, - заверил его молодой Канах

- А я тебе не позволю!.. Между нашими кланами распря Чтобы получить Бронвит, ты должен будешь силой отобрать ее у родственников-мужчин!

И подросток воинственно выпятил костлявую челюсть.

- Кровавые Копья разосланы ко всем кланам, - напомнил ему Куланн. - Все распри отложены до лучших времен. А это значит - никаких похищений.

- Вот как!.. - Бодхранн выглядел озадаченным. - Но когда это бывало, чтобы парень и девка из враждующих кланов справляли свадьбу под Белым Щитом?..

- До сих пор не бывало, а теперь будет. Именно это мы с Бронвит и совершим, как только соберутся свидетели.

- Но так дело не делается! - упорствовал Бодхранн. У паренька самым нечестным образом уплывал из рук шанс на преотличную драку, и это злило его.

- А я рад, что все поворачивается именно таким образом, - сказал Куланн. Может быть, мне пришлось бы убить тебя при похищении Бронвит.

- Тебе пришлось бы попытаться убить меня! - свирепо фыркнул Бодхранн. Еще неизвестно, удалось бы тебе или нет!

И он пошел прочь. Худенькая спина прямо-таки излучала раненое достоинство. Конан улыбнулся, глядя ему вслед. Но смеяться не стал.

- А если назавтра войско не явится?.. - спросил Куланн.

- Ты свой обет выполнил, - сказал ему Конан. - Завтра, прежде чем стемнеет, уведешь ребятню вниз по склону. Там ты уже точно встретишь наших, и притом скоро. Я же должен буду дождаться утра. Я свою клятву еще не сдержал...

- Я останусь с тобой, - спокойно проговорил Куланн. - Канах не должен идти в битву один, если жив родственник, способный оказать ему помощь.

Конан спорить не стал. Знал, что это все равно бесполезно.

Ночь прошла спокойно: демоны не стали охотиться за беглецами. А первые лучи солнца заиграли на наконечниках сотен копий, частым лесом надвигавшихся со стороны нижнего входа в долину. Дети разразились восторженными криками, приветствуя орду свирепых мужчин, быстро шедшую к ним без знамен и штандартов. Все воины были вооружены до зубов, но ни один не прикрывал свою плоть кольчугой и шлемом, лишь некоторые несли легкие щиты. Латы, как и прочие причиндалы изнеженной цивилизации, только помешали бы при стремительной атаке, излюбленной киммерийцами. Не было здесь и стрелков из лука, но многие несли легкие метательные копья. В Киммерии стрельбой не увлекались: дерева, пригодного для изготовления луков, здесь почти не росло.

- Ну, кому доводилось видеть зрелище прекраснее? - спросил юный Куланн. Сколько воинов собралось вместе!

Лицо молодого человека светилось радостным предвкушением.

- Больше - видели, - проворчал Конан. - Лучше - нет!

В самом деле, вся вооруженная мощь Киммерии не сравнялась бы по численности с приличным полком иных армий, виденных Конаном на чужбине. Не многие кланы могли выставить более чем сотню вооруженных мужей подходящего возраста. Да и кланов-то в Киммерии насчитывалось не особенно много. Но Конан отнюдь не был уверен, что сколь угодно многочисленное регулярное войско любой, на выбор, цивилизованной страны способно было выиграть открытый бой у его ополчившихся соплеменников. Легендарное неистовство киммерийцев живо свело бы на нет любое численное превосходство.

Можно было различить раскраску, татуировки, косы и хвосты всех кланов. Сражаться вышли все, от мала до велика. Там были юнцы чуть постарше Бодхранна. И седобородые старики, чьи исхудалые руки, однако, еще сохранили достаточно силы, чтобы поднимать меч. Оружие тоже было всех мыслимых видов. От великолепных мечей предводителей до первобытных дубин диких Галла. И все это разношерстное воинство объединяло одно: свирепая гордость и независимый дух, тот самый дух, благодаря которому Киммерия на всем протяжении своей долгой истории так и оставалась непокоренной.

Вожди, как и полагалось, шли впереди. Скоро они уже беседовали с Конаном и Куланном.

- Стало быть, вы еще живы, - сказал им Канах. - И насколько я вижу, вправду разыскали наших в неволе!

- Не всех, - ответил Конан. - Некоторых. - И ткнул пальцем назад: - Там, внутри, еще много пленников...

Канах повернулся к Бронвит, стоявшей подле Куланна:

- Детям дадут еду и одеяла. Как только их покормят, ты отведешь их вниз, подальше от опасности.

Бодхранн шагнул вперед:

- Я остаюсь с войском!

Вожди только нахмурились: не дело подросткам вмешиваться во взрослый разговор. Конан вступился:

- Там, наверху, он убил вана. Камнем. Проломил ему голову!

Седобородый старый Муррох наградил Бодхранна одобрительным взглядом. И проговорил:

- Ступай к воинам нашего клана.

- На, возьми, - сказал ему Конан. Отстегнул от пояса кинжал в ножнах и бросил его Бодхранну в руки. - Вдруг у них не найдется лишнего оружия? Это тебе сгодится, пока в бою не заберешь меч у какого-нибудь мертвеца.

Муррох недовольно зыркнул на Конана и воспротивился:

- Следовало бы парню принять свое первое оружие из руки родственника!

Конан посмотрел на старого вождя и расплылся в широченной улыбке:

- А мы уже почти родственники, Муррох. Мой двоюродный брат женится на его сестре!

Старик покрутил головой, удивляясь выходкам бессовестной молодежи, потом не выдержал и рассмеялся.

- Ваны на Бен Море! - напомнил Канах. - Не странно ли это?

- Когда ты выслушаешь мой рассказ, это покажется тебе далеко не самым странным, - пообещал Конан. - Но сначала надо кое-что сделать. Ванские скоты попортили многие наши курганы... Как только разобьем лагерь, надо будет все это поправить до темноты.

- Они за это заплатят, - сказал вождь Галла. Этот клан избирал своего предводителя, не передавая звания по наследству. - Я полагаю, нашим предкам по вкусу придется ванская кровь!

Вторая половина дня вправду ушла на восстановление разметанных могильников. В книгу великой ненависти к ванам при этом вписывалась новая глава. А вечером, когда зажглись торфяные костры, воины слушали невероятный рассказ Конана, Куланна и Бронвит.

В заключение Конан поведал им все, что успел выяснить о боевых повадках демонов и об их слабых местах.

- Помните: вид у них действительно страхолюдный, но умирают они вполне исправно, - рассказывал он, стоя возле костра. - У тех, которые чешуйчатые, шкуры вправду крепкие, но не крепче ванских доспехов. Ударь посильнее разрубишь или проткнешь. Еще у них толстые, тяжелые хвосты, и они пользуются ими в бою почем зря. Тех, что похожи на больших насекомых, убивать легче. Разбить панцирь - и готово. Ну, про то, как справиться с ваном, вы и так все знаете... Там еще были разные твари, с которыми мы пока не сражались, но они, без сомнения, так же смертны, как и все остальные. А еще там, в яме, мы видели какое-то страшилище размером с дракона, но такое странное, что я не возьмусь его описать. Боюсь, особого ущерба мы ему не причиним, даже если очень постараемся... Лучше оставить его на съедение кхитайскому колдуну!..

- А золотишка ты там в погребах не видал? - поинтересовался Вульфхере, светловолосый вождь маленького отряда асов, явившийся на помощь киммерийцам во исполнение некоего долга перед Конаном, о котором ни тот ни другой рассказывать не желал.

- Нет, не видел. - Конан равнодушно передернул плечами. - Честно говоря, я особо и не смотрел. И, по-моему, туда, в эти пещеры, за золотом полезет только непроходимый дурак. Пусть лучше демоны выберутся наружу и сразятся с нами в открытую! - Он осмотрелся и высказал последние соображения: - Завтра - осеннее равноденствие, и я должен выполнить то, что пообещал. И кажется мне, что без колдовских штучек тут не обойдется! Демоны, они солнечного света не любят, так что если захотят с нами разделаться, то полезут, скорее всего, нынче же ночью. Вы принесли с собой много торфа и дров. Это хорошо. Держите топливо поближе к кострам и будьте готовы разжечь их как следует, если на нас нападут! Пусть каждый выспится и как следует отдохнет, но я бы посоветовал спать с мечом под рукой!..

Глава четырнадцатая
СРАВНЯТЬСЯ С БОГАМИ

Хатор-Ка вновь чувствовала себя ученицей. Не слишком-то это приятно! После того как в течение нескольких десятков лет тебя числили среди наиболее могущественных магов Земли, опять оказаться у кого-то в учении. На самом деле возраст Хатор-Ка давно уже перевалил за сто лет; если она и выглядела совсем молодой женщиной, то благодарить за это следовало ее колдовское искусство.

Подходящий момент для того, чтобы выяснить, как, оказывается, ничтожны, а то и вовсе ошибочны были ее прежние познания...

Несколько последних дней она провела в доме у Тот-Амона Великий волшебник взялся наводить последний глянец на ее колдовское образование, и Хатор-Ка была попросту потрясена, впервые как следует оценив истинный размах и глубину его знаний. До сих пор она полагала себя и еще нескольких магов равными Тот-Амону. Теперь она понимала всю смехотворность собственного заблуждения.

Странные существа из иных измерений, с которыми она после множества экспериментов кое-как устанавливала зыбкий контакт, были, оказывается, постоянными собеседниками Тот-Амона. Возраст его превосходил всякое вероятие, и он повелевал силами, о существовании которых Хатор-Ка совсем недавно даже и не догадывалась.

Словом, за несколько дней со времени не слишком удачного ночного налета Хатор-Ка продвинулась в колдовском ремесле едва ли не больше, чем за все предшествовавшие годы.

Тот-Амон держал в глубокой тайне свое истинное могущество. В течение столетий, которыми измерялась его жизнь, он много раз менял и внешность, и имена, заметая следы. И это ему удалось, дав неоспоримое преимущество над любым потенциальным соперником. Немало врагов уже пало жертвами собственной самонадеянности, посчитав себя равными великому магу.

- Ну а другие из нынешних? - однажды спросила его Хатор-Ка. - Неужели и они такие же всезнающие и могущественные, как ты?

- Нет. Ни один из них не сравнится со мной, - заверил ее Тот-Амон. Джаганат думает, что ни в чем мне не уступит, но он примерно равен тебе такой, как ты была, прежде чем попала ко мне. В далеком Кхитае, правда, есть Орден Серебряного Павлина... Вместе взятые, они, может, и смогли бы поспорить со мной. Но они - нераздельное братство, а поодиночке никто из них мне не соперник.

- Я знаю о них лишь по отдельным упоминаниям, - сказала она. - Может ли так случиться, что в этой битве за власть они бросят против нас свою совокупную силу?

- Ни в коем случае, - уверенно ответил Тот-Амон. - Они вообще не столько практикующие маги, сколько философы. Их познания в самом деле обширны, но есть разделы высшей магии, к которым они по своей глупости никогда не прибегают. В особенности это касается вызывания демонов. Не находят, видите ли, возможным! По их мнению, эти существа слишком злобны, слишком опасны для человечества. Чародеи из Ордена Серебряного Павлина проводят век в размышлениях и мечтах, но использовать свою силу ради достижения власти над миром? Нет, на это они не пойдут никогда. - И Тот-Амон

слегка отмахнулся, закрывая тему, что с ним вообще-то редко бывало. - Не следует слишком задумываться о других магах. Они не стоят того Мы неизмеримо возвысимся над ними, когда совершится обряд.

Хатор-Ка все думала об этом разговоре, направляясь в Тот-Амонов чертог для медитаций ей предстояло получить последние указания перед тем, как произвести Великое Вызывание на рассвете близкого уже дня равноденствия.

Дверь в чертог окаймляли иероглифы, заключавшие в себе страшную мощь. Шагнуть через этот порог, не произнеся соответствующего заклинания, служившего противоядием, значило навлечь на себя страшную участь. Хатор-Ка негромко произнесла слова, которым научил ее Тот-Амон, и дверь беззвучно распахнулась, пропуская ее.

Великий чародей сидел внутри, прямо на полу Комната ничем не украшена и даже не обставлена мебелью. Стены, пол и потолок были сплошь черными, никакие иные цвета не присутствовали. Перед Тот-Амоном стояла простая чаша, вырезанная из обсидиана. Чашу наполняла чистая вода из реки Стикс.

Хатор-Ка в который раз удивилась потрясающей простоте колдовских приспособлений Тот-Амона, столь резко отличавшихся от многосложных устройств и ритуалов, к которым в своей практике привыкла обращаться она сама. Видимо, истинное совершенство в этом и заключалось. Для того, чтобы придать неодолимую силу волшбе, Тот-Амону мало что было нужно, кроме собственного могучего разума. Вот и теперь чаша с водой требовалась ему только для концентрации.

Он не поднял глаз на вошедшую.

- Подойди, Хатор-Ка, - сказал он. - Сядь напротив меня и вглядись в воду Отца Стикса. Сегодня ночью мы с тобой отправимся в путешествие столь дальнее, что слово "расстояние" перед ним попросту исчезает. Нам предстоит миновать пределы нашей Вселенной и углубиться в чужую. Однажды тебе удалось привлечь кое-кого из ее младших обитателей, жертвоприношениями подманив их к своему храму. Ты сделала это, наведя над алтарем нечто вроде окна между мирами. В свою очередь, подобное стало возможно благодаря тысячелетнему соположению небесных тел, предсказанному Скелосом... А теперь мы с тобой перенесемся в тот мир сами. Тебе предстоит увидеть некоторые из Сил того мира. Тогда ты поймешь, с какой мощью пыталась заигрывать. Итак, смотри в воду!

Хатор-Ка села и стала вглядываться в прозрачную, почти невидимую воду. Это было несложно. Самое первое упражнение, которое заставляют осваивать нового ученика. Медитация на воду была столь же древней, как само стигийское колдовство. Но в точности как мастер-музыкант каждый Божий день повторяет гаммы, разученные еще в ученичестве, так и продвинутому чародею никогда не мешает возвратиться к азам. Таким, например, как концентрация. Столетия занятий чародейством укрепили Тот-Амона в убеждении, что это было едва ли не важнейшим умением в любой из волшебных наук.

По мере того как Хатор-Ка смотрела в воду, и влага, и чаша постепенно исчезли. Волшебница сидела на самой небесной тверди, и вокруг не было ничего, кроме пустой тьмы, озаренной далекими, крохотными огоньками звезд. Множество раз она бывала здесь прежде, но всегда - одна. Теперь с нею был Тот-Амон, столь же невидимый, как и она сама.

- Мы далеко от нашего мира, хотя по меркам беспредельного пространства это совсем рядом, - прозвучал его голос. - Ты, верно, узнаешь звезды, которые мы видим с Земли. А теперь отправимся дальше, к самому краю Вселенной...

Звезды перед глазами Хатор-Ка стали превращаться в длинные стрелы, смещаться в

стороны и наливаться красным огнем. Потом стрелы слились в красные полосы. Это продолжалось бесконечно долго... впрочем, времени, как и иным понятиям, здесь не было места.

Алые полосы начали постепенно редеть. Оставшиеся видимыми вновь начали превращаться в точки иссиня-белого света. Их было очень мало, и находились они в направлении, которое у Хатор-Ка смутно ассоциировалось с понятием "сзади".

- Каждая световая точка, которую ты видишь, - пояснил Тот-Амон, - есть не отдельная звезда, но скопище многих миллионов звезд. А теперь загляни в Бесконечность!

Хатор-Ка посмотрела вперед. И узрела Тьму. Столь законченную и совершенную, какой не видала еще никогда.

- Здесь проходит граница нашей реальности, - раздался голос Тот-Амона. Здесь мы покидаем ее и переходим в чужую.

И сразу же вокруг что-то - сместилось. Тьма впереди, казалось, не изменилась, но Хатор-Ка откуда-то знала, что тьма эта была совсем другой, чем мгновение назад. Повернувшись, оба чародея снова увидели перед собой огоньки. Но ничего общего со звездными скопищами известного ей мира они не имели. Необычные по форме, они переливались странными, неестественными цветами. Волшебники направились в сторону огней, но на сей раз с далекими звездами не произошло никаких превращений, хотя Хатор-Ка понимала, что и расстояния, и скорости были сравнимы.

Они неслись все вверх и вперед, минуя гигантские светящиеся образования. Только опыт и многолетняя выучка колдуньи не давали разуму Хатор-Ка повредиться под непомерным грузом увиденного. Она лицезрела живые создания немыслимых размеров, причем форма их подчинялась таким геометрическим правилам, которые обычный рассудок отбросил бы за полной абсурдностью. Порою перед ней представали странные, вывернутые наизнанку миры, и то, чем занимались их обитатели, повергало в смятение даже ее закаленные чувства.

Тот-Амон ненадолго позволил им опуститься на поверхность некоего подобия планеты. По сравнению со многими виденными прежде эта планета выглядела почти обыкновенной. Не считая таких мелочей, как дисковидная форма с неравномерной толщиной да размеры - раз в тысячу больше ее родного мира. Нигде не было ни малейшего источника света, но это не мешало рассматривать все, что там имелось. А имелся там, среди прочего, город из пурпурного хрусталя и в нем башня во много миль высотой. Там, в этой башне, Тот-Амон на некоторое время задержался для беседы с местным волшебником. Тело этого волшебника составляли осколки многоцветных кристаллов пополам с вещественным выражением музыкальных звуков, скрепленных запахом, обретшим зримую плоть. Волшебник как раз производил ритуал, назначенный уничтожить его мир и все, что там находилось. Ритуал был задуман частью в качестве стихотворного опыта, частью как шутка.

Оттуда они направились в самый центр новой Вселенной. Звезды, проносившиеся мимо, постепенно делались реже, и наконец Хатор-Ка увидела впереди нечто столь громадное, что поначалу она этого просто не замечала.

Оно показалось ей средоточием всей тьмы мироздания.

Когда Хатор-Ка смогла хоть как-то оценить его форму, оно показалось ей схожим с тем усеянным щупальцами Ужасом, что некогда явился ей в храме, вызванный страшным и отвратительным тайнодействием. Это Существо, несомненно, весьма на него походило, только было неизмеримо громадней. И столь же неизмеримо злее, отвратительнее и ужаснее

Медленно-медленно Хатор-Ка начала постигать Его облик и природу... Потом она как будто ослепла. Бездна зла, таившаяся в Нем, оказалась слишком велика даже для нее, и рассудок отказался повиноваться.

- Если ты хочешь быть магом из высших, Хатор-Ка, ты не должна отворачиваться даже и от подобного Ему, - неумолимо подстегнул ее беззвучный голос Тот-Амона. - Ты видишь перед собой одного из Богов этой Вселенной, причем далеко не главнейшего. Я же нередко общаюсь с Теми, кто гораздо старше Его. И знай: эта Вселенная еще не так чужда нам, как другие. Есть много, много ужасней!

... Когда Хатор-Ка вернулась из предпринятого ими путешествия, возвращение в телесную оболочку показалось ей пробуждением ото сна. Только в этом "сне" не было ничего неясного или смягченного и он не спешил пропасть из памяти, подобно обычному сновидению. Был ли это в самом деле сверхчувственный опыт? Был ли Тот-Амон в самом деле так всемогущ, как ей казалось?.. Или он простым, но мощным внушением подчинил себе ее волю, заставив поверить в то, что было выгодно ему самому?..

Хатор-Ка упорно и долго искала ответы на эти вопросы. Кое-что общее со сном, несомненно, присутствовало. Некая нереальность. Отсутствие времени и расстояний, способность видеть без света. Однако все это вполне можно объяснить. При одном условии. А именно: если маг в самом деле умел путешествовать в иные вселенные.

Ей было необходимо разрешить эту загадку, причем как можно быстрей. Ибо делить с Тот-Амон ом власть она вовсе не собиралась. Но как решиться на измену, если он вправду настолько могуч?.. В тексте Скелоса ничего не говорилось о разделении власти между двоими. Если она совершит весь ритуал одна, она одна и станет верховной правительницей, а все остальные принуждены будут повиноваться. В том числе и Тот-Амон, при всем своем сверхмогуществе, станет ее покорным слугой.

И Хатор-Ка решила рискнуть. Она хорошо понимала, что ей грозило в случае неудачи. Но тому, кто не рискует, о верховной власти не стоит даже мечтать.

Старкад волновался. Подобное с ним бывало не часто. Разбив лагерь перед входом в пещеру (в которую ни один из его людей входить не пожелал), Старкад уселся у костра и в который раз пожалел о том, что дал впутать себя в столь сомнительное предприятие. Спору нет, он страсть любил золото. Но все то золото, что принесли с собой чужестранцы, не могло окупить страшного риска, которому они себя подвергали. Он-то воображал, дурень, что дело сведется к быстрому проходу по земле киммерийцев, ну, там, к нескольким стычкам с черноволосыми, - естественно, при подавляющем перевесе ванов. Молодым воинам ни в коем случае не повредило бы небольшое кровопролитие, а золото... Кто же когда против него возражал!

И вот теперь "небольшая прогулка" грозила обернуться всеобщей погибелью. Они уже потеряли несколько человек, и ради чего?.. Даже пленники, схваченные было, - и преотличные пленники, между прочим! - благополучно удрали, так что оставалось утешаться воспоминаниями об убийстве одного-единственного киммерийца.

Вот чего удалось достигнуть Старкаду: за спиной у него оказалась пещера, битком набитая мерзостным колдовством и жуткими демонами, на которых ванам довелось уже посмотреть краешком глаза. А впереди, далеко внизу, горели костры в становище киммерийского войска. Войска, подобного которому черноволосые не собирали со времен осады Венариума.

Да, будет поистине удивительно, если хотя бы горстке его молодцов удастся выжить и

возвратиться в пиршественные залы Ванахейма, чтобы хвастаться подвигами. Но если таковое все же случится, Старкад твердо намеревался быть среди этих немногих. Другое дело, что слишком многим вождям пришлось распроститься со своим положением даже после менее злосчастных походов, чем его нынешний... Ванский вождь удерживался во главе своих людей благодаря собственной мощи, помноженной на личный пример и, конечно, удачливость. Кому охота следовать за предводителем, утратившим военную удачу?..

Старкадовы молодцы, сидевшие вокруг, предавались подобным же размышлениям. Кто-то зло смотрел на него, кто-то начинал грызть кромку щита. Потом Старкада отвлекло от мрачных мыслей приближение двоих воинов, высланных ранее на разведку.

Один из них был Альфгар, его давний и весьма надежный сподвижник. Другого звали Хильдитон. Этот юноша имел репутацию отличного скалолаза: он вырос в горной деревне, где все мужчины с детства лазили по крутым утесам, собирая птичий пух.

Подойдя вплотную, разведчики опустились на корточки и шепотом доложили о том, что узнали.

- Плохо дело, Старкад, - качая седеющей головой, сказал Альфгар. - Мы обошли всю вершину: по бокам у нас отвесные неприступные скалы. Единственный путь вниз - через долину, по которой мы сюда поднялись.

Старкад повернулся к Хильдитону:

- Это так? Ни единого шанса?..

- Я-то, может, и слезу, - пробормотал юноша. - Но только днем и с хорошими веревками. Остальные... Нет, у остальных не получится. Тут ловкость нужна и большой опыт...

Старкад указал пальцем назад:

- А если перебраться прямо через макушку? Вдруг там склон удобней?

- Вершина слишком крутая, и к тому же там сплошной лед, - сказал Хильдитон - Да и не разберешь, что там впереди, пока не влезешь на самый верх. Наверняка потеряем много воинов, а потом окажется, что все зря...

- Старкад, - сказал Альфгар, - пора обсудить, что мы будем делать, пока не поднимется солнце. Там, внизу, стоит при оружии весь народ черноволосых, и не позже как утром они полезут наверх. Хорошо бы, чтобы к тому времени нас уже тут не было. Толстый чужеземец хочет что-то такое совершить завтра на рассвете, в самый момент равноденствия. Я в колдовских делах ни уха ни рыла, но ставлю все свое золото, земли, скот, жен и рабов, что на уме у него определенно какая-то богомерзкая гадость. Давай-ка сматываться отсюда, и как можно скорее!

- Мудрые слова ты говоришь, старый друг, - ответствовал Старкад. - Если бы внизу стояли не черноволосые, а какой угодно другой враг, я бы сразу сказал давайте спустимся к ним и попробуем договориться. Даже асы ведут себя как разумные люди, когда ясно, что от сражения все равно проку не будет. Но ненависть киммерийцев так же черна, как их волосы... и сердца. Они плевать хотели на золото, да и жизнью, можно сказать, не дорожат. К тому же мы осквернили их святыню, так что они, понятно, обозлены. Говорил же я людям: не трогайте лучше эти курганы...

Альфгар пожал плечами:

- Откуда ж нам было тогда знать, что сюда прется все войско черноволосых? И потом, какой же воин откажется разорить могилу предков своих врагов...

- Ладно, что сделано, то сделано, - сказал Старкад. - Пролитого не поднимешь. Киммерийцы здесь и жаждут нашей крови.

- Те двое черноволосых раскидали наш строй и пробились на волю, проговорил Хильдитон. - А вдруг и нам тоже удастся? Если мы сумеем прорубиться сквозь их ряды, большей части отряда удастся вырваться. Тем более что черноволосые собрались сюда, в общем, не ради наших голов. Помнишь, мы прикончили гонца, несшего Кровавое Копье? Это случилось почти сразу, как только мы миновали границу. Значит, они собирали ополчение еще раньше. И совсем не ради нас. Если мы попробуем прорваться домой, очень может быть, что нас не станут преследовать. У них свои дела тут, на этой горе.

Старкад кивнул:

- Ты молод, но говоришь разумно. Я сам рассуждал сходным образом. Если нам удастся их миновать, то по дороге домой мы, между прочим, сумеем наловить еще и рабов. По деревням и кочевьям нынче совсем не осталось воинов для охраны. Так что и возвращаться с пустыми руками нам не придется!

- На чем бы мы ни остановились, - напомнил Альфгар, - мы должны приступить к делу до темноты!

- Вот и отлично, - сказал Старкад. Решение было принято, и на душе у него враз полегчало. - Велите людям готовиться, только чтобы все делали тихо. Идем на прорыв, потом - уносим ноги!

Двое мужчин, пожилой и помладше, быстро обошли лагерь, тихо переговорив с каждой кучкой сгрудившихся ванов. Слушая их, воины сразу переставали раздраженно ворчать, а мрачно-угрожающие взгляды сменялись ухмылками радостного предвкушения. Какова бы ни была опасность, ваны, как и все уроженцы Севера, предпочитали ожиданию и неопределенности хорошую драку.

Отряд постепенно зашевелился, готовясь к ночному переходу и бою. Многие обвязывались поверх доспехов одеялами или плащами, чтобы железные чешуи в самый неподходящий миг не загремели о камни или о металл оружия и щитов.

Старкад было подумал, не приказать ли зачернить доспехи углем и сажей от костров, но не стал этого делать. Они еще могли ради скрытности замотаться в ткань, но ни один ван, идя в бой, который вполне мог оказаться для него последним, не станет намеренно портить своего внешнего вида. Если уж умирать, так непременно во всей красе!

Старкад был, в общем, доволен. Шансы спастись, конечно, невелики, но все-таки есть. А уж водить людей в битву всегда составляло для него первейшее удовольствие. Печалился он лишь об одном: им, похоже, предстояло погибнуть далековато от дома, а значит, песня об их героической гибели вряд ли когда-нибудь достигнет пиршественных залов Ванахейма. А ведь песни о подвигах и составляют посмертную славу героя. Его бессмертие. Старкад задумчиво посвистывал, пробуя пальцем лезвие топора. Лезвие секиры сохранило отменную остроту.

Размышления вождя были прерваны Джаганатом, бесшумно возникшим против него.

- Никак собрался куда-то, Старкад? - спросил вендиец.

- Да, - ответил ван. - Мы тут, знаешь ли, собрались немного пройтись вниз по склону и чуток помахаться с черноволосыми. А потом мы отправляемся домой. Ты можешь оставить свое золото при себе. Чует моя душенька: если я еще здесь задержусь, дожидаясь его, кабы не вышло так, что оно и вовсе мне не понадобится...

- Мне жаль расставаться с тобой, но если таково твое непременное желание, что ж... Я ни в коем случае не намерен становиться у тебя на пути. Зато могу предложить тебе одну штуку, которая, может статься, окажется небесполезной...

Старкад подозрительно прищурился:

- Это ты еще о чем?..

Чужеплеменник воспринял измену своего "эскорта" со странным благодушием, и Старкаду это не нравилось.

- Я приготовил всем вам охранительные амулеты. В них заключена священная сила, которая укроет вас и от глаз врага, и от его оружия. Гопал! Помоги мне раздать их людям...

- Весьма великодушно с твоей стороны, - сказал Старкад, когда чародей повесил ему на шею крохотный мешочек на шелковом шнурке. Младший вендиец тем временем раздавал сходные талисманы остальным воинам.

- Это самое меньшее, что я могу сделать для вас, - улыбнулся Джаганат.

Когда все было готово, ваны медленно, тяжело зашагали вниз. Вот скрылись из виду, и Гопал недоуменно обернулся к Джаганату:

- Дядя! Неужели эти северяне в самом деле такие глупцы, какими кажутся с виду?..

Джаганат снова улыбнулся и кивнул головой. От этого движения заколыхались все его бесчисленные подбородки.

- Их простота превосходит всякое вероятие, племянник. Им настолько неведома тонкость, что можно с ума сойти, предугадывая ходы, которые игрокам вроде них и в голову не придет совершить... Что ж, теперь они должным образом освящены и приготовлены для жертвоприношения. Воистину, самая угодная Силам жертва - это жертва добровольная. А эти дурни лезут на алтарь так охотно, что лучшего и пожелать трудно!.. Теперь, племянник, пойдем. Наши жалкие воины нипочем не остановят орду, готовую хлынуть снизу, а среди нее, не забудь, находится и тот киммериец, которого наняла Хатор-Ка... если, конечно, у моих посланцев не получилось и не помогло даже заклятое золото. Ставки так высоки, что мы ни в коем случае не должны рисковать! Я еще не выяснил в точности, кто именно привлек сюда демонов. Неясна мне и цель: ведь не затем же, чтобы переполошить всю страну?.. Зато я кое-что придумал. Есть у меня одно заклинание, которое должно бросить демонов против людей, засевших в долине. Таким образом мы избавимся и от угрозы со стороны киммерийцев, и пещеры очистим. Тогда я смогу произвести важнейший обряд спокойно и без помех...

- Твои замыслы, дядя, как всегда безукоризненно изящны!.. - приторно восхитился Гопал.

Далеко внизу, под ними, в недрах горы, в темном боковом тоннеле, сидел, скрестив ноги, тощий оборванный человечек. Время от времени он бормотал себе под нос какие-то древние, очень древние строки.

А потом вдруг заулыбался во мраке...

Глава пятнадцатая
БИТВА СРЕДИ МОГИЛ

Киммерийский лагерь тянулся поперек Полей Мертвых и вверх по склонам, примыкавшим к долине. Замшелые камни древних курганов были снова водворены на свои извечные места, следы осквернения в основном уничтожены. Однако настоящее очищение еще не стало возможно. Его совершали только кровью осквернителей, и никак иначе.

Конан шел по лагерю, вдыхая дымок горящего торфа и слушая негромкие разговоры воинов. В любом другом войске молодые, необстрелянные ребята наверняка возбужденно обсуждали бы то, что им вскоре предстояло. Обладатели кое-какого опыта хвастались бы прежними подвигами. Настоящие ветераны советовались бы между собой, проверяли оружие и доспехи, старались по возможности отдохнуть перед битвой.

Киммерийцы и в этом - как, впрочем, и во многом Другом - вели себя не как все люди. Слушая обрывки случайных бесед, Конан убеждался, что говорили о самом обычном и повседневном: о женах и детях, о скотине, о междоусобной вражде, о посевах и жатве. Ни дать ни взять собрались не на смертный бой, а на ярмарку.

И снова, в который уже раз, Конан почувствовал себя в своей собственной стране чужаком...

Только в маленьком лагере асов он ощутил тот дух воинского братства, который был ему всего ближе. Золотоволосые воины весело смеялись, распевали песни, передавали по кругу большой мех вина, привезенного с Юга. Несколько молодых киммерийцев, держась в почтительном отдалении, рассматривали своих союзников с таким видом, словно те были диковинными зверями.

Конан вступил в кружок давних друзей и завладел бурдючком. Перевернув его вверх тормашками, он направил струю золотистой жидкости себе в рот.

- Эй, эй, Конан! Оставь и на нашу долю немножко! - засмеялся Вульфхере. Волосы и борода у него были до того светлыми, что казались седыми. Он был лишь чуть постарше, чем Конан, но асы считали его великим вождем

И сам он, и все его люди представляли собою разительный контраст с хмурыми и серьезными киммерийцами. Как и их двоюродные родственники ваны, асы куда как уважали внешнюю красоту и любили ею похвастаться. Доспехи у них были из полированной стали или бронзы, шлемы венчали рога, крылья, фигурки фантастических животных, причем очень часто покрытые золотом или серебром. На руках поблескивали золотые, искусной работы браслеты: и выше локтя, и на запястьях. На рукоятях мечей переливались драгоценные камни. Кое-кто из воинов вытащил полированные серебряные зеркала и при свете костра наводил красоту расчесывал бороды, подкручивал длинные густые усы. При этом у костра звучало сразу несколько разных песен. Как и ваны, асы были не дураки повеселиться хоть дома, хоть в лагере. Они точно так же безумствовали в бою, а дома, в кругу семьи, томились и тосковали.

Конан сделал последний глоток и передал мех сидевшему рядом.

- Если это вино такое дорогое, - сказал он, - что ж вы эля с собой не прихватили?

- Эль занимает слишком много места, - ответил Вульфхере. - Этот-то бурдючок три раба

замучились таскать по горам. Ты смотри, Конан, обеспечь нам назавтра хорошую битву! Мы, чтобы ты знал, ради тебя отказались от та-акого замечательного налета на гиперборейцев...

- Веселье я тебе обещаю, - кивнул Конан. - Даже с избытком. Там будет кого насадить на клинок. Наверху полно не только демонов, но и ванов!

- Отлично, - похвалил Вульфхере. - Что касается демонов, эти твари и на Асгард в прошлом году нападали, только мы понятия не имели, кому мстить, пока не прибежал твой посланник. Чем бы ни кончилось дело, в Асгарде на пирах долго еще будут петь о завтрашней битве!

Одноглазый воитель, у которого во рту вместо многих зубов чернели дыры, вернул Конану бурдючок.

- Поехали вместе грабить, когда здесь все кончится, - предложил он. Много лет минуло с тех пор, как ты последний раз ходил с нами по волчьей тропе. Я бы не отказался взглянуть, каким штучкам ты выучился, странствуя по югам!

- А почему бы и нет, Ульф? Обещать, правда, не берусь... Кто знает, вдруг завтра меня убьют? Или тебя?.. Вот покончим с раскалыванием вражьих щитов, тогда и станем загадывать!

- Заговорил как киммериец, - пробурчал Вульфхере.

Конан улыбнулся:

- Потерся с родственниками...

Покинув асов, он пошел в верхнюю часть долины, туда, где стояли дозорные. Здесь не жгли костров, чтобы зрение караульщиков не отвыкало от темноты. Конан увидел Куланна и при нем еще одного юношу с волосами, связанными в хвост по обычаю Галла.

- Все спокойно, двоюродный брат, - доложил Куланн.

- Ну, это недолго протянется, - предрек Конан. - Через час, не больше, станет светать. А я уверен, что они нападут на нас еще до рассвета!

Некоторое время все трое стояли не двигаясь. Их глаза, уши и даже ноздри старались уловить любые знаки опасности, могущие исходить сверху.

Воин Галла что-то почувствовал раньше двоих других.

- Идут, - сказал он, раздувая чуткие ноздри. Вскоре и Канахи услышали легкий шум, доносившийся со склона. Это спускались враги. Они были еще далеко

- Дурачье! - сказал Куланн. - Вообразили, будто Могут проскочить мимо киммерийцев! В киммерийских горах!..

- Вам уже случалось их убивать, - сказал молодой Галла. - Идите поднимайте тревогу. Я останусь здесь

Его глаза горели предвкушением. Убить врага!..

- Нет, так не пойдет, - возразил Конан. - Мы все отойдем обратно к кострам. Драться в темноте все равно без толку.

Галла недовольно заворчал, но подчинился.

Конан вступил в круг света ближайшего костра и сказал просто и коротко:

- Ваны идут.

Люди, сидевшие у огня, безо всякой суеты приготовили мечи и копья и стали ждать. Они только прекратили беседу: единственный признак того, что они приготовились к смертельному бою.

Приблизившись шагов на пятьдесят, ваны скинули плащи и одеяла, которыми прикрывали доспехи, дружно проревели боевой клич и ринулись на лагерь. Единственная

возможность вырваться из ловушки состояла в том, чтобы как можно быстрее пролететь лагерь насквозь, держась плотно вместе, сомкнутым строем. Понимая это, ваны выстроились клином, и первым бежал вождь.

Киммерийцы вдохновенно устремились навстречу. Яростный восторг близкой схватки без следа смыл обычную строгую невозмутимость.

Взятый разгон пронес ванский клин глубоко внутрь киммерийского лагеря. Но, по мере того как приходилось проламывать очередную волну жаждущих возмездия черноволосых, клин терял скорость и наконец остановился совсем. Ваны отчаянно пытались удержать перед собой стену щитов. Киммерийцы, в жизни своей не ведавшие ни о стратегии, ни о тактике, наседали на них со всех сторон, завывая, точно адовы духи.

Конан был среди первых бросившихся навстречу ванской "свиной голове". Ему удалось нанести хорошо если один удар; потом его, как и всех остальных, отбросило прочь. Только огромная сила и отменное чувство равновесия позволили ему устоять на ногах. Упавших тяжеловооруженные ваны попросту растоптали.

Заметив позади себя невысокий выступ скалы, Конан с легкостью кота запрыгнул наверх. Клин поневоле разделился, обходя встретившийся валун, и Конан, действуя сверху, расколол чей-то череп. Другие ваны принялись тыкать в него длинными копьями, так что ему пришлось спасать ноги. Потом он взвился в воздух и прыжком, которому позавидовал бы заморийский акробат, перелетел через два ряда ванов, чтобы снова приземлиться уже вне клина. Асы, сражавшиеся поблизости, громкими криками приветствовали его подвиг.

Взбежав на вершину ближнего кургана, Конан оглядел поле сражения. Ваны держали строй, защищаясь с отчаянным мужеством, но поступательное движение прекратилось. Значительных потерь они покамест не понесли. И не понесут, пока не удастся нарушить их боевые порядки. Киммерийцы превосходили числом, но вся эта численность пропадала втуне, пока держалась стена щитов. Как только удастся ее проломить, дело будет кончено в считанные мгновения. Конан посмотрел на склон. Никаких признаков того, что на помощь ванам спешило подкрепление.

Костры горели ярким огнем, так что кровавую резню между курганами освещало жутковатое зарево. Люди пели, ругались и наносили удары. Киммерийские мечи звенели, сталкиваясь с чешуйчатыми латами ванов. Ванские секиры раскалывали черепа и рассекали не прикрытые доспехом тела. Запах теплой крови бил в ноздри. Конан почти наяву услышал довольный ропот древних вождей своего народа, чьи могилы оросила кровь заклятых врагов.

Конан сбежал вниз с кургана и устремился на плотно сгрудившихся ванов. Его меч рассек чей-то щит и отрубил державшую его руку. Второй удар унес жизнь рыжебородого воина. Какой-то ван попытался тотчас занять место упавшего, но тяжелая дубина Галла вмиг проломила ему голову. Конан ворвался в образовавшуюся прореху и принялся рубить направо и налево. С каждым его ударом падало по врагу. Ваны лезли со всех сторон, стремясь сомкнуть строй, но Конан с мрачным упорством не давал им этого сделать, наоборот, расширяя и углубляя прорыв. За ним следовали другие, и ванский клин начал мало-помалу разваливаться.

Оглушительно лязгало оружие, страшно кричали умирающие. Земля под ногами стала скользкой от крови. Напряжение битвы достигло предела, люди в самом деле обезумели от ярости. Конан видел, как какой-то ас отшвырнул в сторону щит, сорвал с себя кольчугу и, как в воду, нырнул в самую гущу врагов. Его, конечно, тотчас же изрубили в куски, но, даже умирая, он схватил ближайшего вана зубами за горло. Ваны завывали, кусая кромки своих

щитов. Они топали ногами, и с промоченной кровью земли взлетали алые брызги.

Ванский клин распался сперва на отдельные группки, потом на пары бойцов, рубившихся спиной к спине. Потом остались одиночки, думавшие уже не о спасении - только о том, как бы утащить с собой на тот свет побольше врагов. Потом Конан разглядел вождя, примеченного им еще у выхода из Обители Крома, и поспешил сразиться с ним один на один.

Никому и в голову не пришло пощадить последнего уцелевшего вана. Столетия жесточайшей вражды не давали подобной мысли даже и зародиться. Сам ван расценил бы предложение жизни как тягчайшее оскорбление. Здесь, на Севере, если уж доходило до битвы, так и длилась она до конца. До последнего человека.

Завидев Конана, вражеский вождь расплылся в хищной ухмылке. Его доспехи еще оставались совершенно целы, и только на богато украшенном шлеме красовалось несколько мелких зарубок. Зато секира и все руки до плеч были в крови. В чужой, разумеется.

- Иди сюда, черноволосый, попляшем! - заревел он, обращаясь к Конану. Поцелуй-ка красотку, отвергнувшую столько ваших молодцов! Быть может, ты ей понравишься?..

По виду Старкада было незаметно, чтобы сражение хоть как-то его утомило.

- Ванская кровь!.. Угощение праотцам!.. - ответил Конан, бросаясь вперед.

Старкад увернулся от его первого удара. И сам дал сдачи, да так, что Конан спасся только тем, что прильнул низко к земле. Удар секиры вдогон пришелся в землю в каком-то дюйме от спины киммерийца, успевшего проворно откатиться прочь. В следующий миг Конан был на ногах, и шлем Старкада зазвенел под его клинком. Ванский вождь отшатнулся назад, несколько оглушенный ударом, и Конан воспользовался этим, чтобы разрубить ему ногу. Еще прежде, чем Старкад начал заваливаться, третий и последний удар раскроил его тело от плеча до поясного ремня. Стоя над поверженным недругом, Конан взмахнул мечом над головой, сбрасывая с лезвия кровь и налипшие стальные чешуи.

Бой был кончен. Воины тяжело дышали, приходя в себя после недолгого, но страшного напряжения.

Канах подошел к Конану.

- Ты неплохо поработал, родственник, - сказал он ему. - Юношам полезно взглянуть, как рубятся настоящие воины.

- Вообще-то хвастаться нам особенно нечем, - ответил Конан, недовольно оглядывая кучи мертвых тел. - Мы слишком многих потеряли, разделываясь с какой-то кучкой ванов. Их ведь тут едва ли сотня! Наших, наверное, столько же полегло. Плохо это! Такие дела можно решать гораздо меньшей кровью...

- Все твои уловки не для нас, - пожал плечами Канах. - Да и ваны отменные воины, не то что всякие там хилые жители Юга. А кроме того... - тут на лице старого вождя возникло нечто вроде улыбки, - что-то я не заметил, чтобы ты держался в стороне от сражения, обдумывая разные хитрости...

Конан покаянно усмехнулся в ответ:

- Ты прав, старейшина. В глубине души я такой же киммериец, как и все, и никуда тут не денешься... Знаешь что? Присмотри за ребятами, пускай не особенно расслабляются. Чует мое сердце, до рассвета нам придется драться еще!

- Это хорошо, - заметил Канах. - Не всем нынче выпало омочить кровью мечи. Жаль было бы уводить их домой ни с чем!

Небо на востоке начинало понемногу сереть, когда к ним в сопровождении Куланна подошел старый Милах. Ни тот ни другой не были серьезно ранены, но на оружии

красовались зазубрины, говорившие, что его хозяева бились в самой гуще сражения.

- Я сожалею, Конан, о том, что когда-то назвал тебя неженкой, - сказал Милах. - Я видел, как ты сражался. Ты все-таки еще не всю свою прежнюю силу и скорость успел растерять.

- Овсянка, - ответил тот. - Все дело в овсянке. Она, похоже, отбивает страх смерти...

Свет, зародившийся высоко над склоном, привлек внимание Конана. Солнце еще не поднялось над горизонтом, но его лучи уже коснулись вершины Бен Мора. Вскоре они озарят и пещеру. К тому времени он должен был быть уже там.

Поднявшись на один из курганов, Конан разыскал принадлежавший ему узелок с вещами. Там, завернутая в плащ, сохранялась фляжка, врученная ему Хатор-Ка. Шагая по лагерю, Конан прихватил с собой горшочек с углями. В стенках горшка были отверстия, чтобы угли, спрятанные под слоем золы, получали воздух и не погасали. Он не собирался тратить время на высекание огня, когда доберется в пещеру.

Направившись вверх по склону, что вел от Полей Мертвых к Обители Крома, Конан обнаружил, что идет не один. Другие киммерийцы последовали за ним. Небо светлело, и, чтобы сражаться, больше не требовался свет костров. Между тем им еще предстояло выгонять с Бен Мора засевших там демонов, и ради этого они готовы были лезть хоть в пещеры.

По расчетам Конана, демоны уже должны были бы нанести свой удар. Он удивился, вспомнив их нелюбовь к солнечному свету. Потом вспомнил о темном облаке, которое им часто сопутствовало.

Воины взволнованно загомонили, увидев громадную яму, с некоторых пор появившуюся на склоне. Это было святотатством не меньшим, чем учиненное ванами осквернение могил.

Киммерийцы почти вплотную приблизились к яме, когда оттуда навстречу им потоком выплеснулись порождения Преисподней. Произошло это с отменной внезапностью: Конан едва успел выхватить меч. А в следующий миг он уже насмерть сражался с какой-то тварью, выглядевшей как помесь мотылька с обезьяной.

У твари был длинный рыжий мех, сморщенные крылья и большие фасеточные глаза. Конану, впрочем, некогда было особо присматриваться. Все его внимание занимал длинный меч, которым тварь метила его достать. Никаким воинским искусством монстр не был обременен, - просто рубил и колол, изо всех сил стараясь убить. Примерившись к темпу его движений, Конан улучил миг и ударом меча размозжил ему голову. Демон продолжал рубиться как ни в чем не бывало, только вслепую. Он свалился, лишь когда Конан начисто отсек ему голову. Да и тогда его тело все еще двигалось.

Повсюду кругом Конана неистово вопящие люди сражались с выходцами из ночного кошмара. Люди-насекомые умирали вправду как мухи, но за людей-ящеров приходилось платить жестокую цену. Конан почувствовал, как распирает грудь свирепая гордость за свой народ. Любая известная ему цивилизованная армия уже удирала бы, не чуя ног. Да еще наложив предварительно полные штаны от ужаса перед нечистью. А вот его соплеменники и с ними асы рвались вперед так, словно у них другого дела на свете не было, только стереть с земли осквернявших ее гадов.

Тут на Конана обрушилось завывающее нечто, состоявшее в основном из щупалец и перепончатых крыльев. Голубое лезвие рассекло тварь пополам, и сила удара до половины вогнала меч в землю. Конан выдернул клинок, и рассвет заиграл на голубой стали. Конан бросил быстрый взгляд вверх и убедился, что солнечные лучи почти уже добрались до устья пещеры.

За исход сражения беспокоиться определенно не стоило Твари были далеко не бессмертны. А коли так, киммерийцы их перебьют. Всех до единого. Конан полез наверх. Дважды на него наваливалась еще какая-то нечисть, и дважды он стряхивал со своего меча поганую кровь.

Потом он оказался перед входом в пещеру.

Внутренность Обители Крома отчего-то странно дрожала. Далеко внутри, у самых ног изваяния, Конан заметил две человеческие фигурки. Они что-то делали перед подобием алтаря. Киммериец пошел в ту сторону, собирая по дороге поленья. Подойдя поближе, он уверился в том, что заподозрил с самого начала. Перед ним были двое чужестранцев, пришедшие с ванами. Один из них, тот, что был поменьше, заметил Конана, и глаза у него округлились. Молодой чужеземец выхватил из-за кушака длинный кинжал и бросился к Конану.

Тот бросил наземь собранный хворост и разбил горшочек с углями. Сухое дерево тотчас же занялось ярким огнем.

- Мерзкий варвар!.. - выкрикнул юноша, и по выговору Конан признал в нем вендийца. - Как смеешь ты!..

Его стремительный удар был ударом хорошо обученного убийцы. Трудно было даже разглядеть лезвие, метнувшееся к животу киммерийца.

Конан небрежно отмахнулся мечом. Вендиец с отчаянным криком отлетел прочь и прижал руки к окровавленной голове.

Костер между тем разгорелся как следует, а в пещеру проникли первые солнечные лучи. Конан вытащил пробку из пузырька, который так долго таскал с собой, и вытряхнул в огонь тонкую пыль, похожую на золу. И громко позвал:

- Хатор-Ка! Хатор-Ка! Хатор-Ка!..

Мощный голос прокатился по пещере, как гром. Но тут же у варвара зашевелились волосы: совсем рядом начало действовать могущественное волшебство.

Умом он понимал, что поручение выполнено, клятва больше не довлеет над ним - можно уходить прочь. Что-то, однако, заставило его задержаться, при всем том, что колдовских штучек он страсть как не любил.

Над пламенем возникло густое облако дыма. Потом, как будто издалека, послышался голос, распевавший на нечеловеческом языке. Дым начал оформляться, становиться плотнее. Голос приблизился, и Конан увидел перед собой в пещере стигийскую колдунью, столь же полную зла, сколь и прекрасную. Она стояла, не обжигаясь, прямо в огне, и ее одеяния развевал ветер, которого Конан не ощущал. Потом она вышла из костра и направилась в глубь пещеры. На киммерийца она не обратила никакого внимания.

Конан, ведомый непонятной силой, последовал за Хатор-Ка.

Она остановилась возле края провала, что зиял возле ног Крома. Джаганат стоял в нескольких шагах от нее, выкрикивая заклинания. По жирной физиономии катился пот. Каждый из магов вел себя так, словно второго здесь не было. Потом из лестничного провала донесся низкий рокот, и свет внутри пещеры странным образом изменился. Конан стоял неподвижно и молча, зажав в побелевшем кулаке рукоять меча. Что, однако, толку в мече, когда вокруг бушевали волшебные вихри?..

И в это время рядом с двоими возник третий. Из непроглядной темноты за статуей Крома вышел на свет некто величественный, облаченный в длинные ниспадающие одежды. Руки прятались в сомкнутых рукавах, голову венчал высокий, сложный убор. Откуда было

знать Конану, что новоприбывший носил облачение кхитайского Мага Высшего Посвящения, притом с особыми атрибутами Ордена Серебряного Павлина! Киммериец просто сказал:

- А тебя, Ча, просто не узнать стало.

- Зато ты точно такой, каким был, - прозвучало в ответ. - Знаешь, что тут происходит? Дурацкий балаганный спектакль, затеянный двумя колдунами, которые поглупели до того, что взялись метить в Боги!

- Правда? - удивился Конан. - И как, выйдет у них?

- В принципе это возможно... - Ча выпростал из рукава одну тонкую, изящную руку и погладил белоснежную бороду и длинные усы, разметавшиеся по груди. Однако на деле все будет так, как угодно настоящим Богам.

Рокот из-под земли звучал все настойчивее. Восклицания же двоих магов перешли в столь высокую тональность, что слух едва различал их. В это время снизу начала подниматься, возникать невозможная тень. Конан сразу узнал ее: это было то, что они видели в яме. Корчащийся ужас, состоявший из щупалец, присосок, суставчатых ног и зубастых пастей. У него были глаза как драгоценные камни. Конан не смог заглянуть в них и поспешно отвел взгляд.

Хуже всего было то, что от создания так и веяло жутким нечеловеческим разумом.

- Они призвали его из другой Вселенной, - сказал Ча. Сказал так спокойно, как если бы речь шла не о судьбах мироздания, а о заковыристом па деревенского танца. - Это некий божок, который, как они думают, придаст особую силу их заклинаниям. Они ошибаются. Существа вроде него не помогают жителям нашего мира. Те, кого твои родичи посчитали за демонов, тоже оттуда. Хатор-Ка вызвала их в наш мир, приказав наловить пленников и держать их готовыми для принесения в жертву. Ты и твои киммерийцы не дали этому совершиться. Вендиец привел свои жертвы с собой, но они обманули его, ушли и умерли чистой смертью. Теперь ни у одного нет преимущества...

И тут голос Хатор-Ка дрогнул, в то время как Джаганат продолжал без запинки. Глаза колдуньи полезли на лоб: она как будто запоздало поняла нечто очень важное. И очень страшное. Висевшее перед нею страшилище любовным движением простерло к ней щупальца и ухватило за талию. Потом медленно подняло, не слушая отчаянно выкрикиваемых заклинаний. Пение сменилось пронзительным криком: житель иного мира подтащил ее к скопищу многочисленных пастей и...

Голос Джаганата торжествующе раскатился и внезапно смолк. В пещере воцарилась тишина. Затем Джаганат начал расти. Он увеличивался в размерах и делался все величественней, пока не возвысился над двумя жалкими фигурками людей.

- Сбылось пророчество Скелоса! - выкрикнул он в восторге. - Я - господин всех магов Земли! Я буду царствовать до следующего пришествия Стрел Индры!..

- Ну уж нет! - яростно заорал в ответ Конан. - Не будут чужеземные колдуны править в Обители Крома!

Киммериец рванулся к возвеличившемуся волшебнику и, перехватив обеими руками рукоять меча, что было силы всадил благородный клинок в раздутое брюхо.

Его изумила странная легкость, с которой меч вошел в тело. Он выпустил рукоять и попятился...

Джаганат с легким удивлением посмотрел вниз. Потом улыбнулся:

- И ты думаешь, будто меч, выкованный руками смертных, способен мне повредить?..

Огромная рука ухватила черен и дернула наружу. Но вытащить почему-то не смогла.

Ча воздел палец и указал на меч, торчавший в животе Джаганата.

- Ты видишь перед собой, - возвестил он, - древний меч королей Валузии, выкованный четыре тысячи лет назад из обломков упавшей звезды - одной из Стрел Индры!..

Ярость исказила лицо Джаганата. Он принялся дергать меч, но только расширил рану. Оттуда хлынула кровь, потом дым - и наконец пламя. Джаганат безумно завыл и рухнул на пол пещеры. С потолка при этом посыпались камни. Тело несостоявшегося Бога начало съеживаться.

- Этого не может быть!.. - визжал он. Его голос, как и тело, быстро утрачивал сверхъестественность. - Я - Бог!.. Я владыка всех чародеев...

Конан снова шагнул вперед, взялся за меч и рванул на себя. Жирное тело наконец выпустило его, издав мерзкий хлюпающий звук. Джаганат откинулся на пол. Теперь это вновь был обычный толстый мужчина. Потом жизнь оставила его совсем.

Из глубины пещеры послышался нечеловеческий звук. Конан обернулся и увидел, что иномировое создание тянет к ним щупальца. Ча схватил его за плечо:

- А теперь бежим!..

Все его великолепное достоинство как ветром сдуло. Он подхватил свои долгополые одеяния, обнажив тощие сморщенные коленки, и во всю прыть рванул к выходу из пещеры. Конан последовал за ним без промедления. Позади них раздался каменный скрежет, от которого заколебалась вся вершина горы.

Стрелой вылетая наружу, Конан все-таки оглянулся. Злобная тварь все еще висела над полом, но кое-что изменилось. Потом до киммерийца дошло. Трон Крома был пуст. Конану понадобилось время, чтобы осознать это. Еще он увидел, как гигантская каменная ступня опустилась откуда-то сверху на заметавшегося иномирового божка и вкупе с телом Джаганата безжалостно растерла его по каменному полу пещеры...

Глава шестнадцатая
ПРОЩАЙ, КИММЕРИЯ!

Конан сидел на скальном выступе, кутаясь в плащ. С тех самых пор, как они с Ча выбрались из пещеры, на Бен Мор сыпался снег. В горы пришла зима.

Другое дело, любой житель Севера предпочитал холод я ветер зимы тому неестественному теплу, что совсем недавно царствовало на Бен Море.

Целый день и еще ночь воины кланов наводили порядок в пещерах, выводя на свет пленников, которых удалось разыскать. Многие были киммерийцами или принадлежали к иным северным племенам. Национальность некоторых не удалось определить даже Ча с Конаном. Люди свободно входили и выходили из зияющих тоннелей, тянувшихся от нижней ямы. А вот в Обитель Крома никто так и не заглянул. Не хватало решимости, и бесстрашные воины ничуть этого не стыдились.

Ча, вновь превратившийся в нищего ободранного гадателя, подошел к Конану и сказал:

- Вот теперь все хорошо. Нижние пещеры уже обваливаются. Скоро обрушится и эта яма. Все станет как прежде. Твой Кром не потерпит на Своей горе непотребства.

- А почему, - задумчиво спросил Конан, - у Хатор-Ка ничего не получилось?

- Ее вступай в союз с Тот-Амон. Его очень-очень большой колдун. Злой, но много-много умный. Его понимай, что с Богами шуток не шутят. Его делай вид, что давай ей полное Вызывание Сил, а сам утаивай ключевая строка. Моя думай, его решай: удобный случай избавиться от соперников!

- Надеюсь, - буркнул Конан, - мне с ним никогда дела иметь не придется.

Ча протянул руку ладонью вверх:

- Теперь твоя вернет моя амулет? Он у моя одна из лучших. Моги понадобиться!

Конан спрятал амулет в кулаке:

- Я за него, между прочим, заплатил. Что ты мне дашь?

Ча хихикнул:

- Моя погадать!

Конан согласился:

- Только предсказывай как следует. И уж соври что-нибудь хорошее... не как прошлый раз!

- Хорошо. Как тебе понравится, например, такое? Однажды твоя становись король Аквилония. Ну как?

- Ладно, забирай свой амулет, - сказал Конан и снял его через голову. Естественно, он не поверил ни единому слову. Он бросил амулет Ча, и тот поймал его на лету.

- Пока! - хихикнул кхитаец. - Моя пошла ловить свой дракон!

С этими словами старик исчез между скал. Конан печально покачал головой. Пожалуй, ему будет не хватать паршивого раскосого кхитаезы...

Войско уже собралось внизу, на Полях Мертвых. Новый могильный курган отметил место погребения павших в бою. Киммерийцы уже окончили простой ритуал похорон и были готовы к отбытию.

Конан разыскал Канаха. и остальных вождей.

- А с этими что будем делать? - спросил он, указывая на кучку освобожденных пленников, мерзнувших на зимнем ветру.

- Поделимся продовольствием и отпустим на все четыре стороны, я полагаю, ответил Канах. - А впрочем, молодые воины уже поглядывают на спасенных девчонок. Из них получатся отличные жены, да и свежая кровь кланам не повредит...

Вульфхере, слышавший эти слова, усмехнулся:

- После пещер им даже Киммерия покажется сносным местом для жизни.

Они покинули склоны Бен Мора и вышли на прилегающие холмы. Время от времени какой-нибудь клановый отряд покидал общее войско, направляясь домой. Мир будет продолжаться до тех пор, пока последние не вернутся к себе. Потом снова начнутся междоусобные распри.

Но был момент, когда все ополчение задержало шаг и задрало головы кверху. Издалека, из-за облаков, долетело как будто бы хлопанье исполинских крыльев...

К тому времени, когда Конан снова вступил на земли Канахов, с ним оставались только его ближайшие родственники да маленький отряд из Асгарда. Уже близка была зимняя стоянка, когда они устроили последний привал. Конан и Куланн стояли плечом к плечу. Куланн обнимал свою Бронвит. Он спросил Конана:

- Не зазимуешь ли с нами?

- Нет, - сказал тот. - Здесь мне не место. Неплохо, конечно, было бы заглянуть в знакомые места и повидаться с родней, но покамест мне еще не наскучило путешествовать. Я поеду с Вульфхере и проведу зиму у него в Асгарде.

- Что ж, счастливо тебе, родственник, - сказала Бронвит.

Конан уже повернулся идти, но что-то остановило его. Он вдруг по-новому ощутил тяжелый меч у бедра и почувствовал, что это был не его меч. Раньше он принадлежал ему. А теперь больше не принадлежал. Вот так-то. Конан снял меч с пояса и протянул Куланну вместе с ножнами:

- Держи. Это тебе для сына.

И сел в седло маленького горного пони из тех, на которых ездили асы.

- Не годится шастать туда-сюда без оружия, Конан, - сказал Вульфхере. Ас бросил Конану трофейный ванский меч, и киммериец повесил его на пояс.

- Конан! - окликнул Куланн. Непутевый Канах повернул пони, оглядываясь на родича. - Для которого сына? - серьезно спросил Куланн. - Мы их знаешь сколько хотим завести!.. Наверное, это первенцу? Мы, кстати, назовем его в твою честь...

Конан немного подумал, потом сказал.

- Самому достойному!

Вновь повернул лошадку и вместе с друзьями-асами поехал прочь с земли своих предков.